

9(00)3 63.3(0)4

3-12

М. А. Заборов

ИСТОРИЯ
КРЕСТОВЫХ
ПОХОДОВ
в документах
и материалах

М. А. Заборов

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ в документах и материалах

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История»

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»

1977

Рецензенты:

кафедра истории средних веков МГУ; проф. *Удальцова З. В.*

Михаил Абрамович Заборов

**ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ**

ИБ № 594

Редактор *Т. Г. Липкина*. Художник *С. В. Митурич*. Художественный редактор *Т. А. Коленкова*. Технический редактор *Л. А. Григорчук*.
Корректор *Н. Д. Макейкина*.

А—00465. Сдано в набор 13/VII 1976 г. Подп. к печати 7/XII 1976 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2 Объем 8,5 печ. л. 14,28 усл. п. л. 15,26 уч.-изд. л. Изд. № Ист-155. Тираж 20000 экз. Цена 64 к. План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1977 г. Позиция № 11
Издательство «Высшая школа»
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7. Зак. 1116

Заборов М. А.

3—12 История крестовых походов в документах и материалах. Учеб. пособие. М., «Высш. школа», 1977.

272 с.

Книга содержит важнейшие материалы по истории крестовых походов — отрывки из хроник, мемуаров, различного рода записок, писем. Документальному материалу предпослан источниковедческий очерк со сравнительной характеристикой источников

3 $\frac{10603-068}{001(01)-77}$ 11—77

9(М)3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема «Крестовые походы XI—XIII веков» занимает в курсе истории средних веков особое положение. Она находится как бы на стыке истории стран Европы и византийско-мусульманского Востока и уже вследствие этого является комплексной по своему характеру. Ею охватывается обширный исторический материал, знание которого позволяет глубже разобраться во многих существенных проблемах курса, имеющих принципиальное методологическое, общетеоретическое значение. Осмысление данной темы студентом-историком составляет одну из необходимых предпосылок для правильного понимания всей средневековой истории также и потому, что эти войны, ведшиеся, главным образом, рыцарством, которое воодушевлялось церковными лозунгами, — явление, чрезвычайно характерное для эпохи средневековья, отмеченной господством религиозного мировоззрения.

Сложная и своеобразная картина социальных и социально-политических отношений в феодальном обществе Запада и Востока раскрывается при изучении крестовых походов с большой полнотой, поскольку события и факты, образующие их историю, обрисованы не только в источниках западного происхождения (латинские хроники, папская переписка и пр.), но и в многочисленных повествованиях арабских, армянских, греческих, русских современников и очевидцев. С этой точки зрения, тема «Крестовые походы» в методическом плане вообще уникальна: работа над ней предоставляет студенту широкие возможности для ознакомления «из первых рук» с произведениями латинской, арабской, армянской, византийской, русской исторической литературы и других письменных памятников XII—XIII вв.

Пособие распадается на две неравные части. В первой, вводной, кратко излагаются сведения об основных источниках по истории крестовых походов, дается классификация этих источников и анализируется идейное содержание латинских хроник — главной категории наших источников; вместе с тем здесь характеризуются арабские, армянские, греческие и русские летописные и другие повествования о крестоносных войнах западного рыцарства на Востоке. Вторая часть книги включает фрагменты источников — хроник, дневников и писем участни-

ков и современников крестовых походов, их путевых записок и воспоминаний. Если назначение материала вводной части — познакомить студента с элементами источниковедения истории крестовых походов, то цель второй части книги — служить собственно пособием для проведения практических (семинарских) занятий.

Из-за ограниченности объема книги в ней приводятся лишь тексты, рисующие те или иные эпизоды истории Первого крестового похода, социально-политического строя Иерусалимского королевства и истории Четвертого крестового похода. Именно эти сюжеты находятся обычно в центре внимания изучающих данную тему. Подбор материалов определялся и двумя немаловажными дополнительными мотивами: отрывки, приводимые в книге, отражают главнейшие события обоих крестоносных предприятий и, что особенно существенно, по большей части представляют собой «параллельные» тексты. Тот или иной комплекс фактов освещается в них с разных сторон, с разных позиций, в разное время, на основе различных источников информации, находившихся в распоряжении составителей хроник, мемуаров, записок и пр.

Важнейшая задача студента, работающего под руководством преподавателя над текстами, заключается в выявлении сходства и различия в повествованиях, в отделении элементов исторической правды от вольного или невольного ее искажения средневековыми авторами, в том, чтобы в ходе занятий подвергнуть возможно более обстоятельному сравнению «показания» двух-трех и более «параллельных» текстов, авторы которых, каждый по своему, излагают одни и те же или близкие события.

Переводы латинских и старофранцузских фрагментов выполнены автором книги по наиболее авторитетным изданиям источников; в отдельных случаях использованы прежние переводы, которые выверены и исправлены по оригиналам. Отрывки из «Алексиады» приводятся в переводе С. Г. Слуцкой, сделанном ею для полного издания этого памятника, которое осуществил Я. Н. Любарский в 1965 г.; фрагменты же из «Истории» Никиты Хониата перевел кандидат исторических наук И. С. Чичуров. Автором переводов «Хронографии» Матфея Эдесского (с древнеармянского языка) является доктор исторических наук Р. М. Бартиян. Что касается сочинений арабских писателей, то, за исключением текстов из «Книги назидания» Усамы ибн Мункыза, которые дают

ся в старом переводе М. А. Салье, соответствующие отрывки впервые перевела на русский язык для настоящего пособия доктор филологических наук Б. Я. Шидфар. Имена и названия произведений арабских и армянских историков в ссылках на источники приводятся большей частью в русском переводе и в русской транскрипции.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ НА ВОСТОК

1. ЛАТИНСКИЕ ХРОНИСТЫ ПЕРВОГО И ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Основные известия о крестовых походах содержатся в западноевропейских хрониках XII—XIII вв., к которым примыкают произведения историков Латинского Востока. И хотя только часть этих сочинений непосредственно посвящена теме, в каждом из них — и излагающих всемирную историю, как ее тогда понимали, и историю отдельных стран, городов, местностей, монастырей, церквей — крестоносным сюжетам отводится значительное место. Вообще говоря, нет ни одной хроники или анналов этого времени, в которых не упоминались бы крестовые походы. Мы будем говорить лишь о произведениях, повествующих преимущественно о самих походах.

Первый крестовый поход (1096—1099), завершившийся захватом западноевропейскими рыцарями «священного» города трех религий — Иерусалима (15 июля 1099 г.) и созданием Латино-Иерусалимского королевства, привлек наибольшее внимание историков. Самым подробным образом он описан в произведениях, созданных участниками событий 1096—1099 гг. К числу таких произведений принадлежит прежде всего хроника под названием «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Ее автор — безвестный итало-норманнский рыцарь. Судя по его рассказу, он воевал сперва в отряде князя Боэмунда Тарентского, а начиная с лета 1098 г., после победы, одержанной ими под Антиохией над армией сельджуков, которой командовал мосульский атабег Кербога, сражался в ополчениях графа Раймунда Тулузского и герцога Роберта Нормандского. Сочинение этого рыцаря (обычно его называют просто Анонимом) охватывает историю похода со времени выступления отряда Боэмунда Тарентского (1096) и до битвы с египтянами при Аскалоне (12 августа 1099 г.). «Деяния франков и прочих иерусалимцев» — единственная хроника, принадлежащая светскому очевидцу похода, написанная на основе его дневника, вероятно, около 1100 г.

«Деяния франков» — один из лучших по полноте и достоверности повествовательных источников истории

Первого крестового похода. Его отличительная черта — несколько грубоватый реализм, свойственный простому рыцарю, сугубо военному, малообразованному человеку. Фиксируя в своих полуграмотных дневниковых записях те или иные события, он всегда стремился здраво оценить положение вещей, притом подмечал жизненно важные стороны происходящего. Его рассказ проникнут неподдельным интересом к живой действительности, и хронист обладает несомненной пытливостью, ясностью ума, наблюдательностью человека войны — качествами, позволяющими ему правдиво описать эту войну — со всеми ее тяготами, ужасами, жертвами и треволнениями. Аноним точен и обстоятелен в описании пути крестоносцев, географических деталей театра военных действий, в характеристике будничных фактов военной истории похода, большей частью — действий отряда Бозмунда Тарентского. В «Деяниях франков» вообще много внимания уделяется батальным сценам. Это — одна из немногих хроник Первого крестового похода, на основе которой можно составить более или менее отчетливое представление о битвах, происходивших в 1097—1099 гг. в Малой Азии, Сирии и Палестине, о расположении отрядов сражающихся, о военных приемах и хитростях сторон, тактике крестоносцев и их противников, ходе осады тех или иных укрепленных пунктов. Аноним довольно достоверно рисует бытовые подробности, касающиеся положения крестовосного рыцарства во время похода, рассказывает о дипломатических переговорах его вождей с сельджуками и многих других крупных и мелких событиях. В хронике всегда и с большой силой бьется пульс жизни.

Важным памятником истории Первого крестового похода является хроника, называемая «История франков, которые взяли Иерусалим». Ее автор, провансальский священник Раймунд Ажилский, состоял в свите и был духовником предводителя южнофранцузских крестоносцев графа Раймунда Тулузского. Он был также близок к папскому легату в крестовосной войске — епископу Адмару Монтейльскому из Пюи. Подобно Анониму, Раймунд Ажилский находился в центре многих важных событий Первого крестового похода. Его хроника написана главным образом во время осады крестоносцами Антиохии (в 1098 г.) и отчасти в конце 1099 г.

В отличие от «Деяний франков», прозаично рассказывающих о суровой действительности будней, произведе-

ние Раймунда Ажильского изобилует описаниями всякого рода священных небылиц, «чудесных» происшествий, якобы происходивших во время крестового похода: такие описания занимают почти четвертую часть труда провансальского летописца. Некоторые исследователи считают его поэтому не только человеком глубоких религиозных убеждений, но и фанатиком. В литературе высказывалось, однако, и другое мнение: Раймунд Ажильский, один из деятельных духовных пастырей воинства креста, не был слепо благочестив, — зачастую он просто придумывал, измышлял всяческие чудеса, небесные видения, исполнившиеся пророчества и тому подобные «факты», т. е. сознательно лгал, прибегал к благочестивому обману в целях подогревания религиозных чувств крестоносцев.

Обе эти точки зрения содержат в себе долю истины. По-видимому, хронист-священник, как это часто бывало в средние века, являлся одновременно и искренне верующим человеком, которому «чудо» представлялось в порядке вещей, и вместе с тем сознательным мистификатором, благочестивым обманщиком, изобретателем «чудес». Существует предположение, что свой труд Раймунд Ажильский предпринял исключительно для того, чтобы рассеять недоверчивое отношение многих современников к так называемому «чуду святого копья», рассказ о котором занимает центральное место в его повествовании. Именно это «чудо», в фабрикациях которого участвовал и сам Раймунд, он старается изобразить в качестве наимечательнейшего и наидостовернейшего события крестового похода — в противовес скептическим суждениям, высказывавшимся даже некоторыми церковниками. Однако, будучи исполнен темных предрассудков своего века, Раймунд Ажильский тем не менее, как и Аноним, реалистичен в своих описаниях повседневных событий похода, — он обстоятельно рассказывает о местностях и городах, через которые проходили крестоносцы, «дабы те, кто не видел этих мест, лучше поняли битвы и приступы, которые там происходили»; тонко и наблюдательно, не хуже заправского рыцаря рисует ход военных действий, которые он наблюдал вблизи и с явным интересом, зорко подмечая особенности тактики турок, образно оценивая результаты той или иной схватки, скупыми, но выразительными штрихами набрасывая картины взятия крестоносцами того или иного города. Наполняющий свое

повествование чудесами и видениями, хронист этот, пона-торевший в Священном писании и, казалось бы, всецело поглощенный «божественным», обнаруживает, подобно рядовому рыцарю Анониму, заметное пристрастие к финансовой стороне крестоносного предприятия: то и дело сообщает он о ценах на различные продукты, которые воинам приходилось закупать в дороге, о путевых расходах, вообще о рыночной конъюнктуре во время пребывания крестоносцев на Востоке; летописец-священник не забывает сказать и о добыче, которую захватывали рыцари в завоеванных ими городах, и о том, как князья-предводители старались подкупом привлекать к себе в отряды рыцарей, переманивая их у других сеньоров.

Черты такого трезвого восприятия описываемых событий налицо у всех хронистов — очевидцев Первого крестового похода. Следующая по исторической значимости хроника, рассказывающая о нем, — это «Иерусалимская история» французского клирика Фульхерия Шартрского (ок. 1059 — ок. 1128 гг.). В начале похода он сопровождал отряд герцога Роберта Нормандского, а затем, с 1097 г., участвовал в действиях крестоносцев графа Балдуина Булонского в Киликии; в качестве его капеллана Фульхерий находился в 1098 г. в Эдессе, — как раз тогда там было основано первое из государств крестоносцев, — и поэтому не присутствовал при взятии Антиохии и Иерусалима главным войском. Когда после смерти первого государя Иерусалимского королевства Готфрида Бульонского в 1100 г. Балдуин Эдесский занял его трон, Фульхерий также переселился в Иерусалим. Здесь он занимал высокие должности при дворах двух первых королей и фактически являлся официальным историографом Латино-Иерусалимского королевства, в котором прожил почти тридцать лет. Отдельные части хроники Фульхерия Шартрского создавались в разные годы: одни — в 1101 г., другие — в 1106 г., третьи, более поздние, — соответственно в 1124 и 1127 гг. Естественно, что «Иерусалимская история» — источник не только для истории самого крестового похода, она содержит массу ценных сведений и по ранней истории государств крестоносцев на Востоке. Сам Фульхерий, подчеркивая в ходе повествования свою правдивость и объективность, нередко указывает на то, что он был прямым свидетелем излагаемых в хронике событий: «Все это, — пишет историк — я, Фульхерий Шартрский, отправившийся вместе с остальными пилигримами,

тщательно и заботливо собрал позже, как я видел своими глазами, чтобы передать памяти потомства». И действительно, хроника Фульхерия, превосходно осведомленного автора, в общем и целом содержит вполне добротный фактический материал. Между прочим, этот хронист дал единственное в своем роде описание Константинополя конца XI в. Правда, «чудесам» в «Иерусалимской истории» тоже принадлежит немалое место — благочестивое воображение священника из Шартра отличалось большой пылкостью, и ему, как и Раймунду Ажильскому, на каждом шагу мерещилось необычайное, сверхъестественное, — но все же он выказывает иногда и рационалистическое отношение к отдельным, наиболее вопиющим проявлениям религиозного легковерия, выражая, например, пусть и в косвенной форме, сомнения по поводу истинности «чуда святого копья». По обилию и точности достоверных сведений самого разнообразного характера труд Фульхерия Шартрского несомненно принадлежит к числу лучших летописей Первого крестового похода.

В отличие от хроник итало-норманнского Анонима, Раймунда Ажильского и Фульхерия Шартрского — наиболее достоверных источников по истории Первого крестового похода — авторы других летописных повествований XII в. только в незначительной степени основывались на собственных наблюдениях и в таких случаях нередко приводили оригинальные и свежие данные, в остальном же они, по обычаю средневековых историков, использовали готовые образцы, главным образом, «Деяния франков» Анонима и «Историю» Фульхерия Шартрского, компилятивно перерабатывая их и кое-где включая дополнительные материалы, почерпнутые из устных рассказов очевидцев, из писем и различных документов. К этой категории сочинений относятся в первую очередь хроника участника похода, клирика Пьера Тудебода из Сиврэй (в Пуатье) — «История Иерусалимского похода», написанная преимущественно по анонимным «Деяниям франков» между 1101 и 1111 гг., и составленная в 1108—1110 гг. (также на основе произведения Анонима) «Иерусалимская история» архиепископа из Бретани — Бодри Дольского (ок. 1047—1130). С высокомерным пренебрежением отзываясь о своем предшественнике-воине, выпустившем «чересчур мужицкую книжищу», сам Бодри Дольский, однако, дополняет его повествование лишь немногими, да и то зачастую выдуманскими, деталями, глав-

ным же образом довольствуется тем, что исправляет некоторые «простецкие» выражения «неотесанного» норманнского рыцаря, показавшиеся архиепископу — знатоку латыни и утонченному стилисту — неподходящими для изображения столь «высокого» сюжета, как крестовый поход.

К повествованиям компилятивного характера принадлежит и «История, называемая Деяния бога через франков» (около 1109 г.): ее автор — видный французский писатель и историк, известный в особенности своей автобиографией, аббат Гвиберт Ножанский (1053—1124). Примечательно заглавие его произведения: от начала до конца труд Гвиберта Ножанского проникнут мыслью, заключенной в этом благочестивом названии. Поход на Восток — такова концепция, последовательно проводимая автором, — предпринят был по воле всевышнего, а крестоносцы (франки) выступали только исполнителями небесных предначертаний, переданных им через посредство римского первосвященника. Даже то обстоятельство, что в войне на Востоке не приняли участия коронованные особы, объясняется, как полагает историк, прямым божественным вмешательством: бог умышленно лишил королей милости участвовать в крестовом походе, чтобы никакой человек высокого положения не мог впоследствии приписать себе небесные деяния: «Хвала за это должна быть воздана богу, о человеке надлежит молчать». Именно господь собрал и удостоил победы столь огромное войско, а отнюдь не кто-нибудь из сильных мира сего. Бог один предводительствовал крестоносцами: «он правил, исправлял, доводил до конца начатое».

Так или почти так думали, впрочем, и все остальные летописцы первой половины XII в. Эта концепция — в науке она обозначается понятием «провиденциализм» (от латинского «провиденцио» — «провидение божье») — образует идейную основу их повествований. Провиденциалистское понимание истории вообще господствовало в европейской хронографии эпохи классического средневековья. В произведениях же латинских хронистов крестовых походов такое истолкование исторических событий проявлялось с необычайной рельефностью.

Почти все эти повествования в той или иной степени пронизаны восторженно-благочестивой экзальтацией, отражающей, конечно, умонастроения западных современников крестоносного движения в его начальной фазе.

«Деяния бога через франков» Гвиберта Ножанского словно вобрали в себя провиденциалистские установки, разделявшиеся как церковными, так и светскими историками крестового похода 1096—1099 гг. До отказа напичканный богословской премудростью, он чуть ли не во всякой мелочи усматривает перст божий, что не мешает ему, однако, подобно остальным, столь же благочестиво настроенным историкам крестового похода, вглядываться в факты реальной жизни, связанные с его историей, и описывать их со всей дотошностью. Да и по отношению к «чудесным» событиям, о которых сообщают хронисты, чьи повествования служили ему источником, Гвиберт Ножанский проявляет иногда определенную разборчивость и критицизм, не слишком свойственные писателям того времени. Он знает немало случаев, когда «чудеса» искусственно инсценировались, и с презрением к «постановщикам» такого рода инсценировок рассказывает и о них самих, и о простом народе, «бестолковом и жадном до всяких новинок», принимающем на веру эти лжечудеса. Гвиберт решительно настроен против заведомого обмана, ибо, будучи легко разоблачаем, он лишь подрывает авторитет церкви среди простонародья. В остальном же Гвиберт, как и многие другие хронисты, заполняет свое произведение вздорными историями о чудесах, сбывшихся вещих снах, видениях и т. п.

Во многих отношениях к произведению Гвиберта Ножанского близка «Иерусалимская история» монаха из Реймса по имени Роберт. Она была написана им около 1107 г. (либо между 1112 и 1118 гг.) по поручению аббата монастыря в Мармутье, некоего Бернара — факт сам по себе нередкий в практике средневекового историописания: подчас хроники крестовых походов составлялись церковниками или грамотеями-рыцарями по прямому либо косвенному распоряжению их духовных начальников и светских сеньоров, выдвигавших перед историками задачи апологетического свойства. Именно так обстояло дело и в данном случае. Роберт Монах, трудясь в своей уединенной келье в обители святого Ремигия, описывал крестовый поход вовсе не для удовлетворения простой любознательности аудитории, а имея в виду вполне определенные религиозно-назидательные цели: его хроника предназначалась для укрепления веры в сердцах всех тех, «которые прочитают эту историю или услышат, как се будут читать, и уразумеют выслушанное». Иными слова-

ми, задачей хрониста было упрочить своим рассказом престиж и влияние католической церкви. Роберт Монах создавал свой труд, как, впрочем, и многие другие служители церкви, писавшие о войне католиков против «неверных» в начале XII в., «ради прославления имени божьего» — следовательно, и ради прославления самой церкви, действовавшей от имени всевышнего. «Иерусалимская история» Роберта Реймского — первая полная история крестового похода, охватывающая события от Клермонского собора 1095 г. до 1099 г. Наибольшую ценность в его хронике представляет описание Клермонского собора, на котором монах-хронист лично присутствовал.

Следует упомянуть еще ряд хроник, в той или иной мере существенных для реконструкции предыстории и истории крестового похода 1096—1099 гг. Такова хроника немецкого аббата-бенедиктинца Эккехарда из Ауры (? — 1130), озаглавленная им «Иерусалимец, или Книга об угнетении, освобождении и восстановлении святой Иерусалимской церкви». Хроника была написана Эккехардом по возвращении из Палестины, где он пробыл полтора месяца в 1101 г., в основном по «Деяниям франков» Анонима, а отчасти по личным впечатлениям и рассказам очевидцев. Подобно Гвиберту Ножанскому, этот аббат стремится в меру своего разумения, руководствуясь принципами схоластики, очистить историю крестового похода от очевидных нелепостей, которые, в передаче иных авторов, якобы сопутствовали священной войне крестоносцев. Он хочет отмежеваться от явного религиозного бреда, распространившегося в особенности среди крестоносной бедноты (вроде «побасенки о гусе, который будто бы во время похода вел свою хозяйку» к Иерусалиму). Эккехард Аурский, прибегая к типично схоластической классификации чудес, делит их на «истинные» и «фальшивые». Таким образом он словно переносит в область истории приемы схоластического мышления и в этом плане предстает перед нами «рационалистом» — на церковный лад. Как и Гвиберт Ножанский, Эккехард отбрасывает те известия о «чудесах», которые, с точки зрения высокого сановника церкви, могут подорвать ее авторитет своей слишком уж бросающейся в глаза нелепостью или очевидной фальшью, но зато признает достоверность других, по сути дела не менее нелепых.

Большой интерес в хронике Эккехарда из Ауры представляет рассказ о причинах крестового похода, из которого явствует, что его побудили написать хронику полемические стремления: отстаивая официальную церковную версию происхождения крестового похода как «божественного» по своим истокам, хронист обрушивает благочестивый гнев на противников такого взгляда, по видимому, имевшихся тогда на Западе: он называет их «безрассудными, более того, бесстыжими людьми, которые, постоянно впадая в старое заблуждение, осмеливаются и всегда готовы поносить это новшество», т. е. крестовый поход. Естественно, что он приводит традиционные, религиозные мотивы отправления в поход. Однако этот весьма наблюдательный церковный деятель уловил и факторы социально-политического порядка, воздействие которых позволило папству легко «уговорить западных франков оставить свои деревни». Хроника Эккехарда позволяет представить картину развертывания крестового движения в германских землях. Кроме того, сочинение немецкого аббата содержит небезытересные сведения об утверждении завоевателей на Востоке: ведь автор непосредственно, хоть и недолго, наблюдал события, происходившие там тотчас после завоевания Иерусалима западным рыцарством. Апологетический тон, стремление прославить крестоносцев как «истинных учеников Христа», которые «победили царства мира», предвзятое, сугубо негативное изображение их противников,— все эти черты сближают труд Эккехарда с остальными хрониками Первого крестового похода.

Своим сравнительно реалистичным характером выделяется повествование норманнского рыцаря Радульфа, или Рауля, из Кана (ок. 1050—1130 гг.) — «Деяния Танкреда в Иерусалимском походе». Сам Рауль не участвовал в крестовом походе, но был свидетелем и очевидцем палестинских сражений (происходивших уже по окончании похода) двоюродного брата Боэмунда Тарентского, итало-норманнского авантюриста Танкреда. Рауль отправился в Палестину после неудачной войны Боэмунда Тарентского с Византией в 1107 г. и написал свою хронику в Иерусалиме (между 1112 и 1118 гг.) на основе личного дневника, куда он вносил рассказы Танкреда и других участников похода, с которыми ему приходилось встречаться. Это был, собственно, главный и единственный источник его информации о минувших событиях.

Рауль Канский вполне сознательно и обдуманно стремился возвеличить крестовый поход в глазах потомков, его сиятельных вождей и героев-рыцарей, в особенности — Танкреда. Рассказывать о деяниях князей — как определял писатель назначение своего повествования — дело благородное и потому, что такой рассказ спасает от забвения их самих, и потому, что он «прославляет мертвых и улаживает переживших [их]». А самое важное, что повествование о деяниях князей и о рыцарских подвигах «воскрешает то, что минует, показывает победы, прославляет победителей, выводит на свет медлительность, возвышает доблесть, клеймит пороки, внушает добродетели, — короче говоря, творит много хорошего». Прославление победителей в назидание грядущим поколениям — вот в чем, следовательно, усматривал историк-рыцарь смысл своего повествования о священной войне христианства.

Как и все хронисты, Рауль Канский стоит на провиденциалистских позициях в объяснении причин крестового похода, считая его боговдохновенным предприятием западных христиан, в первую очередь, норманнов. Он проникнут этим убеждением настолько, что без тени смущения приписывает его даже византийскому императору: сам Алексей Комнин якобы разделял взгляд, что крестоносцев направил на святое дело господь. «Как я вижу, — говорит император в своем, вымышленном историком, послании к Боэмунду Тарентскому, где греческий василевс приглашает последнего прибыть в Константинополь, — бог вдохновил франков начать этот поход, мудро поставив во главе их такого могущественного графа» (Боэмунда). Здесь безоговорочно и безосновательно представления западных христиан распространены на Византию, для правящих кругов которой крестовый поход, конечно, не являлся боговдохновенным деянием.

Тем не менее, Рауль Канский — в целом довольно трезво мыслящий историк, и под его пером война рыцарства на Востоке предстает прежде всего в своей земной, повседневной реальности. Даже там, где историк усматривает прямое божье вмешательство, — а усматривает он его подчас в совершенно случайных совпадениях фактов, ничего общего не имеющих друг с другом, — Рауль выдерживает в сущности реалистический тон, а то и вовсе впадает в грубый натурализм. При этом в его рассуждениях отчетливо выступает сочетание «телесности», нату-

ралистичности видения действительности с «духовностью» ее осмысления. Такое сочетание было чрезвычайно характерно для средневекового мировоззрения.

Элемент «чудесного» — один из обязательных признаков провиденциалистской интерпретации истории — у Рауля Канского, как и у рыцаря-норманна Анонима, присутствует в гораздо меньшей дозе, чем у хронистов-церковников. К тому же, в отличие от полуграмотного Анонима, Рауль Канский — человек широко образованный: он едва ли не самый крупный среди хронистов начала XII в. знаток классической литературы: в «Деяниях Танкреда» очень часто встречаются цитаты из произведений древнеримских писателей, историков и поэтов. Более того, этот «гуманист XII века», как его иногда называют исследователи, зачастую «списывает» качества своих героев у Тита Ливия и Вергилия. Повествование историка лишь в умеренных пределах затуманено провиденциалистской символикой, причем в суждениях Рауля Канского христианско-провиденциалистские представления сосуществуют и переплетаются с усвоенными из античной литературы языческими воззрениями и понятиями, такими, как фатум (рок) и т. п. Хотя историк и упоминает о «чудесах», он делает это осторожно и словно походя, избегая вдаваться в детали «чудесных» происшествий — необычайных небесных явлений, которые истолковывались другими хронистами в качестве знамений, и т. д. В обоснование своей позиции историк (и одновременно поэт) ссылается на то, что, поступи он по-другому, это увлекло бы его далеко в сторону от темы — описания подвигов Танкреда. А в изложении пресловутой истории с «чудом святого копья», якобы найденного в Антиохии и спасшего крестоносцев от неминуемой гибели, Рауль Канский высказывает сугубо скептическую точку зрения здравомыслящего человека: она отражала взгляд норманских предводителей крестового похода, которые враждовали с вождем провансальского рыцарства графом Раймундом IV Тулузским, — именно в его окружении была задумана и осуществлена инсценировка этого «чуда». Рауль Канский изображает находку «святого копья» благочестивым трюком, разоблачает всю его «механику», по своему раскрывает цели, которые преследовал главный организатор и устроитель этой инсценировки — граф Раймунд Тулузский, стремившийся таким образом обосновать свои притязания на Антиохию, обладания которой

домогался и Боэмунд Тарентский. Реалистическая и рационалистическая трактовка данного эпизода в «Деяниях Танкреда» непосредственно обусловлена политической позицией Рауля Канского, чьи симпатии всецело принадлежат князю Боэмунду Тарентскому.

Во всем остальном реалистический подход Рауля Канского к изображению описываемых им событий во многом напоминает их освещение в хронике Анонима. Это и не удивительно: Рауль повествовал о крестовом походе со слов Боэмунда Тарентского и Танкреда, в ополчении которых в свое время воевал и рыцарь-Аноним. Мирской, рыцарский дух их рассказов-воспоминаний, по-видимому, произвел сильное впечатление на будущего историка. В его произведении на переднем плане всегда жизненные картины, реальные события, которые он описывает в значительной степени под углом зрения Боэмунда и Танкреда. Многие в передаче автора «Деяний Танкреда» не обладают той скрупулезной достоверностью и точностью фактических деталей, которые составляют одно из важнейших достоинств «Деяний франков» Анонима. В описаниях Рауля Канского много стереотипного, скорее живописного, чем точного, наглядного — более, чем убедительно конкретного. И все же, рассказ Рауля Канского часто строится на «показаниях» очевидцев и потому обладает силой прямого свидетельства. Историк-поэт глубоко впитывал в себя безусловно реалистичные воспоминания своих «поводырей» и старался в своем повествовании сохранить трезвость их взгляда, что ему во многом и удавалось, несмотря на свойственную этому автору-поэту склонность к гиперболизации и поэтизации (ряд глав «Деяний Танкреда» написан стихами).

К нарративным источникам по истории Первого крестового похода, в основном имсущим компилятивный характер, могут быть отнесены еще две большие хроники. Более ранняя из них — «Иерусалимская история» лотарингского каноника Альберта Аахенского, написанная между 1120 и 1153 гг. Наряду с довольно точными и оригинальными сведениями это произведение содержит массу недостоверных, полуполюгендарных известий, почерпнутых, вероятно, у пилигримов, купцов, сказителей, возвращавшихся из Палестины и проходивших через город Аахен. Существует предположение, что в основе «Иерусалимской истории» лежит какая-то впоследствии утерянная хроника хорошо осведомленного лотарингского

хрониста, участвовавшего в походе. Во всяком случае, «Иерусалимской истории» свойственны определенные политические тенденции. Она написана с пронемецких позиций. Для хрониста весь крестовый поход — немецкое предприятие. Он выпячивает мнимые заслуги немецких рыцарей в отвоевании св. Земли, в идеализированном виде изображает герцога лотарингского Готфрида Бульонского и т. д. Кстати сказать, аналогичные тенденции проявлялись и в других хрониках немецких авторов того времени: их стараниями Готфрид Бульонский посмертно стал главной, популярнейшей фигурой крестового похода и идеалом рыцаря-крестоносца вообще.

Несколько позднее было создано другое по-своему значительное повествование о Первом крестовом походе — «История деяний в заморских землях» архиепископа Гийома Тирского (ок. 1130—1186 гг.) (в старых книгах его называют обычно на немецкий лад «Вильгельмом Тирским», но это неправильно: сам хронист считал себя французом и французский язык определял словами «наш язык»). Он был уроженцем Палестины и провел там большую часть своей жизни. Только в молодые годы Гийом некоторое время жил во Франции, где проходил курс университетского обучения. В 1165 г. каноник Гийом вернулся на родину. Его приняли на службу к иерусалимскому королю Амори I. Гийом Тирский был образованнейшим человеком своей эпохи. Он хорошо знал древние языки и владел арабским. Будущий историк слыл знатоком античной литературы: в своих «Деяниях в заморских землях» он цитирует Тита Ливия, Овидия, Светония, Цицерона, Теренция, широко использует сравнения и образы, почерпнутые в их сочинениях. Вместе с тем это был высокий церковный сановник, искушенный во всех тонкостях богословия и канонического (церковного) права.

Гийом являлся и выдающимся политиком: он непосредственно участвовал во многих событиях политической жизни Латинского Востока и Западной Европы, играл заметную роль в различных международных дипломатических акциях второй половины XII в. В 1168 г. Гийом, посвященный в архидьяконы, по поручению короля Амори I ездил с дипломатической миссией в Константинополь. Он вел переговоры с императором Мануилом о союзе против Египта. В византийской столице Гийом прожил более полугода. С 1174 г. он был канцлером и

наставником юного короля Балдуина IV, с 1175 г. — архиепископом в Тире. В 1178 г. Гийом Тирский в составе делегации церковных сановников был направлен на третий Латеранский собор (1179) в Рим. После возвращения из Рима на родину (по пути Гийом выполнил дипломатическое поручение папы Александра III при Константинопольском дворе) архиепископ Тирский не принимал более активного участия в политической жизни Иерусалимского королевства и почти целиком посвятил себя завершению своего исторического труда.

«История деяний в заморских землях» охватывает, помимо Первого крестового похода, историю франкского Востока (включая и Второй крестовый поход) вплоть до 1184 г. Первые пятнадцать книг сочинения Гийома Тирского, в которых излагаются события до 1144 г., являются компиляцией, базирующейся главным образом на данных хроники Альберта Аахенского, отчасти — хроник Раймунда Ажилльского, Фульхерия Шартрского и Бодри Дольского, а также (для времени между 1127 и 1144 гг.) на сведениях, почерпнутых из бесед с людьми старшего поколения. Эта часть «Истории деяний» создавалась в 1169—1178 гг., в ранний период исторического творчества Гийома Тирского, когда он выступал в качестве придворного историографа, выполняя прямое поручение Амори I, с которым не раз в процессе работы советовался о написанном, читая ему те или иные отрывки. В следующей части своего произведения, рисующей события 1144—1184 гг., автор опирался на собственные воспоминания и свидетельства современников. Излагая события после 1165 г., он использовал в значительной мере материалы архивов, к которым имел доступ, поскольку занимал высокое положение в церкви и государстве. Эта часть хроники была создана Гийомом Тирским в последние годы его жизни, когда он находился фактически в опале у победившей в межфеодальной борьбе в Иерусалимском королевстве группировки Гвидо Лузиньяна, и, будучи избавлен обстоятельствами от обязанностей придворного историка, мог рассматривать и описывать современные ему события более объективно.

Труд Гийома Тирского имеет, таким образом, гораздо более общее значение, чем источник только для истории крестового похода конца XI в.: он представляет собой первое сводное сочинение, охватывающее события крестовых походов почти за столетие (с 1095 по 1184 г.).

Как историк Гийом Тирский, особенно во второй части своего труда, стоит на голову выше авторов, рисовавших некогда крестоносную эпопею «по горячим следам». Он писал о ней спустя почти три четверти века, когда религиозные страсти, в немалой степени способствовавшие возникновению массового военно-колониционного движения на Восток, поулеглись и когда можно было подойти к событиям 1096—1099 гг. несколько иначе, чем это делали современники крестового похода. Гийом Тирский не только более широко подходит к освещению далекого прошлого, он — и это главное — относительно свободнее от богословской предвзятости и стремится понять действительные причины гигантского конфликта западного и восточного миров, разразившегося в конце XI в. Правда, и Гийом Тирский мыслил в русле августиновской концепции исторического процесса, признавая небесное вмешательство решающим фактором в истории крестового похода. Рассказ ведется в традиционной провиденциалистской манере, но все-таки Гийом Тирский меньше верит легендам и чудесам, наполнявшим повествования ранних хронистов. В его «Истории деяний» наряду с теологическими объяснениями встречаются сугубо рационалистические построения, обнаруживается сравнительно реалистичное понимание темы. Те самые факты, которые приводил уже Альберт Аахенский, Гийом Тирский преподносит куда прозаичнее: «мистический тон» старых легенд о происхождении крестового похода у Гийома Тирского ослаблен, события разворачиваются в его хронике гораздо более «разумно».

Наращение интереса к мирскому, усиление реалистичного духа, все большее обращение к собственно историческим — экономическим, политическим обстоятельствам, обусловившим те или иные повороты в судьбах крестоносного движения, к обыденным, житейским мотивам и побуждениям крестоносцев и их предводителей, потускнение «потусторонней» направленности повествований, «чудесного» элемента, — все это в особенности характерно для хроник Четвертого крестового похода (1199—1204). Причины такой эволюции отчасти связаны с охлаждением на Западе к XIII в. бывшего крестоносного воодушевления, но в основном они коренятся в общеисторических условиях развития идеологии и культуры западноевропейского феодального общества. Со второй половины XII и в XIII в. весь жизненный уклад

на Западе претерпевает глубокие перемены. Во многом они предопределялись появлением и ростом городов, городской культуры, школы, образованности. Это, с одной стороны, эпоха расцвета католического богословия и схоластики, представленных такими прославленными авторитетами, как Ансельм Кентерберийский, Бернар Клервоский, Фома Аквинский, но вместе с тем это период, когда в церковной науке стали появляться свежие веяния. В недрах схоластики возникли прогрессивные направления, последователи которых пытались сочетать разум с верой и даже противопоставляли знание, полученное эмпирическим путем и осмысленное разумом, слепому принятию католических догм. Это была эпоха знаменитых вольнодумцев — Абеяра и Арнольда Брешианского, Леонардо Пизанского и Роджера Бэкона, Сигера Брабантца и Боэция Дакийского. В это время наряду с рыцарскими завязываются жаркие философско-богословские турниры, в которых скрещивают полемические мечи реалисты — ортодоксальные теологи идеалистического толка — и номиналисты, стремившиеся приблизиться к эмпирическому знанию о природе вещей и несшие зачатки материалистических представлений.

Исподволь вся феодальная культура начинает подвергаться секуляризации, «обмирщению». К XII—XIII вв. относится появление и наивысший подъем рыцарской, в первую очередь, провансальской поэзии, служившей тогда, по выражению Ф. Энгельса, «недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан». Она была проникнута светским духом, напоена теплым воздухом французского юга, прозрачной голубизной его неба, полна преклонения перед красотой его земной природы. Эпические или лирические поэты-провансальцы, воспевая войну и любовь, воспевали жизнь в ее земном обличье. Они тонко чувствовали человеческую душу и умели затронуть ее струны, прославляли прекрасное и бичевали порочное, знали цену незлобивой шутке и умели пускать отравленные ядом сатирические стрелы.

Иные из провансальцев не только поэтической практикой отвергали аскетизм церковной культуры, всецело устремлявшей человеческие помыслы к загробному миру, но подчас отваживались нападать и на самое католическую церковь. Среди трубадуров, а также северофранцузских труверов и немецких миннезингеров были поэты,

которые еще поднимали на щит идею крестового похода как религиозного подвига (Жоффруа Рюдель, Эмри Беленуа, Конон Бетюнский — участник Четвертого крестового похода, Вальтер фон дер Фогельвейде), призывали к новым священным войнам и сами в них участвовали, но были и такие, которые отвергали идеализированные представления о крестовом походе (Гюг де Бреги, Понс Калдюэльский, Эльяс Кайрель), а то и вовсе резко осуждали и высмеивали эти папские предприятия, обогащавшие Рим (Гийом Фигейра).

Мирские мотивы сказываются и в другой сфере феодальной культуры: в рыцарских романах, где бурно бьет светская, в особенности сказочно-приключенческая струя. Вместо прежних святых легенд, поэтических преданий эпохи Первого крестового похода или наряду с ними расцветает волшебная фантастика; бок о бок с небесными «чудесами», со святым Граалем расписываются чудеса этого мира. Если их не видят, то их измышляют — и не только романисты, но и историки.

Вторая половина XII и XIII в. — это время широкого развития интенсивного товарообмена между Западом и Востоком, происходившего вопреки напряженным отношениям, вызванным крестоносной агрессией. Рост коммерческих связей повлек за собой возникновение потребности в путешествиях, в знакомстве со сказочными заморскими землями. Крупный историк крестовых походов XIII в. Жак Витрийский оставил в своей «Восточной истории» подробные и отмеченные живым интересом к натуре описания растительного и животного мира стран Востока. В его произведении по существу отсутствует какой-либо намек на религиозное воодушевление, свойственное авторам первых хроник крестовых походов. Жак де Витри преподносит собранный им материал, относящийся к истории Иерусалимского королевства, скорее под углом зрения географа, политика и этнолога. Его сравнительно мало занимают деяния крестоносцев; зато он систематически включает в повествование статистические данные, характеризующие природные условия и хозяйственную жизнь Иерусалимского королевства.

Несмотря на противодействие церкви, делает успехи просвещение, распространяются нецерковные школы, отвечавшие нуждам горожан. Появляются зачатки точных и естественных наук. Возрождается изучение римского права: немецкий аббат Вибальд Корвэйский жаловался,

что монахов его обители невозможно оторвать от юриспруденции и вернуть к истинно христианским занятиям. Повышается интерес к архитектуре, живописи, ваянию.

Все эти знаменательные факторы социально-экономической и культурно-исторической жизни XII—XIII вв., породив новые черты общественной идеологии, получали свое выражение и в историографии. Нарастание «мирского духа», повышение внимания к земному, прозаическому и сокращение или даже почти полное исключение чудесного «небесного вмешательства» при описании событий, развитие которых представляется результатом поступков участников, их геройства или трусости, верности или предательства, инициативы или бездействия, воинского искусства или храбрости, — таковы новые явления, характеризующие хронографию крестовых походов в тот период, когда в самом крестоносном движении на первый план все отчетливее выдвигаются его политические, завоевательные, торговые стимулы.

Четвертый крестовый поход, приведший к завоеванию французско-итальянским рыцарством Константинополя и образованию Латинской империи, был описан во многих мемуарах и хрониках. Самые содержательные и надежные из них принадлежат двум феодалам, участникам и очевидцам этого разбойничьего предприятия, и одному клирику, писавшему со слов участника похода. Мы имеем в виду записки видного предводителя крестоносцев маршала Шампанского Жоффруа Виллардуэна (ок. 1150—1213) «Завоевание Константинополя», продиктованные им в конце жизни (после 1207 г.) на французском языке и имевшие своей основой дневниковые заметки, более или менее систематически ведшиеся автором с 1201 г. Речь идет далее о написанных, также по-французски (на пикардийском диалекте), мемуарах амьенского рыцаря Робера де Клари (ок. 1170 — после 1216 гг.) «О тех, кто завоевал Константинополь», известных также под названием «Завоевание Константинополя»: они составлялись, по-видимому, в течение многих лет (во всяком случае, уже по возвращении автора на родину, последовавшем вскоре после битвы при Адрианополе в 1205 г.) и излагали события до 1216 г. — дата, на которой обрываются мемуары Робера де Клари и вместе с тем исчезают всякие сведения о нем самом. Что касается автора-церковника, то им был эльзасский монах Гунтер из обители Пэрис, написавший в 1207—1208 гг. свою

«Константинопольскую историю» по рассказам вернувшегося из Константинополя пэрисского аббата Мартина.

Кроме того, о событиях Четвертого крестового похода более кратко и фрагментарно повествуют другие западные очевидцы и современники, писавшие с их слов, прежде всего церковники, которые собрали в результате ограбления Константинополя обильную жатву. Так появились «Паломничество в Грецию» безымянного немецкого монаха из Гальберштадта — хроника, написанная им в 1208 г. по воспоминаниям или отрывкам из дневника епископа Гальберштадтского Конрада фон Крозиг, участвовавшего в походе; «Константинопольское опустошение» также безымянного автора, судя по некоторым данным, принадлежавшего к окружению главного вождя похода — Бонифация Монферратского; «О взятии и ограблении Константинополя латинянами» — краткое повествование, написанное епископом Ришаром Амьенским (? — 1211 г.) по рассказу его каноника Валона, доставившего по возвращении из похода реликвии в родной город; столь же лаконична хроника, написанная около 1204 г. неизвестным клириком (или каноником) Суассонской церкви в качестве введения к составленной им описи святынь, привезенных из Константинополя, — «О земле Иерусалимской и каким образом были доставлены реликвии из города Константинополя в эту церковь».

Элементы светского подхода к изображению причинно-следственных взаимосвязей и характера исторических событий в хрониках XIII в. выступают заметнее и рельефнее, в еще более подчеркнутом и обнаженном виде, чем в произведениях предшествующего столетия. Было бы неверно представлять себе труды историков XIII в. вовсе свободными от богословских исторических концепций. Нет, они остаются произведениями средневековых авторов, в основе мировоззрения которых лежат теологические представления. Опираясь на них, все они, каждый по-своему, стараются достичь апологетических целей, восславить крестоносные деяния, что еще более усиливает звучание в их сочинениях типичных мотивов провиденциалистской философии истории. «События, — утверждает Жоффруа Виллардуэн, — ведь следуют так, как это угодно богу». В общем, мирском контексте его мемуаров такого рода суждения, чаще всего брошенные вскользь, выглядят даже несколько неожиданно, но их

отнюдь нельзя рассматривать лишь как формальную дань историка традиции, «провиденциалистскую отписку», шаблон, которому не придается особого значения. Напротив, маршал Шампанский (и то же относится к другим историкам-рыцарям, не говоря уже о хронистах-церковниках), опытный военачальник, способный государственный деятель, умелый и ловкий дипломат, — это феодал, искренне верующий во все то, во что надлежало верить доброму католику. Религиозен и рыцарь Робер де Клари, который в высшей степени занимательно, красочно и реалистично рисует фактическую историю крестового похода против христианских городов Задара и Константинополя. Сама победа крестоносцев над греками — это, в представлении обоих мемуаристов, акт высочайшей милости бога к своему воинству. Только «при его поддержке, — заявляет Виллардуэн, — не более двадцати тысяч вооруженных людей одолели четыреста тысяч человек, а то и больше, — и это в самом могущественном городе, который только был во всем мире». Подобные же представления пронизывают (и даже с еще большей полнотой) произведения церковных писателей — Гальберштадтского Анонима, Гунтера Пэрисского и других. Все они еще прочно стоят на провиденциалистской почве. И, тем не менее, их записки вносят во всю латинскую историографию крестоносной темы значительную порцию реалистического понимания истории.

Как уже отмечалось, в сочинениях хронистов провиденциалистски-символизированное изображение крестовых походов сочетается с обыденно-непосредственным, безыскусным; события излагаются такими, какими их наблюдали очевидцы или же информаторы, чьими сведениями они пользовались. В мемуарах и хрониках XIII в. соотношение религиозно-символического воспроизведения действительности и ее мирского видения явственно изменяется в пользу второго: исторические события преподносятся гораздо более отчетливо, чем это наблюдалось раньше, во всей их живой непосредственности, «во плоти», рассматриваются в их земном ракурсе.

Знаменателен сам по себе тот факт, что ряд мемуаров о Четвертом крестовом походе написан не на латинском, а на французском народном языке, а записки Робера де Клари — даже на местном диалекте. Это обстоятельство, с одной стороны, отражает развитие национального самосознания во Франции, с другой — свиде-

тельствует о стремлении историков стать ближе к жизни, спуститься с заоблачных высот символических и аллегорических толкований на земную твердь. Поэтому-то они и рассказывают о пережитом и увиденном собственными глазами так, чтобы сделать свой рассказ доступным и интересным для более или менее широкой аудитории. О том же стремлении говорит и общий тон повествований — простой, незамысловатый, лишенный риторической выпренности, наблюдавшейся иной раз в ранних хрониках крестовых походов, — тон рассказов не о «деяниях божьих через франков», а о собственно людских делах, определяемых практическими интересами их участников. Сочинение Робера де Клари и вовсе напоминает рыцарский роман: настолько богато оно самыми невероятными, но вполне земными по своему характеру приключениями, настолько исполнено полета фантазии, в особенности там, где этот рыцарь недостаточно осведомлен о подлинных событиях (например, в области политической истории Византии накануне крестового похода). Да и в повествованиях церковных авторов, таких, как Гунтер Пэрисский, прежде всего действуют живые люди, решительные или колеблющиеся, благородные или низкие, а события в основном развиваются в силу их внутреннего сцепления, подчас — в силу случайностей; решения принимаются и осуществляются самими крестоносцами, руководствующимися соображениями, продиктованными обстановкой, и верховный творец вмешивается в них не так уж часто.

Согласно провиденциалистской схеме, история могла освещаться двояким образом: либо она мыслилась как реализация некоего божественного плана, от века намеченного создателем во всех подробностях (так что любое событие молчаливо считалось как бы конкретным моментом его осуществления), либо — как воплощение воли всевышнего, наметившего свой план лишь в самых общих чертах и претворяющего его в жизнь путем непосредственного вмешательства в земные дела, включая вмешательство «отрицательного» характера — «попустительство» чему-либо, противному воле творца. В XIII в., когда происходят глубокие сдвиги в развитии идеологии феодального общества, когда намечается обмирщение феодальной культуры в целом, в историографию все шире проникают свежие веяния. Среди историков распространяется и укореняется представление об отсутствии

повседневного, сиюминутного, прямого вторжения бога в историю, представление о том, что ее общее течение предопределено им с сотворения мира, раз и навсегда. Такая концепция (конечно, она еще сосуществует с прежней, господствовавшей до того формой провиденциалистского исторического мышления) открывала более благоприятные перспективы для сравнительно трезвого восприятия и изображения действительности, в том числе истории крестовых походов.

С этим связан и ярко выраженный интерес авторов записок и хроник Четвертого крестового похода к самим людям, участникам событий, к мотивам их поведения, внутренним переживаниям. Все чаще проявляется стремление историков проникнуть в сферу психологии героев, раскрыть их человеческие достоинства и слабости, изобразить их душевный мир, психологически мотивировать их поступки, дать портретно-психологические зарисовки как крестоносцев, так и отчасти их противников. Попытки представить индивидуальные побуждения, двигавшие участниками крестоносных войн,—также новая черта хронографии крестовых походов, показатель дальнейшего поворота историков и хронистов от традиционно-символизированного воспроизведения действительности к ее реальному отображению. О том же говорит их значительно возросшее внимание к сугубо прозаическим конкретным деталям событий, живость, точность и динамизм описания военных эпизодов, окрепший интерес к денежным вопросам, приобретающим тогда все большее практическое значение в жизни феодального класса, и, вместе с тем, отсутствие, редкость или скудость рассуждений авторов хроник о божественном соизволении и прочих излюбленных темах ранней хронографии крестовых походов. Именно эти черты хроник XIII в., содержащих достоверный, исторически «доброкачественный» материал, особенно ценны для нас.

Разумеется, хронисты ни в коей мере не были беспристрастными свидетелями. Образ летописца, который передает происходящее на его глазах и, тем более, при его участии, «добру и злу внимая равнодушно», совершенно не соответствовал бы действительности, если представить в этом облике любого из католических хронистов крестовых походов. Даже те из них, которые внешне отгораживались от мира в своих кельях (а ведь многие из них вовсе не были монахами-затворниками и находи-

лись в гуще описываемых событий), всегда руководствовались определенными субъективными намерениями, всегда преследовали — осознанно или подсознательно — те или другие практические, как правило, апологетические цели, всегда питали те или другие симпатии или антипатии. Нужно, кроме того, иметь в виду, что и степень осведомленности разных авторов была неодинаковой и что среди них иногда встречаются полуграмотные, а то и вовсе неграмотные повествователи (к примеру, Робер де Клари, который за неграмотностью не писал, а диктовал свои мемуары, да еще на родном диалекте). И все же хронисты в огромном большинстве своем были в общем и целом довольно добросовестными рассказчиками. Зачастую они отличались острой наблюдательностью, достаточно объективно, подчас даже критично, судили об отдельных событиях и, что особенно существенно, нередко включали в свои рассказы факты, шедшие, казалось бы, вразрез с их собственной принципиальной схемой истории крестоносного движения; более того, в хрониках порой высказывались суждения, противоречившие коренным, основополагающим установкам, которые вытекали из этой схемы.

Следует, однако, иметь в виду, что уровень достоверности и степень объективности в повествованиях хронистов далеко не одинаковы: то и другое зависит — помимо факторов субъективного порядка — прежде всего от характера конкретных сюжетов и явлений, описываемых в хрониках. Достоверность и объективность их авторов более высоки там, где раскрываются различные стороны антуража, внешней среды, в которых осуществлялись завоевательные предприятия крестоносцев, или описывается внешний ход событий (битв, переходов, осад, наступлений и отступлений, покорения городов и пр.). Напротив, хронисты менее объективны, когда характеризуют самих крестоносцев, их политику, причины и мотивы их поступков, или в особенности, когда рисуют противников крестоносцев, будь то турки, арабы или греки. Иначе говоря, объективность латинских хронистов относительна, и проявляется она зачастую крайне неравномерно.

Нередко хронисты являлись непосредственными участниками описываемых событий и передавали виденное ими самими или слышанное от других участников. Сплошь да рядом они строили свои повествования на основе собственных дневниковых записей или путевых

заметок, сплошь да рядом использовали сведения, почерпнутые в беседах с другими очевидцами, а иногда обращались к документальным материалам и к переписке.

Уже поэтому хронисты, люди любознательные, более или менее адекватно отражали многие эпизоды крестовых войн. Авторам XII—XIII вв. в определенной мере были свойственны безыскусственность, граничившая порой с наивностью, живость и натуралистичность восприятия, своего рода «святая простота», естественно сочетавшаяся у этих полуграмотных клириков и рыцарей с жадной любознательностью.

Во время войны на Востоке они столкнулись с необычной и непривычной для них средой — с новыми обстоятельствами и незнакомыми людьми, с ранее неизвестными странами и с целыми народами, о которых до того если и знали, то лишь понаслышке, с различными фактами, самой своей новизной возбуждавшими их любознательность. Неподдельный интерес ко всему, что они видели и переживали во время походов на Восток, служил важнейшим источником достоверности их повествований. Прямота, бесхитрость видения, причудливо переплетаясь с сознательной или неумышленной тенденциозностью, нередко даже брала верх над нею, как бы превозмогала апологетические намерения историка. В результате его труд освещал и те стороны крестовых действий, которые по своему объективному смыслу как будто бы выпадали из развивавшихся хронистом общих представлений о «святом» деле, предпринятом на Востоке ратниками христовыми, и о них самих; он передавал факты, которые по сути противоречили авторской тенденции, тем самым обнажал подлинные причины и цели того или иного крестового похода, раскрывал его действительный характер, свидетельствовал о деяниях, которые сами по себе опровергали тенденциозные установки хрониста, рисовали истинное, совсем неблагоприятное обличье воинов креста, их поведение и пр. В конечном счете историческая реальность отражалась в хрониках относительно верно и точно, — сила пережитого хронистом (или его информатором) на месте впечатления оказывалась могущественнее предвзятых представлений и апологетической устремленности.

Иногда источником объективности хронистов является их прямая заинтересованность в наибольшей нагляд-

ности, конкретности и точности описываемого: ведь сами хроники подчас составлялись в качестве своего рода практических руководств будущим крестоносцам.

Многие элементы объективности латинских историков обуславливались их собственным опытом и общественно-профессиональным положением. Историки-рыцари, к примеру, особенно квалифицированно, с подлинным знанием дела преподносят факты военной истории крестового движения, что не всегда можно сказать об историках-церковниках. Священник или мелкий рыцарь, находящийся в окружении того или иного сиятельного предводителя (графа или герцога), стремится по возможности в наилучшем виде изобразить его деяния в походе. Однако будучи в то же время свидетелем неблагоприятных поступков своего героя, его ошибок и промахов, автор силою обстоятельств оказывается вынужденным упоминать и обо всем этом: по своей социальной принадлежности он стоит ближе как раз к тем кругам крестоносцев, среди которых предводительство данного сеньора на отдельных этапах похода вызывало нарекания, недовольство. Хронист, следовательно, невольно выступает выразителем общественного мнения данной социальной группы, мнения, расходящегося с апологетическими намерениями самого хрониста, и благодаря этому приподымает завесу над теми эпизодами, о которых, возможно, хотел бы умолчать перед читателем.

Напротив, высокий ранг церковнослужителя и необходимость для его носителя блюсти интересы «певесты христовой», т. е. церкви, заставляют таких хронистов, как Гвиберт Ножанский и Эккехард из Ауры критически относиться к чересчур, как им представляется, легковесным «чудесным» трюкам и мистификациям, которые могут лишь подорвать авторитет церкви. С другой стороны, близость хрониста-поэта рыцаря Рауля Канского к князю Боэмунду Тарентскому — сопернику графа Раймунда Сен-Жилля, организовавшего через своего капеллана пещуклюжую, шитую белыми нитками находку «святого копья» в Антиохии, выступает решающим фактором, который определяет разоблачительную позицию историка по отношению к этой генеральной мистификации времени Первого крестового похода. Рауль Канский выказывает способность к трезвому объяснению «чуда» прежде всего потому, что выражает общественное мнение норманского, антипровансальски настроенного рыцарства,

скептически воспринявшего басню о чудесной находке реликвии, басни, пущенной в ход кем-то из окружения графа Раймунда IV.

В некоторых случаях сами провиденциалистско-апологетические воззрения хронистов, как это ни парадоксально на первый взгляд, определяют объективность изображения ими каких-то моментов истории крестовых походов. Ведь согласно провиденциалистским установкам, все, что совершали крестоносцы, все, что с ними происходило, — шло от бога, свыше. Сама эта отправная «методологическая» установка требовала от хронистов добросовестного описания пережитого, виденного и слышанного — «ради прославления имени божьего». Рассматривая крестовый поход как дело воли всевышнего, они бесхитростно фиксировали в своих трудах не только факты, способные, с точки зрения католических историков, прославить исполнителей божьих предназначений — крестоносцев. Передавались и такие факты, которые, собственно говоря, не прибавляли им особой славы и даже самим хронистам представлялись, например, результатом кары господней за грехи освободителей святого гроба. Точно так же, апеллируя к небесным предназначениям, хронисты без тени смущения подробнее описывали в своих произведениях и неудачи крестоносных воинств, и всяческие зверства, чинившиеся благочестивыми захватчиками на Востоке, и эпизоды, красноречиво вскрывающие низменную материальную подоплеку «святых помыслов» воинов креста.

Таким образом, хронисты порой и в самом деле следовали декларируемому ими девизу «правда и только правда», но поступали так потому, что этот принцип вполне согласовывался с их представлением о крестовом походе как о деянии божьем: его хорошие и дурные стороны должны быть в равной степени раскрыты в их сочинениях.

Только в редких случаях достоверность повествований связана была с критическим отношением историков к источникам своей информации, с попытками пересмотреть их, дополнить более достоверными сообщениями, проконтролировать документальным материалом и т. д., но попытки подобного рода были весьма робкими. Как правило, хронисты либо почти буквально списывали друг у друга полный текст или какие-либо его части, либо довольствовались чисто стилистическим исправлением

своих источников, сокращали их, расширяли, иногда перелагали заимствуемые тексты в стихотворную форму.

Совершенно очевидно, однако, и другое: независимо от того, насколько отдельным представителям латинской хронографии была свойственна субъективная добросовестность, критичность, наблюдательность и аналогичные достоинства, все латинские хронисты в принципе рисуют крестоносное движение в ложном свете, в соответствии с социально-политическим заказом, который они получали от своего класса и важнейшим условием которого было всемерное прославление войн католиков против «неверных». Хроники латинских авторов превозносят крестовые походы с позиций западноевропейских феодалов и церкви. В этом — главная причина, делавшая хронистов неспособными к адекватному, вполне достоверному воспроизведению событий, к их правильному объективному пониманию.

Только последовательное, систематическое сопоставление свидетельств латинских повествователей дает возможность реконструировать подлинную историю крестовых походов.

II. ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНЫХ СОВРЕМЕННИКОВ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Множество известий о крестовых походах, их причинах и последствиях, об отдельных событиях истории государств крестоносцев передают арабские, армянские, византийские, еврейские и другие писатели мусульманского и христианского Востока. Правда, никто из них не воссоздает связной, последовательной, систематической истории этих завоевательных предприятий рыцарства. Писатели восточных стран останавливались на тех или иных эпизодах крестовых походов и фактах общественной жизни государств крестоносцев, а также взаимоотношений с ними арабских, тюркских, армянских государств, Византии лишь в рамках описывавшейся ими и интересовавшей их собственно восточной истории, истории своих народов.

Один из наиболее ранних арабских историков, поднимающий эту тему, Ибн ал-Каланиси (1073—1160) касается событий Первого крестового похода в своей «Дамасской истории» (охватывает период времени с 974 по 1160 г.); войне 1097—1099 гг. здесь посвящены три не-

большие главки (около восьми страниц), составляющие, однако, важный источник для начальной истории крестового движения. Другой крупный арабский историк, участник войн египетского султана Саладина, Ибн ал-Асир (1160—1233), пишет о крестовых походах в своем «Полном своде всеобщей истории» — компиляции, освещающей судьбы мусульманских стран «от сотворения мира» до 1231 г. Известный историк Востока Абу-ль-Фарадж (или Бар Эбрай) (1226—1286) упоминает события крестовых походов в тех разделах своей «Сирийской хроники» (представляющей собой историю династий, которые правили в Сирии до конца XIII в.), где описывается время господства арабов и монголов (Десятая и Одиннадцатая династии). Сведения из истории крестовых войн содержат и отдельные части многих других общео- исторических, локально-исторических или историко-биографических трудов арабских историков XII—XIII вв. — Кемаль ад-Дина (1192—1262), Бега ад-Дина (1145—1234), Имад ад-Дина (1125—1201) и др.

То же самое относится и к произведениям современных крестовым походам армянских, сирийских, а равно и византийских авторов.

Из армянских историков подробные данные о некоторых эпизодах Первого крестового похода оставил Матфей Эдесский. Годы жизни историка неизвестны, но предполагают, что он погиб в 1144 г. при взятии его родного города сельджукским правителем Имад ад-Дином Зенги. Матфей Эдесский — автор «Хронографии», главным предметом изложения в которой является история Киликии, Сирии, Месопотамии и Армении с 952 по 1136/37 г. Свой труд он написал в течение 15 лет, пользуясь отчасти свидетельствами ныне утраченных для истории армянских документов, отчасти — сообщениями очевидцев, равно как и собственными наблюдениями. В этом произведении он обрисовал и ряд событий Первого крестового похода; особенно важны его свидетельства об утверждении крестоносцев в Эдессе в 1098 г.

Следует упомянуть также «Всемирную хронику» яковитского патриарха Михаила Сирийца (1126—1199). Она состоит из двадцати одной книги, но события крестовых походов затрагиваются только в семи последних книгах (начиная с 7-й главы 15-й книги).

Особо важны по своему значению труды византийских историков XII—XIII вв. Греческая царица Анна Ком-

нина (1083 — ок. 1153/55) уделила довольно много места некоторым эпизодам иерусалимской экспедиции конца XI в. в «Алексиаде» — истории царствования Алексея I, написанной с целью прославить его деяния. Знаменитый византийский историк Никита Хониат (середина XII в. — 1213) в своем обширном труде по истории Византии посвятил немало страниц Четвертому крестовому походу.

Мы напрасно стали бы искать историю войн против франков у арабских авторов — таковой не содержат ни их труды, ни произведения армянских и византийских писателей. Естественно, что мы не вправе говорить об историографии собственно крестовых походов применительно к этим сочинениям. Однако, принимая во внимание специфику латинской хронографии, прежде всего ее предвзятую односторонность, необходимо учитывать и написанное восточными современниками: их материалы имеют большое значение для критики апологетических построений католических хронистов и мемуаристов, — ведь в латинских памятниках слово берут только завоеватели, а не те, кто явился жертвами завоевания.

При сопоставлении восточных и византийских памятников с латинскими хрониками нельзя не заметить определенные различия в изображении крестоносных войн теми и другими. Степень критического отношения к описываемым фактам, уровень глубины их осмысления и оценки довольно низки в апологетических хрониках западноевропейских церковников и рыцарей. Арабские, армянские, греческие писатели, политические и церковные деятели, путешественники и другие свидетели вторжения и утверждения европейских феодальных захватчиков в Малой Азии, Сирии и Палестине более критичны в выборе материала, в описаниях событий и в своих суждениях о них. Восточные и византийские наблюдатели нередко проявляли сравнительно большую объективность при характеристике захватнических предприятий крестоносного рыцарства; подчас они правдивее и точнее, нежели латинские хронисты, рисовали поведение западных грабителей и насильников в завоеванных землях, вернее судили о самом ходе военной и дипломатической борьбы крестоносцев с их противниками, о взаимоотношениях завоевателей с местным населением (во франкских государствах) и о многих других сторонах крестоносного движения.

Отчасти это объясняется, по-видимому, просто иным,

зачастую прямо противоположным углом зрения восточных писателей: одни из них были настроены по отношению к крестоносцам в лучшем случае скептически, другие — враждебно. Конечно, сплошь да рядом они тоже, хотя и на свой лад, сгущали краски, поскольку воспринимали происходившее через призму интересов Востока или, точнее говоря, представляемых этими авторами общественно-политических групп арабского, армянского, византийского мира. Кроме того, сведения восточных историков даже об одних и тех же событиях неодинаковы по своей достоверности и характеру освещения. Наконец, подобно латинским хронистам, эти писатели были сынами своего времени: они были подвержены его политическим страстям, разделяли его религиозные воззрения и в своих повествованиях также следовали историко-богословским (мусульманским и православным) схемам.

Тем не менее арабские, армянские, греческие и другие восточные историки в целом, а иной раз и в деталях довольно точно рассказывали о крестоносцах, которые не без основания казались им грубыми варварами. Они подмечали немало такого, что ускользало от внимания или умышленно обходилось молчанием в произведениях западных летописцев, связанных обычно своим пиететом перед воинством христовым и его деяниями, ослепленных верой в боговдохновенность священной войны и блеском пышных титулов ее предводителей.

Так, представления восточных и византийских авторов о непосредственных причинах, целях и характере крестоносного движения на его начальной стадии нередко в гораздо большей мере соответствуют действительности, чем высокопарные рассуждения латинских хронистов о любви западных христиан к богу и пр. Расценивая ранние события войн франков по-своему и, главное, судя прежде всего по делам, а не по словам крестоносцев, греческие и арабские историки в отдельных случаях обнаруживают куда более основательное и глубокое понимание совершившегося, чем западные летописцы. Критическое отношение к франкам помогает им правильное оценить скрытые пружины крестоносного энтузиазма рыцарства.

Тщетно мы стали бы искать у арабских историков объяснения крестовых походов религиозными факторами. Правда, аль-Азими (1090 — ок. 1161), школьный учитель и поэт из Халеба, автор «Краткой хроники» этого города

(в ней излагаются события до 1143—1144 гг.), упоминает, подобно латинским хронистам, о препятствиях, чинившихся мусульманами паломникам в XI в. (По мнению латинских хронистов, именно гонения на паломников якобы вызвали «священный гнев» на Западе и явились одной из важных причин Первого крестового похода.) Однако это известие не принадлежит к числу достоверных, ибо аль-Азими, скорее всего, опирался в данном случае на информацию, полученную им у самих франков. Прочие же арабские историки усматривают причины выступления западного рыцарства на Восток в таких явлениях, которые весьма далеки от религиозной сферы и тем более от высоких моральных принципов.

Ни Ибн ал-Асир, этот единственный, как его называют, настоящий историк своего времени, ни вообще кто-либо из мусульманских авторов XII—XIII вв. не рассматривают крестовые походы в качестве предприятий, вызванных идеологическими мотивами. Даже в тех случаях, когда эти историки недостаточно точны в своих конкретных описаниях причин выступления первых крестоносцев, их общее представление о мотивах и характере деяний воинства божьего и его предводителей значительно выигрывает по сравнению с тем, как эти сюжеты преподносятся в произведениях католических хронистов.

Во многих случаях, далее, византийские и восточные историки были лучше, чем латинские хронисты, информированы и о самих событиях крестовых походов. Иногда восточные авторы вернее, чем западные, объясняют те или иные факты именно потому, что чужды католического фанатизма, подчас ослеплявшего латинских летописцев, и, более того, — враждебны стремлению превозносить мнимую боговдохновенность крестовых походов, которым проникнуты латинские хроники.

Открытие «святого копья» в Антиохийском храме выдается частью западных хронистов за божественное чудо. А между тем лживая подоплека истории находки этой реликвии совершенно очевидна арабскому историку Ибн ал-Асиру. Он рассказывает об этом эпизоде как о хитроумном обмане, подстроенном неким монахом. Прежде чем оповестить франков о явлении апостола, якобы открывшего ему местонахождение «святого копья», он «сам зарыл копьё в углу храма и постарался тщательно замести следы своей проделки». Обеспечив таким образом эффект от своего будущего «открытия», монах пред-

писал франкам, осажденным в Антиохии, трехдневный пост, а на четвертый день ввел вождей и воинов в церковь: они принялись рыть там «во всех углах» и, конечно, отыскиали то, что требовалось.

Собственно говоря, лишь из сочинений арабских историков, в том числе и Ибн ал-Асира, мы в состоянии составить себе более или менее верное представление о действительных причинах неожиданного перелома в ходе борьбы за Антиохию в июне 1098 г. По мнению латинских авторов, крестоносцы были обязаны своей победе над мосульским атабегом Кербогой, блокировавшим их в Антиохии, чуду: от невзгод их спасло «святое копье»; помощь и на этот раз, как всегда, пришла от бога. Иначе объясняют причины разгрома мусульманской армии, почти три недели осаждавшей крестоносцев в Антиохии, арабские историки.

Ибн ал-Асир подробно рассказывает о распрях, происходивших в лагере Кербоги, под знаменем которого собралось разнокалиберное войско князьков Северной Сирии. «Кербога, — читаем мы у этого автора, — плохо обходился с мусульманами, которые состояли под его командованием»; он высокомерно обращался с эмирами, «будучи уверен в том, что они станут безоговорочно подчиняться ему; но эмиры были очень раздражены [всем этим]; только они скрывали свое недовольство, ожидая дня битвы и намереваясь покинуть Кербогу в решительный момент», что и было ими выполнено.

Еще более конкретное представление о положении дел в мусульманском лагере во время осады Антиохии Кербогой дает Кемаль ад-Дин из Халеба — младший современник Ибн ал-Асира. В своей хронике Кемаль ад-Дин детально повествует о том, как в дни борьбы с франками, окруженными в Антиохии, к Кербоге явились посланцы от султана Рудвана Халебского. Их прибытие возбудило подозрения у союзника Кербоги, дамасского эмира Дукака; вслед за тем «вспыхнуло несогласие между турками и арабами», и из войск осаждавших город началось дезертирство недовольных, а в конце концов «эмиры полностью разошлись друг с другом» и победа досталась франкам. «Кербога остался один со своим войском... сжег палатки и бежал в Халеб».

Таким образом, арабские историки раскрывают вообще неизвестные западным авторам реальные обстоятельства, обеспечившие победу франков: раздоры сельджуков-

ских командиров, отражавшие вражду Мосула с другими мусульманскими княжествами.

При попытках выяснить степень достоверности изображения отдельных фактов крестовых походов в современной им литературе подобные сопоставления весьма поучительны: в очень многих случаях они позволяют отдать предпочтение восточным историкам.

Достоинства сочинений арабских, сирийских, греческих авторов в сравнении с латинскими приходится констатировать и тогда, когда мы обратимся от отдельных фактов и событий к сюжетам более или менее широкого плана. Так, историк, который попытается, например, разобраться в социально-экономических отношениях, сложившихся в государствах крестоносцев, и попробует при этом воспользоваться материалами хроник Фульхерия Шартрского или Альберта Аахенского, Гийома Тирского или Жака Витрийского, столкнется с одной поразительной на первый взгляд особенностью их повествований. Уделяя очень много места событиям военно-политической, дипломатической, церковной, матримониальной истории Латино-Иерусалимского королевства, они сравнительно скудно освещают явления, характеризующие повседневную экономическую жизнь и социальный строй франкского Востока.

Лишь изредка мы встретим скупые сообщения о том, скажем, как в 1125 г. — об этом пишет Фульхерий Шартрский — «сарацинские землепашцы (в районе Бейрута и Сайды. — М. З.) не захотели платить податей» и местный сеньор Готье I силой заставил их повиноваться, или данные о том, как сельское население, ненавидевшее своих господ с Запада (о чем, впрочем, хронисты умалчивают), поддерживало внешних врагов Иерусалимского королевства — мусульманские государства Сирии и Египта во время их войн против франков. Фульхерий Шартрский и Гийом Тирский упоминают, к примеру, что в 1113 г. после неудачи рыцарей в битве с египтянами у Син ал-Набра крестьяне Самарии опустошили город Набулус (Наплузу), т. е. местное население пользовалось успехами турок и арабов для нанесения всяческого вреда своим франкским сеньорам. У Жака де Витри бегло отмечается, что местные жители передавали в стан противника этих феодалов сведения, касавшиеся военных секретов.

Однако латинские хронисты предпочитали распрост-

раняться на иные темы: о воинских доблестях и примерном благочестии тех или других сеньоров, о христианских добродетелях или, напротив, неугодном богу обмирщении какого-нибудь епископа, о войнах и договорах, семейных событиях при дворах королей и графов и пр. Известия о той напряженной атмосфере, которая царила во франкских государствах, раздиравшихся острыми социальными противоречиями, имеют весьма отрывочный характер и приводятся крайне редко. Тот, кто заинтересуется этим кругом вопросов, должен будет принимать в расчет даже самые скромные, единичные намеки, рассеянные в летописях названных и других писателей XII—XIII вв. Таково, например, характерное по своему озлобленному тону признание Гийома Тирского, что сирийцы были для франков опаснее чумы (букв.: «Никакая чума не представляет большей угрозы, чем близкий враг»).

Факты, раскрывающие экономические и социальные последствия крестовых походов для коренного населения ближневосточных стран, со значительно большими полнотой и вниманием, гораздо детальнее и обстоятельнее описывали арабские, сирийские, греческие и другие восточные авторы. Им, собственно говоря, нечего было утаивать от своего читателя. По наблюдательности и знанию действительного положения вещей они не уступали латинским летописцам, а подчас и превосходили их. Отношение к франкам делало историческое зрение этих писателей более острым, открывая им такие стороны жизни франкского Востока, которых западные летописцы едва касались, либо не видя их, либо — чаще — не желая замечать или, во всяком случае, не считая нужным сообщать о них читателю.

Действительно, только у арабского путешественника конца XII в. Ибн Джубайра мы найдем, например, описание тех тяжких налогов (от одной трети до половины урожая зерна, половина сбора винограда, поголовный налог в один динар и пять киратов), которые сельское население повсюду обязано было выплачивать новым господам: «...эти условия действовали на всем сирийском побережье, занятом франками, во всех деревнях и местечках, населенных мусульманами».

Что же касается социальных отношений вообще и истории социальных конфликтов в государствах крестоносцев в особенности, то, пожалуй, наиболее насыщена в этом плане знаменитая «Книга назидания» Усамы ибн

Мункыза (1095—1188). Писатель прожил богатую событиями жизнь. Занимая видное положение при дворах сирийских и египетских правителей, много путешествуя, непосредственно участвуя в исторических делах своего времени — посольствах, войнах и т. д., зорко наблюдая повседневные будни франкского и мусульманского Востока, он к тому же близко соприкасался с крестоносцами. Едва ли в каком-нибудь другом сочинении того времени можно обнаружить такое обилие конкретных сведений по социальной истории эпохи владычества крестоносцев в Сирии и Палестине. В красочных, выразительных и вместе с тем очень реалистичных рассказах Усамы ибн Мункыза, полных запоминающихся, чисто будничных деталей, содержатся ценнейшие данные об общественно-политических порядках, положении и взаимоотношениях различных слоев населения в государствах франков. Примеров того, сколь острыми были социальные противоречия и многообразными столкновения угнетенных и угнетателей во франкских государствах, в сочинении Усамы ибн Мункыза едва ли не больше, чем во всех латинских хрониках, вместе взятых.

Таким образом сочинения византийских и восточных историков XII—XIII вв., часто более полные, точные и правдивые, свободные от панегирического освещения «деяний франков», присущего католическим хронистам, представляют собой важное дополнение и вместе с тем существенный противовес их предвзятой односторонности.

III. ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Особое положение среди повествовательных источников по истории крестовых походов занимают памятники древнерусской литературы XII—XIII вв. Рассказы русских авторов по характеру своему отличаются и от проникнутых апологетикой творений западных монахов и сеньоров, и от сообщений восточных и византийских историков, окрашенных неприязнью к крестоносцам.

Киевская Русь никогда не участвовала в крестовых походах на Ближний Восток. Русские феодалы в массе своей едва ли могли испытывать желание принимать участие в крестовых походах уже потому хотя бы, что то были папские предприятия. Урбан II, поднимая Запад на

священную войну против «поганого племени турок», звал опоясаться мечом для освобождения гроба господня лишь католиков, — к «схизматикам», почти полвека назад отпавшим от римско-католической церкви (1054), он вовсе не обращался. И, что еще более важно, уже в конце XI в., начиная с понтификата Григория VII, отчетливо обозначилось антирусское направление миродержавной политики папства. Позднее, с XII в., русские земли, как и другие славянские территории, стали непосредственным объектом крестоносной агрессии немецкого рыцарства, тайно и явно инспирировавшейся папами и их окружением (зловещая роль аббата Бернара Клервоского, заклятого врага славянских народов, организатора похода 1147 г. и вместе с тем Второго крестового похода на мусульманский Восток, хорошо известна). В начале XIII в. под эгидой папства образуется военно-монашеский орден меченосцев. Он создается по образцу организованных в Палестине (после Первого и Третьего противомусульманских крестовых походов) рыцарских сообществ. Орден меченосцев, как и Тевтонский, перенесший в начале XIII в. поле своей деятельности в Восточную Европу, под покровительством апостольского престола развернул кровавую экспансию в Прибалтике и против русского Северо-Запада. Большую активность проявляло папство и по отношению к Юго-Западной, Галицко-Волынской Руси, не останавливаясь при этом даже перед тем, чтобы использовать в своих интересах степняков-половцев.

Широкая теократическая программа папства, осуществлявшаяся с помощью оружия крестоносцев, включала в сферу притязаний Рима и Византию, а Русь связывали с ней тесные церковно-политические узы и культурные контакты.

Русские люди в XI—XII вв. ездили в Константинополь и вообще на Ближний Восток с мирными — религиозными или коммерческими — целями. Весьма значительным было число русских паломников в Иерусалим. Одно из наиболее известных странствований — «хождение» игумена Даниила, в начале XII в. с большой группой киевлян и новгородцев (в том числе знатных людей) посетившего Константинополь, а затем обошедшего и «землю Галилейскую».

Сказанным определяется и специфика русских летописных известий о событиях крестовых походов. Они

сравнительно редки и в большинстве своем фрагментарны. Летописцы вносят в свои творения вести о далеких войнах «латинников» в том самом виде, в котором были услышаны ими. Иногда это—лишь мельком, попутно брошенная фраза, в которой, однако, явственно виден широкий кругозор историка. Патриарх русского летописания, автор «Повести временных лет», — превосходный тому пример. Он упоминает о переходе Иерусалима к христианам, передавая под 986 г. ходячую легенду о великом князе Владимире, якобы ведшем дискуссию с представителями «трех вер» (мусульманства, христианства, иудаизма). Излагая этот спор, Нестор вкладывает в уста хазарских евреев, которые отвечают на уточняющий вопрос киевского князя о судьбе Иерусалима, такие слова: «Разгневался бог на отци наши и расточи ны по странам грех ради наших и предана бысть земля наша хрестеянном». В этой последней части фразы многие исследователи усматривали намек на взятие Иерусалима крестоносцами в 1099 г. Если летописец действительно имел в виду захват Иерусалима крестоносцами в 1099 г., то не исключено, что столь крупная новость международной жизни могла прийти на Русь и минуя каналы, непосредственно соединявшие ее с Ближним Востоком (т. е. с Запада или из Византии). Как бы то ни было, следует признать, что летописец (а ведь «Повесть временных лет» относится к началу XII в.) не обнаруживает ни сколько-нибудь устойчивого интереса к развертывавшимся в далеком Иерусалиме событиям, ни тем более надежной осведомленности. Точно так же обстоит дело и с некоторыми другими разрозненными летописными сообщениями относительно крестовых походов.

У большинства русских современников не встречается выдержанных в сколько-нибудь широком хронологическом масштабе описаний какой-либо из крестоносных войн. В этом и нет чего-либо удивительного: русские люди, отделенные тысячами километров и от западных стран, где рождались и откуда начинали осуществляться завоевательные замыслы рыцарства и католической церкви, и от стран Востока, где развертывались битвы франков против «неверных», конечно, не были в состоянии дать систематизированные рассказы об этих событиях. Даже относительно обстоятельные повествования касаются только некоторых эпизодов крестовых походов, свидетелями которых доводилось быть немногим выход-

цам из Руси. Зато эти сочинения как источник сведений представляют собой поистине первоклассный материал, вносящий принципиальные поправки, уточнения и дополнения к сообщениям латинско-католических историков, а подчас даже меняющий всю картину событий.

К таким произведениям относятся два литературных памятника: записки паломника игумена Даниила о его странствовании по «Святой земле», напоминающие отчасти (и по форме, и по содержанию) многочисленные итинерарии («путешественные книги») западных пилигримов этой эпохи, и «Повесть о взятии Царьграда фрягами», принадлежащая русскому очевидцу захвата византийской столицы крестоносцами.

Несмотря на то что каждый из этих памятников содержит лишь отрывочные эпизоды крестоносных войн на Востоке, эти описания обладают большими преимуществами перед многими другими. Как «мних» Даниил, так и новгородец, писавший о походе 1202—1204 гг., были свободны от апологетической тенденциозности латинских историков и вместе с тем от «нигилистического» отношения к деяниям западных «варваров», наблюдающегося в сочинениях восточных и греческих писателей. Русские повествователи, будучи свидетелями описываемых ими событий, сумели проявить острую наблюдательность, но в то же время не привнесли в свои рассказы столь откровенной «заинтересованности», как их собратья по перу из других стран: стремление возможно точнее воспроизвести увиденное, сдержанность в оценках, даже при освещении самых неблагоприятных поступков «воинов христовых», — таковы наиболее важные достоинства известий упомянутых путешественников.

Правда, то обстоятельство, что Русь непосредственно не была замешана в войнах христианского Запада против мусульманско-византийского Востока, сказалось на свидетельствах названных писателей и иным образом: подчас они недостаточно осведомлены, не знают о каких-то событиях, подлинные факты подменяют сконструированными на основе догадок или сведений от третьих лиц, поэтому трудно использовать отдельные показания этих писателей как источник фактических данных.

Остановимся подробнее на втором произведении. Его автор — новгородец, находившийся в Константинополе в памятные дни апрельского погрома 1204 г. Вскоре после завоевания Константинополя он составил рассказ о ви-

денном — «Повесть о взятии Царьграда фрягами», включенную затем в Новгородскую летопись¹.

Этому произведению свойственна та же главная черта, что «Хождению» Даниила: относительная беспристрастность, «нейтральность», делающая «Повесть» источником большой достоверности. Наблюдательность летописца, отметившего немало любопытных деталей двукратной осады византийской столицы крестоносцами, точность хронологических и топографических данных, обнаруживаемая сравнением известий «Повести» с сообщениями других современников и очевидцев, — все это придает памятнику значение одного из наиболее содержательных источников по истории Четвертого крестового похода. Так, бросается в глаза большая четкость в описании батальных сцен. Описания эти в основном совпадают с соответствующими данными латинских мемуаристов Четвертого похода, однако во многом и уточняют их, что лишний раз говорит о несомненной достоверности свидетельств новгородца.

Латинские историки, будучи апологетами рыцарского воинства, обходили молчанием или стремились смягчить его недостойные «подвиги» в Константинополе. Они воспевали захват города как величайшее историческое событие. Папа Иннокентий III усматривал в завоевании Византии католиками истинное «чудо божье». Не в пример латинским повествователям, русский очевидец рассказывает о взятии Константинополя сдержанно; он правдиво рисует вандализм рыцарей, проявленный ими в древней столице империи, говорит о тайных мотивах, руководивших крестоносцами и их предводителями: «Фрязи же и вси воеводы их възлюбиша злато и срьбро, иже мъняшет имъ Исаковицъ». Описание грабежей фрягов в византийских церквах и монастырях превосходно показывает не только алчность крестоносцев, но и уточняет масштабы истребления предметов культа, о чем западные мемуаристы умалчивают; правда, они отмечают огромные размеры добычи, взятой в Константинополе, но такой «инвентарной описи» погубленного и присвоенного церковного имущества, которую составил русский очевидец апрельских событий 1204 г., не найти, пожалуй, ни у кого из латинских мемуаристов.

¹ Полный перевод см. в кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, стр. 281—289.

Вместе с тем, описывая бесчинства фрягов, автор «Повести» не позволяет себе чрезмерного «нажима», подобно византийскому вельможе Никите Хониату, также являвшемуся очевидцем событий, изложенных в его «Истории». Последний явно не скупится на горькие филиппики против латинян; он то и дело выражает чувства гнева и скорби, прибегает к сарказму, чтобы поведать миру о надругательствах захватчиков над жителями Константинополя, о творившихся ими кощунствах в храмах и на площадях, о варварском истреблении старинных памятников искусства. Местами его рассказ представляет собою явную стилизацию «плача» об участи великого города, стенание о злосчастной судьбе тех, кто пал жертвами насилий латинских завоевателей, о гибели замечательных культурных ценностей, веками накапливавшихся в столице и в два дня обращенных в груды развалин и пепла.

Новгородец, тоже проживавший в Константинополе в дни вторжения рыцарей, излагает виденное гораздо строже, проще и эпически объективнее. Объективность тона составляет бесспорное достоинство «Повести» как источника. Автор опечален гибелью константинопольских святынь, как и всего «Греческого царства», но печаль не застилает ему глаза: он верен долгу историка и старается передать факты так, как сам их наблюдал.

Нельзя, однако, не заметить и другое: повествуя о бесчинствах крестоносцев, новгородец переносит центр тяжести на описание их преступного поведения в константинопольских церквах. Если Никита Хониат подробно перечисляет, что было разрушено из художественных ценностей, то его единоведец, русский летописец, пишет лишь о разграблении драгоценных предметов церковного обихода. Он рассказывает о том, что фряги надругались над монахами, монахинями и священниками, избивали их, о чем нет ни слова в латинских хрониках.

Само собой разумеется, автор был сыном своей эпохи, приверженцем религиозно-этических идей православия. Он — паломник, и для него рассказать о том, что случилось с церквами и их содержимым, — задача первоочередной важности. Рассказ этот внешне бесстрастен, но за спокойствием повествователя чувствуется опаляющее его душу возмущение против диких выходок захватчиков, откровенно глумившихся над «схизматиками» и их святынями. Возможно, новгородец, взирая на эти кощун-

ства, не удержался до конца на позиции стороннего наблюдателя и оказал прямую помощь «добрым мужам» в сокрытии от алчных пришельцев какой-то части церковного имущества.

Тем не менее ценность награбленного и разрушенного латинянами в церквях определялась для этого русского человека не только собственно религиозной значимостью тех или иных предметов культа. В не меньшей мере они привлекали новгородца и как творения искусства — угол зрения, к слову сказать, абсолютно чуждый латинским хронистам, которые даже реликвии оценивали «на вес». Новгородец сокрушался (нигде, впрочем, не афишируя столь подчеркнуто свою скорбь, как Никита Хониат) о гибели церквей, монастырей, об истреблении церковных украшений и как христианин, и как образованный русский человек, преклоняющийся перед красотой, умеющий ценить замечательные памятники церковной архитектуры, прикладного искусства, живописи.

Для него красота архитектурных форм имеет самоудовлетворяющее значение, он очарован достижениями византийского зодчества и не может примириться с их бессмысленным уничтожением. Та же черта его взглядов — умение ценить «художество» — проступает и в описании спасенных от рук рыцарей предметов церковного обихода. Как свидетельства очевидца, переданные сдержанно и объективно, эти известия творца «Повести» существенно дополняют картину разгрома Константинополя крестоносцами Четвертого похода, нарисованную в латинских хрониках и в сочинениях Никиты Хониата; самый же подход к отбору фактов лишней раз подтверждает высокий уровень художественной культуры феодальной Руси начала XIII в.

В целом сопоставление латинских хронистов и византийских историков с русскими современниками выявляет точность и наблюдательность последних — качества, благодаря которым их рассказы нередко позволяют дополнить, исправить, конкретизировать материалы предвзятых латинских и византийских повествований. Известия русских очевидцев событий крестовых походов расширяют наши представления о завоевательных предприятиях феодального Запада, происходивших под религиозными знаменами.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1096—1099)

І. КЛЕРМОНСКИЙ СОБОР И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КРЕСТОВОГО ПОХОДА УРБАНОМ ІІ

Из хроники Фульхерия Шартрского
«Иерусалимская история»
(«Деяния франков,
совершивших паломничество в Иерусалим»)

Книга I, гл. I. В год от воплощения господня тысяча девяносто пятый, в то время, когда в Германии царствовал император Генрих¹, а во Франции — король Филипп², когда во всех частях Европы произрастало многообразное зло и вера колебалась, в Риме был папа Урбан II, муж выдающегося жития и нравов, который обспечивал святой церкви самое высокое положение и умел обо всем распорядиться быстро и обдуманно.

Видя, как вера христианская безгранично попирается всеми, и духовенством, и мирянами, [как] владетельные князья беспрестанно воюют меж собой, то одни, то другие — в раздорах друг с другом, миром повсюду пренебрегают, блага земли расхищаются, многие несправедливо содержатся закованными в плену, их бросают в ужаснейшие подземелья, вынуждая выкупать себя за непомерную плату, либо подвергая там тройным пыткам, т. е. го-

¹ Император Генрих IV (1084—1106). ✓

² Король Филипп I (1060—1108).

лода, жажды, холода, и они погибают в безвестности; видя, как предаются насильственному поруганию святыни, повергаются в огонь монастыри и села, не щадя никого из смертных, насмеваются над всем божеским и человеческим; услышав также, что внутренние области Романии¹ захвачены у христиан турками и подвергаются опасным и опустошительным нападениям, папа, побужденный благочестием и любовью и действуя по мановению божьему, перевалил через горы и с помощью соответствующим образом назначенных легатов распорядился созвать собор в Оверни в Клермоне — так называется этот город, где собрались триста десять епископов и аббатов, опиравшихся на свои посохи.

Когда они собрались в назначенный для того день, папа в сладкоречивом слове обстоятельно объяснил причину созыва собора. Печальным голосом поведал он им в длинной речи о тяготах церкви, испытывающей грозные удары, и о мирских потрясениях, настолько бурных, что вера подорвана, о чем говорилось ранее. Затем мольбами и увещеваниями [папа] побуждал присутствовавших, чтобы, восстановив силу веры, мужественно поднялись бы на одоление дьявольских козней и попытались надлежащим образом вернуть святой церкви ее прежнее почетное положение, столь жестоко ущемленное нечестивцами...

Гл. III. После того как все это и многое другое было соответствующим образом изложено², все присутствующие, как клир, так и миряне, возблагодарив бога, благожелательно согласились со сказанным и обещали верно соблюдать постановления собора...

Но тогда папа прибавил и кое-что иное, волнующее не меньше, а больше и сильнее, — и о положении в другой части света, [и о том, что] требует противодействия со стороны христианства. Он сказал: «О, сыны, божьи, поелику мы обещали господу установить у себя мир прочнее обычного и еще добросовестнее блюсти права церкви, есть и другое, божье и ваше, дело, стоящее превыше прочих, на которое вам следует, как преданным богу, обратить свои доблесть и отвагу. Именно, необходимо, чтобы

¹ В эпоху крестовых походов Романией называли малоазиатские территории Византии.

² Речь, в которой папа обосновывал постановления собора относительно условий соблюдения так называемого божьего мира, приводится хронистом во второй главе, нами опущенной.

вы как можно быстрее поспешили на выручку ваших братьев, проживающих на Востоке, о чем они уже не раз просили вас¹. Ибо в пределы Романии вторглось и обрушилось на них, о чем большинству из вас уже сказано, персидское племя турок², которые добрались до Средиземного моря, именно до того места, что зовется рукавом св. Георгия³. Занимая все больше и больше христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство богово⁴. И если будете долго пребывать в бездействии, верным придется пострадать еще более.

И вот об этом-то деле прошу и умоляю вас, глашатаев христовых, — и не я, а господь, — чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов наших земель⁵. Я говорю [это] присутствующим, поручаю сообщить отсутствующим, — так повелевает Христос.

Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой милостью самим господом.

О, какой позор, если бы столь презренное, недостойное, отвратительное племя, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество божье и блистающий именем Христовым. О, каким срамом покроет вас сам господь, если вы не можете тем, кто исповедует веру христианскую, подобно нам».

«Пусть выступят против неверных, — сказал папа, — пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, что»

¹ Вероятно, имеются в виду обращения за помощью, посылавшиеся из Константинополя в Рим и к отдельным князьям (например, графу Фландрскому) в более ранние времена, когда Византия находилась в кольце врагов.

² Так именуются хронистом турки-сельджуки.

³ Рукав св. Георгия — средневековое название Босфора (на берегу пролива стоял храм св. Георгия).

⁴ Так папа называет здесь Византийскую империю.

⁵ «Наших», т. е. христианских.

бы быть начатым, те, кто злонамеренно привык вести частную войну даже против единоверцев, и расточать обильную добычу. Да станут отныне воинами Христа те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются теперь против варваров те, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей. Ныне пусть получают вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть увенчает двойная честь тех, кто не щадил себя в ущерб своей плоти и душе. Те, кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты; здесь — враги господа, там же станут ему друзьями.

Те, кто намерены отправиться в поход, пусть не медлят, но оставив [надежно] собственное достояние и собрав необходимые средства, пусть с окончанием зимы, в следующую же весну горячо устрелятся по стезе господней.

Fulcherii Carnotensis.
Historia Hierosolymitana (Gesta Francorum Hierusalem peregrinantium). — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. III. Paris, 1866, p. 321—324.

Из хроники Роберта Реймского «Иерусалимская история»

Кн. I, гл. 1. В год воплощения господня тысяча девяносто пятый, в земле Галльской, а именно в Оверни, торжественно происходил собор в городе, который называется Клермон¹; участвовал в соборе папа Урбан II с римскими епископами и кардиналами. И собор этот был чрезвычайно славен тем, что съехалось множество галлов и германцев, как епископов, так и князей.

Разрешив на нем дела церковные, господин папа вышел на обширную размерами площадь, ибо никакое помещение не могло вместить всех [присутствовавших]. И вот папа обратился ко всем с убедительной речью, [проникнутой] риторической сладостью; он сказал [так]:

«Народ франков, народ загорный, [народ], по положению земель своих и по вере католической, [а также] по

¹ Клермонский собор заседал 18—25 ноября 1095 г. Римский папа Урбан II выступил с речью после закрытия официальной части собора, т. е. 26 ноября.

почитанию святой церкви выделяющийся среди всех народов: к вам обращается речь моя и к вам устремляется наше увещание. Мы хотим, чтобы вы ведали, какая печальная причина привела нас в ваши края, какая необходимость зовет вас и всех верных [католиков]. От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие, да и ранее весьма часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства¹, иноземное племя, чуждое богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный богу духом своим², вторгся в земли этих христиан³, опустошил их мечом, грабежами, огнем, самих же их частью увел в свой край [в полон], частью же погубил постыдным умерщвлением, а церкви божьи либо срыл до основания, либо приспособил для своих обрядов. Они опрокидывают алтари, оскверняя их своими испражнениями, обрезают христиан и обрезанные части кидают в алтари или в крещальни. И [если] им хочется предать кого-нибудь позорной смерти, пронзают посреди живота, лишают детородных членов, привязывают к дереву и, гоня вокруг него, хлестают до тех пор, пока из них не выпадают внутренности и [сами] не падают наземь. Иных же, привязанных к деревьям, поражают стрелами; иных, раздев [донага] и согнув шею, ударяют мечом и таким способом испытывают, каким ударом можно убить сразу. Что же сказать о невыразимом бесчестии, которому подвергаются женщины, о чем говорить хуже, нежели умалчивать?

Греческое царство уже до того урезано ими и изничтожено, что [утраченное] не обойти и за два месяца.

Кому выпадает труд отмстить за все это, вырвать [у них], кому, как не вам, которых бог превознес перед всеми силою оружия и величием духа, ловкостью и доблестью сокрушать головы врагов своих⁴, которые вам противодействуют?

Да подвигнут вас и побудят души ваши к мужеству деяния ваших предков, доблесть и слава короля Карла

¹ Так хронист именуется турок-сельджуков.

² Здесь хронист цитирует Библию, ту часть ее, которая называется Псалтирь (Псалом 77, ст. 8).

³ Имеются в виду восточные христиане (жители Византии и ряда ближневосточных стран).

⁴ Здесь в текст повествования вкраплены библейские обороты (Псалтирь, Псалом 77, ст. 22).

Великого, и сына его Людовика¹, и других государей ваших, которые разрушили царства язычников и раздвинули там пределы святой церкви². Особенно же пусть побуждает вас святой гроб господень, спасителя нашего, гроб, которым ныне владеют нечестивые, и святые места, которые ими подло оскверняются и постыдно нечестием их мараются.

О, могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков! Не вздумайте отречься от их славных доблестей, — напротив, припомните отвагу своих праотцев. И если вас удерживает нежная привязанность к детям, и родителям, и женам, поразмыслите снова над тем, что говорит господь в Евангелии: «Кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»³.

Да не привлекает вас к себе какое-нибудь достояние и да не беспокоят какие-нибудь семейные дела, ибо земля эта, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, она стеснена вашей многочисленностью, обилием же богатств не преизбыточествует и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите другу множество смертельных ран. Пусть же прекратится меж вами ненависть, пусть смолкнет вражда, утихнут войны и уснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю святого гроба⁴, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе; земля же та, как гласит Писание, течет млеком и медом⁵.

Гл. 2. Иерусалим — это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее [своими] деяниями, освятил страданием, искупил смертью, увековечил погребением.

¹ Людовика Благочестивого.

² Имеются в виду войны Карла Великого с арабами.

³ Хронист цитирует здесь текст Евангелия от Матфея (гл. XIX, ст. 29).

⁴ Стезя святого гроба — так называли в те времена путь, которым паломники шли в Иерусалим, где, согласно христианскому преданию, находилась гробница Иисуса Христа.

⁵ Здесь перефразируется текст из библейской Книги исхода (гл. 3, ст. 8).

И этот-то царственный град, расположенный посредине земли, ныне находится в полоне у своих врагов и уничтожается народами, не ведающими господа. Он стремится [к освобождению] и жаждет освобождения, [он] не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку. Подмогу эту он требует в особенности от вас, ибо, как мы уже сказали, пред прочими сущими народами вы удостоены богом замечательной силой оружия.

Вступайте же на эту стезю во искупление своих грехов, будучи преисполнены уверенностью в незапятнанной славе царствия небесного».

✓ Когда папа в своей искусной речи¹ сказал это и многое в этом роде, всех, кто там был, соединило общее чувство, так что возопили: «Так хочет бог! Так хочет бог!» Услышав это, достопочтенный владыка римский, возведши очи к небесам, возблагодарил бога и, мановением руки потребовав тишины, возговорил [снова]:

«Дражайшие братья... если бы не господь бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы [столь] единодушный глас ваш; и хотя он исходил из множества [уст], но источник его был единым. Вот почему говорю вам, что это бог исторг из ваших глоток такой глас, который [он же] вложил в вашу грудь. Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено богом. И когда произойдет у вас боевая схватка с неприятелем, пусть все в один голос вскричат божье слово: Так хочет господь! Так хочет господь!

✓ Мы не повелеваем и не увещеваем, чтобы отправлялись в этот поход старцы или слабые люди, не владеющие оружием, и пусть никоим образом женщины не пускаются в путь без своих мужей, либо братьев, либо законных свидетелей. Они ведь являются больше помехой, чем подкреплением, и представляют скорее бремя, нежели приносят пользу.

✓ Пусть богатые помогут беднякам и на свои средства поведут с собою пригодных к войне. Священникам и клирикам любого ранга не следует идти без дозволения своих епископов, ибо если отправятся без такого разрешения, поход будет для них бесполезен. Да и мирянам не гоже пускаться в паломничество иначе, как с благослове-

¹ Непередаваемая игра слов. Буквально говорится: «папа Урбан в городской речи» (Urbanus — собственное имя, urbanus — городской, от urbs — город), т. е. в искусной, ладной речи.

ния священника. И тот, кто возымеет в душе намерение двинуться в это святое паломничество, и даст о том обет богу, и принесет ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться (снять обет), пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...

Те и другие выполняют заповедь господню, которую он сам предписывает в Евангелии: «И кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня»¹.

Roberti Monachi. Historia Hierosolymitana. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. III. Paris, 1866, p. 727—730.

**II. ПРИЧИНЫ КРЕСТОВОГО ПОХОДА.
ПРОПОВЕДЬ ПЕТРА ПУСТЫННИКА.
ПОХОД БЕДНОТЫ**

**Из хроники аббата Гвиберта Ножанского
«История, называемая Деяния бога
через франков»**

Книга II, гл. VI. По закрытии Клермонского собора — а он был созван в ноябре месяце (1095 г.), в восьмой день после праздника святого Мартина², по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава, и каждый, кому быстрая молва доставляла папское предписание, шел к своим соседям и родичам, увещевая [их] вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход. Уже возгорелось усердие графов, и рыцарство стало подумывать о походе, когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; всякий пускал в распродажу лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто он находился в жестоком рабстве, или был заключен в темницу, и дело шло о скорейшем выкупе.

¹ Здесь также евангельский текст (Евангелие от Матфея, гл. X, ст. 38).

² По церковному календарю праздник святого Мартина приходится на 11 ноября.

В ту пору была большая нужда, даже у богатых, вследствие повсеместной нехватки хлеба... Толпы бедняков пробовали кормиться корнями дикорастущих растений, чтобы, поедая более доступное, поскольку хлеб являлся большой редкостью, возместить недостаток повсюду разыскиваемой пищи. Самые значительные особы подвергались угрозе впасть в нищету, на которую все жаловались, и каждый, видя, как терзается голодом бедный люд, обрекал себя на крайнюю бережливость из страха расточить свои богатства излишествами. Алчные души скупцов радовались, что [настали] времена, благоприятные для беспощадного взимания процентов и, бросая взоры на старые запасы накопленного хлеба, делали каждый день новые расчеты той суммы, которую, продав этот хлеб, прибавят к прежним кучам золота. Таким образом, когда одни испытывали тяжкие страдания, а другие занимались корыстными расчетами, которые, как восточный ветер, [что] сокрушает корабли в море, помыслами всех людей овладел Христос, и тот, кто освобождает закованных в цепи из драгоценных камней, разбил и цепи алчности, опутывавшие людей в столь отчаянном положении. Хотя, как я сказал выше, это неурожайное время уменьшило у всех средства к пропитанию, но едва Христос внушил этим бесчисленным массам людей намерение пойти в добровольное изгнание, обнаружилось богатства многих из них; и то, что казалось дорогим, пока не началось движение, продавалось по самой дешевой цене, как только все отправились в поход. Так как многие торопились окончить свои дела, то случилась удивительная вещь, которая послужит примером внезапного и неожиданного падения цен: за пять денариев можно было купить семь овец. Недостаток хлеба превратился в изобилие, и каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал как будто все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателями, лишь бы не вступить последним на стезю господню.

Таким образом произошло тогда удивительное явление: все дорого покупали и дешево продавали, а именно: дорого покупали то, что нужно было для пользования в пути, а дешево продавали то, чем следовало покрыть издержки. В прежнее время ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу. А вот еще одно обстоятельство, не менее смешное: многие, не имевшие еще сегодня никакого же-

лания пускаться в путь, громко смеявшиеся над теми, кто продавал свои вещи подешевле, и утверждавшие, что им предстоит жалкий путь и еще более жалкое возвращение, — на другой день, по внезапному побуждению, отдав за ничтожные деньги все свое достояние, отправлялись вместе с теми, кого только что высмеивали. Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? — Все воспевают войну, коли и не принимают в ней участия; все ждут мученичества, на которое идут, чтобы пасть под ударами мечей, и говорят: «Вы, молодые, вступайте в бой, а нам да будет дозволено заслужить пред Христом своими страданиями». И поелику они были воодушевлены пламенным желанием обрести бога, хотя и не имели в себе света науки, бог, часто увенчивающий самым счастливым успехом самые безрассудные предприятия, дал спасение и этим простодушным людям в награду за их добрые намерения.

Причем можно было видеть самые забавные случаи, вызывавшие смех. Некоторые бедняки, подковав быков, как то делают с лошадьми, и запрягши их в двухколесные тележки, на которых помещался их скудный скарб вместе с малыми детьми, тащили все это с собою; когда дети эти лицезрели попадавшийся им на пути какой-нибудь замок или город, они вопрошали, не Иерусалим ли это, к которому стремятся...

Гл. VIII. Пока князья, нуждавшиеся в больших средствах на содержание тех, кто составлял их свиту, долго и мешковато подготавливались к походу, простой народ, бедный средствами, но многочисленный, собрался вокруг некоего Петра Пустынника и повиновался ему как своему предводителю, по крайней мере, в то время, пока все это происходило в нашей стране. Происходя, если не ошибаюсь, из города Амьена, он, как мы слышали, вел жизнь отшельника под монашеским одеянием, не знаю, в какой именно области Верхней Галлии¹, покинув те места, не ведаю, для чего, он обходил города и села, повсюду ведя проповедь, и, как мы [сами] видели, народ окружал его такими толпами, его одаряли столь щедрыми дарами, так прославляли его святость, что я не припомню никого, кому бы когда-нибудь были оказываемы подобные почести. Петр был очень щедр к беднякам, раз-

¹ То есть в Северной Франции.

давая многое из того, что дарили ему... Он возвращал мужьям их жен, утративших честь, присовокупляя к этому дары; он восстанавливал мир и согласие между посорившимися, [делая это] с изумительной властью. Все, что он ни делал или говорил, обнаруживало в нем божественную благодать, так что многие выдерживали шерсть из его мула, чтобы хранить ее как реликвию: я рассказываю это не потому, что считаю правдой, но скорее для простых людей, которые любят новенькое. Он носил на голом теле шерстяную рубаху, на голове — капюшон и поверх всего — грубое одеяние до пят; руки и ноги оставались обнаженными; хлеба он не употреблял или почти не ел, питался же рыбою и вином.

Вот этот-то человек, собрав многочисленное воинство, увлеченное отчасти общим порывом, а отчасти его проповедями, решил направить свой путь через землю венгров.

Guiberti abbatis monasterii Sanctae Mariae Novigenti Historia qui dicitur Gesta Dei per Francos. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. IV. Paris, 1879, p. 140—142.

**Из «Иерусалимской истории»
Альберта Аахенского**

Кн. I, гл. 30. Встречалось и другое омерзительное преступление в этом глупом и сумасбродном пешем скопище, преступление, которое, в чем не приходится сомневаться, было ненавистно в глазах господ и которое даже покажется совершенно невероятным всем христианам. [А именно], они увсряли, будто некий гусь проникнут божественным духом и в не меньшей степени им же проникнута некая коза. И обоих этих животных они содеяли себе в предводители в этом святом странствии в Иерусалим; они выказывали им знаки благочестивого почитания сверх меры, и превеликая рать, подобно скотине, следовала за ними, веря в это всей душой.

Да удалится от сердец верующих христиан [мысль], будто господь Иисус хотел, чтобы гроб его святейшего тела посещался неразумными тварями, и будто бы повелел содеять их предводителями тех христианских душ, которые [сам] удостоил искупить своей драгоценной

кровью и омыть от грязи идолопоклонства! Ведь, возносясь на небеса, он определил предводителями, управителями и наставниками своего народа достопочтеннейших и святейших прелатов и аббатов, а вовсе не грубую скотину, лишенную разума. Впрочем, что удивительного, если в наше время встречаются заблуждения подобного рода, и в иных сборищах стольких тысяч людей, на чьи головы господь обрушил кары, ...[встречаются] столь отвратительные преступления..?

Далее автор поясняет свое рассуждение, сопоставляя рассказанные факты с библейскими событиями.

Alberti Aquensis. Historia Hierosolymitana. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. IV. Paris, 1879, p. 295.

Из «Алексиады» Анны Комниной

Кн. X, гл. 5. ...Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт¹, по имени Петр, по прозвищу Кукупетр², отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти к гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франции, чтобы они

¹ Кельтами Анна Комнина называет выходцев с Запада (это наименование употребляется ею наряду с другим — латиняне).

² Кукупетр, т. е. Петр в клобуке. Так Анна называет Петра Пустынника. Как и Альберт Аахенский, она считает Петра главным зачинщиком похода и ни словом не упоминает о Клермонском соборе. Возможно, здесь сказывается влияние ее источников — рассказов бывших крестоносцев, народных легенд: ведь Петр был предводителем крестьянской массы.

оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян»¹.

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты.

...Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая огромная толпа из разных мест все разом переправиться через пролив Лонгивардии?)²; сначала одни, затем другие, потом следующие, — постепенно все совершили переправу и двинулись по суше.

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского³ войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода — ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу господню и посетить святыя места. Но некоторые, в особенности

¹ Агаряне — арабы и турки: название это, распространенное в средневековье, восходит к библейской легенде об Агари, египетской рабыне-наложнице патриарха Авраама, сын которой от него — Измаил явился родоначальником этих народов.

² Адриатическое море.

³ Ромей — самоназвание византийцев («римляне»).

такие, как Бозмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город¹. Бозмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии² и пришел в столицу через Угрию³. Племя кельтов — вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое — становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

Гл. 6. Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок⁴, император посоветовал ему дождаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь. За ним последовало около десяти тысяч норманнов⁵. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи⁶, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они (горожане) после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь.

¹ То есть Константинополь.

² Анна ошибается: воинство Петра Пустынника не переправлялось через Адриатическое море, а двигалось по дороге через Ниш, Средец, Филиппополь, Адрианополь. В Константинополь Петр прибыл 30 июля 1096 г. Впереди его крестоносцев шли отряды Вальтера Голяка. Западные хроники иначе, чем Анна, определяют численность войска Петра. Вообще соотношение приведенных сию цифр (100 тысяч конников и 24 тысячи пехотинцев) сомнительно.

³ Угрия — Венгрия.

⁴ «Раньше», то есть во время своего паломничества в Иерусалим, когда он подвергался нападению турок и сарацин.

⁵ Под норманнами, так же как и под кельтами, латинянами, Анна подразумевает здесь «западных людей» вообще.

⁶ После переправы в Малую Азию войско Петра Пустынника разделилось на две враждующие части: норманнов и германцев (во главе с Рено де Брей) и франков, оставшихся верными Петру. К Никее отправился отряд Рено.

Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд¹.

Султан², узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его³, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее⁴. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом⁵. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди

¹ Точное местоположение этого города неизвестно. По сведениям анонимного автора «Деяний франков», Ксеригорд был расположен в четырех днях пути от Никеи.

² Имеется в виду иконийский султан Кылыч-Арслан (1092—1107).

³ Турки осадили Ксеригорд 29 сентября 1096 г. и взяли его на девятый день осады.

⁴ Согласно рассказу Альберта Лахенского, крестоносцы знали о поражении у Никеи и о движении турецкого войска, но по настоянию Готфрида Буреля, рыцаря, пользовавшегося большим влиянием в отряде Петра, выступили навстречу туркам.

⁵ По словам автора «Деяний франков», турки застали крестоносцев спящими в лагере и многих убили. Оставшиеся в живых бросились бежать к Кивоту, некоторые пытались спастись морем. Эти события датируются октябрём 1096 г.

того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, положили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь ¹...

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагодарности и о том, что он попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям ², он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неуютно, чтобы они поклонились гробу господню.

Анна Комнина. Алексиада.
Вступительная статья, перевод,
комментарий Я. Н. Любарского.
М., 1965, стр. 275—279.

Из «Полного свода всеобщей истории»
Ибн ал-Асира

...Причиной их похода было то, что их царь Бардуил ³ собрал великое множество франков, а был он родичем Рожера Франкского, который захватил Сицилию ⁴. Он отправил Рожеру гонца с посланием, говоря: «Я собрал большое войско и прибуду к тебе, а от тебя пойду на Ифрикийю ⁵, чтобы завоевать ее и быть рядом с тобой». Рожер собрал своих приближенных и устроил совет, и они сказали ему: «Клянемся Евангелием, это будет хорошо и для нас, и для них, и вся страна станет христианской». Но Рожер в ответ им поднял ногу, громко испустил ветры и сказал: «Клянусь верой христовой, этот

¹ Анна ошибается: Петра в то время не было с крестоносцами. Он находился в Константинополе, где вел переговоры с Алексеем.

² Петр имел в виду отделившийся от его войска отряд Рено.

³ По фантастическому представлению автора, Бардуилу якобы повиновался тогда весь Запад.

⁴ Имеется в виду первый норманнский король Сицилии Рожер II (1130—1154).

⁵ Африку.

звук лучше, чем все ваши речи!» Они спросили: «Как же так?», и Рожер ответил: «Если они придут ко мне, им нужно будет много денег, и продовольствия, и кораблей, чтобы им попасть в Ифрикийю, им понадобятся также мои войска. Если они захватят страну, она окажется в их руках и не будет зависеть от Сицилии. Тогда я больше не буду получать оттуда ни денег, ни зерна, что поступает ко мне каждый год. А если им не повезет, они вернутся в мою страну и мне придется плохо от них. Мой родич будет говорить, что я предал его и нарушил наш договор, и тогда нашей дружбе придет конец. Ифрикийя от нас не уйдет, и, когда у нас будет достаточно сил, мы возьмем ее».

Он приказал привести гонца Бардуила и сказал ему: «Если вы решились на святую войну с мусульманами, то лучше всего вам захватить Иерусалим, чтобы освободить его от них, и это послужит вам к славе. Что же касается Ифрикийи, то я заключил договор с ее жителями и обещал им пощаду».

Тогда франки снарядились и выступили против Сирии. Говорят еще, что правители Египта из Алидов, увидев, как сильна сельджукская держава и как много земель захватили сельджуки в Сирии, вплоть до Газы, так, что между ними и Египтом не осталось другого государства, которое могло бы преградить путь сельджукам, помешать им войти в Египет и окружить страну со всех сторон, испугались и послали гонца к франкам, призывая их выступить против Сирии, чтобы захватить ее и быть между Египтом и остальными мусульманами, но Аллах лучше знает.

И б н а л-А с и р. Ал-Камил фи-т-тарих, т. 8. Каир, 1940, стр. 185—186.

III. КРЕСТОНОСНОЕ РЫЦАРСТВО В СТОЛИЦЕ ВИЗАНТИИ

Из «Алексиады» Анны Комниной

Кн. X, гл. 6. ...Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить ее себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили все это движение; они обманывали простодуш-

ных людей, прикидываясь, что отправляются против ту-рок мстить за гроб господень, и продавали свои земли.

Гл. 7. Некто Гуго, брат короля Франкии¹, кичившийся, как Новат² своей знатностью, богатством и силой, собираясь у себя на родине в путь к гробу господню и стремясь заранее обеспечить себе блестящую встречу, велел передать императору такие безумные слова. «Знай, — сказал он, — император, что я — царь царей и самый великий из живущих под небом³, поэтому, когда я прибуду, ты должен встретить меня с подобающей торжественностью и оказать прием, достойный моего происхождения».

...При переправе из Бари в Иллирик он попал в сильную бурю и потерял большую часть своих кораблей вместе с гребцами и воинами; лишь один челн, как раз тот, в котором находился Гуго, наполовину разбитый, был выброшен волнами на берег между Диррахием и Пали...

...Дука⁴ принял его, целого и невредимого, поприветствовал, расспросил, как и откуда он прибыл; узнав о несчастье, приключившемся в плаванье, ободрил Гуго добрыми надеждами и предложил богатое угощение. Тотчас же известив... самодержца, дука ждал, что ему будет предписано дальше. Самодержец, узнав обо всем, спешно послал Вутумита⁵ в Эпидамн, который я часто называла Диррахием, с поручением доставить Гуго в столицу, держа путь не напрямик, а в объезд через Филиппополь, так как боялся продолжавших прибывать кельтских толп и отрядов.

Император принял Гуго с почетом⁶, всячески выражая ему свою благосклонность, дал много денег и тут же убедил стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву.

¹ Гуго Вермандуа — младший брат французского короля Филиппа I — одним из первых откликнулся на призыв Урбана II, выступив во главе немногочисленной рати.

² Новат — карфагенянин, в III в. н. э. возглавлявший одну из еретических сект, ереснарх.

³ Заставляя Гуго приписывать себе такой пышный титул, Анна подчеркивает кичливость франка. Возможно, однако, что содержание этого письма заимствовано Анной из какого-то западного источника.

⁴ Дука — начальник пограничного округа.

⁵ Мануил Вутумит — один из высших командиров флота при Алексее I Комнине.

⁶ В ноябре 1096 г.

Гл. 8. ...Не прошло и пятнадцати дней, как Боэмунд, о котором часто упоминалось выше, высадился на берег у Кавалиона¹ с многочисленными графами и с войском, ни с чем не сравнимым по величине...

Гл. 9. В это же время граф Готфрид с другими графами и с войском, состоявшим из десяти тысяч всадников и семидесяти тысяч пехотинцев, тоже совершил переправу² и, дойдя до столицы³, расположил свое войско на берегу Пропонтиды... Император настаивал на том, чтобы Готфрид переправился через Пропонтиду, тот же откладывал со дня на день и, приводя причину за причиной, оттягивал время. На самом деле он дожидался прибытия Боэмунда и остальных графов. Ибо если Петр с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения гробу господню, то все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой⁴; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу; ...лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей.

Но император, уже давно знакомый с их коварством, письменно приказал насмным войскам и их командирам расположиться отрядами на территории от Афиры до Филея (это прибрежная местность у Понта) и быть настороже; если же будут посланы люди от Готфрида к Боэмунду или к идущим сзади графам или от них к Готфриду, то преградить им путь.

Между тем произошло следующее. Император призывал к себе нескольких графов, спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву. Этот разговор занял много времени из-за природной болтливости латинян и их любви к долгим речам; по их лагерю пронесся ложный слух, что император велел задержать графов. Тотчас же на Византий двинулись густые фалан-

¹ Около Диррахия. Боэмунд отплыл из Италии в конце октября 1096 г. и собрал свои отряды в Иллирике в начале ноября.

² По сообщениям всех западных хронистов, ополчение Готфрида двигалось к Константинополю по суше.

³ Крестоносцы Готфрида подошли к Константинополю 23 декабря 1096 г.

⁴ В 1083 г.

ги; они сразу же разрушили до основания дворцы у Серебряного озера ¹ и начали штурмовать стены Византия без гелепол (их не было у латинян). Полагаясь на свою многочисленность, они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом ²...

При виде латинских фаланг не только городской сброд Византия, трусливый и не знающий военного дела, но и преданные императору люди принялись стенать, плакать и бить себя в грудь... Все, кто был знаком с военным делом, сбегались в беспорядке к императорскому дворцу. Однако сам император... остался спокойно сидеть на... троне, ободряя всех веселым взглядом, вселяя надежды в души своих приближенных и советуясь с родственниками и военачальниками о том, что предпринять.

Прежде всего он запретил кому бы то ни было выходить из города и вступать в бой с латинянами — отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть) ³, отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни. Поэтому он много раз посылал гонцов к латинянам, убеждая их прекратить бой... Но они не только не послушались самодержца, а еще тесней сомкнули свои фаланги и стали метать стрелы с такой силой, что даже ранили в грудь одного из стоявших у императорского трона... Когда... Алексей увидел, что латиняне дерзко подступают к стенам и не внемлют его разумным советам, то... велел подвергнуть латинян сильному обстрелу, но не целиться, а метить главным образом мимо, чтобы не убивать, а только устрашить латинян множественностью стрел...

Других отборных воинов, вооруженных в большинстве своем луками и длинными копьями, он послал открыть ворота возле Святого Романа ⁴ и изобразить стремительное наступление на латинян... Воины с готовностью выполнили приказ императора... Завязалась жестокая и

¹ Серебряное озеро находилось на некотором расстоянии от стен города, недалеко от Влахерн.

² Влахернский дворец и ведущие к нему ворота (Влахернские).

³ 2 апреля 1097 г. Более точная дата описываемых событий — 13 января. (Эту дату приводит хорошо осведомленный в данном случае Альберт Аахенский.)

⁴ Ворота, возле которых находилась церковь, названная в честь этого святого.

страшная битва; упорно сражались и всадники вне города и те, кто стоял на стенах. Самодержец ввел в бой свои собственные войска ¹ и обратил латинские фаланги в бегство.

На другой день Гуго, придя к Готфриду, посоветовал ему подчиниться воле императора и дать клятву хранить незапятнанную верность, если он не хочет вновь испытать на собственном опыте военный опыт самодержца. Но Готфрид сказал ему с порицанием: «Ты вышел из своей страны, как царь, с большими богатствами и войском, и сам низвел себя с такой высоты на положение раба, а теперь, будто совершив великий подвиг, ты приходишь советовать то же самое и мне». Гуго ответил: «Нам надо было оставаться в своей стране и не зариться на чужую; но мы дошли до этих мест и очень нуждаемся в покровительстве императора, нас не ждет ничего хорошего, если мы не подчинимся ему». Гуго ушел без всякого результата. Самодержец же, узнав, что идущие позади графы уже приближаются, послал к Готфриду некоторых из своих лучших военачальников с войсками, поручив им убедить Готфрида переправиться через пролив. Когда их увидели латиняне, они, не выждав ни мгновенья и даже не узнав их намерений, бросились в бой. В ожесточенной битве, завязавшейся между ними, было много убитых с той и с другой стороны; ранены были также (враги?) самодержца, которые дерзко напали на него. Так как императорские войска сражались с большим упорством, латиняне обратились в бегство.

Таким образом, спустя некоторое время Готфрид подчинился воле императора. Придя к нему, он дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором. Поклявшись в этом, он получил много денег и стал гостем и сотрапезником императора ². После пышных пиров он переправился через пролив и разбил свой лагерь под Пелеканом. Самодержец же распорядился, чтобы им в изобилии доставлялось всякое продовольствие.

¹ Личная гвардия императора.

² По свидетельству Альберта Аахенского, Алексей, согласно обычаю своей страны, усыновил Готфрида.

Гл. 10. ...Приближалось новое бесчисленное множество людей, смешанное по составу, собранное почти из всех кельтских земель, во главе с предводителями — королями, герцогами, графами и даже епископами¹. Самодержец, человек, удивительно умевший предвидеть будущее и заранее принимать нужные меры, отправил к ним послов с поручением дружелюбно их встретить и передать добрые слова. Он распорядился доставлять им в пути продовольствие и поручил это специально назначенным людям, чтобы у латинян не возникло ни малейшего повода и никакой причины к неудовольствию. Все они устремились к столице. И казалось, было их больше, чем звезд на небе и песка на морском берегу..., и все они стремились в Константинополь... Когда они, наконец, достигли столицы, их войска расположились, по совету самодержца, у монастыря Космидия, растянувшись вплоть до Иерона².

...Император, желая склонить графов к той клятве, которую уже принес Готфрид, стал приглашать их к себе по отдельности, с глазу на глаз объяснять им свои намерения, стараясь через благоразумных повлиять на непокорных. Но они, выжидая прибытия Боэмунда, не поддавались уговорам, а находили разные способы уклониться от клятвы и выдвигали то одно, то другое требование. Император легко опровергал все их аргументы и, пустив в ход разные средства убеждения, побудил их, наконец, дать ту же клятву, что и Готфрид, а его самого вызвал по морю из Пелекана, дабы клятва была подписана в его присутствии.

Когда все, в том числе и Готфрид, были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин³ подошел к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упреком: «Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить императору. Да и не в обычае у ромейских императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, по-

¹ В действительности среди крестоносцев не было ни одного короля.

² Иерон находился на мысе Черноморского побережья, на европейском берегу Босфора.

³ Балдуин — младший брат Готфрида Бульонского, впоследствии граф Эдессы и король иерусалимский (1100—1118).

клявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны». Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрым взглядом, проговорил про себя на родном языке: «Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников».

От императора не ускользнуло движение губ латинянина. Подозвав одного из переводчиков с латинского языка, он спросил его о значении сказанного. Узнав смысл слов, он до времени ничего не сказал латинянину, но сохранил его слова в памяти. Когда же все прошались с императором, он подозвал к себе этого надменного и бесстыдного латинянина и спросил, кто он такой, откуда происходит и какого рода¹. Тот ответил: «Я — чистокровный франк знатного рода, и мне известно одно: в той местности, откуда я родом, есть храм на перекрестке, сооруженный в древние времена. Туда приходит каждый, кто хочет сразиться на поединке. Вооруженный для единоборства, он просит там помощи у бога и остается в ожидании того, кто отважится принять его вызов. Я тоже провел долгое время на этом перекрестке, ожидая того, кто сразится со мной, но никто не дерзнул».

Император, выслушав его, сказал: «Если раньше ты искал и не находил битвы, то теперь пришло твое время насытиться битвами. Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине вместе с гемилохитами², ибо я давно уже знаю, как сражаются турки». Этот совет он давал не только ему; всем другим он тоже говорил о том, что ждет их в пути, и советовал, когда бог пошлет им победу, не поддаваться порыву и не преследовать варваров, чтобы не попасть в засаду и не погибнуть.

Гл. 11. ...Бозмунд же с другими графами достиг Апро-са. Он знал, что не принадлежит к знатному роду и не имеет из-за недостатка денег многочисленного войска; поэтому, желая приобрести расположение самодержца и в то же время скрыть свои истинные намерения, он опередил всех остальных графов и в сопровождении лишь десяти кельтов поспешил прибыть в царственный город. Император, давно знакомый с его интригами, с его коварным и обманчивым нравом, тоже торопился встретиться

¹ Речь идет, видимо, о Роберте Парижском.

² Гемилохит — командир воинского подразделения — полуха».

с ним, раньше чем придут остальные графы, хотел выслушать его и убедить переправиться через пролив до их прихода, ибо опасался, что Боэмунд, соединившись с теми, кто вот-вот должен был появиться, может обратить их мысли в дурную сторону.

Император встретил Боэмунда веселым взглядом и спросил, как прошел его путь и где он оставил графов.

Боэмунд отвечал ему в соответствии со своим нравом. Алексей, шутя, напомнил о том, как дерзко Боэмунд сражался против него под Диррахием и Лариссой и об их прежней вражде. Боэмунд на это ответил: «Раньше я действительно был твоим врагом и противником, теперь же я пришел к тебе как друг твоей царственности». Самодержец коснулся в разговоре многих тем и попытался выведать его мысли; видя, что Боэмунд готов принести клятву верности, он сказал: «Сейчас ты устал с дороги, пойди и отдохни. Вскоре мы поговорим обо всем, о чем хотим».

От императора Боэмунд отправился в Космидий, где ему было приготовлено жилье; для него был накрыт богатый стол со всякими мясными блюдами и закусками. Затем повара принесли сырое мясо животных и птиц и сказали: «Мы приготовили эти блюда, как видишь, по нашим обычаям, но если они тебе не нравятся, то вот сырое мясо — его приготовят так, как ты захочешь». Сделать и сказать это велел им сам самодержец. Обладая способностью угадывать характеры, император понял, что человек этот злобен и недоброжелателен. Чтобы не было никаких недоразумений, он даже велел подать ему сырое мясо, ибо желал рассеять этим всякие подозрения. И Алексей не ошибся.

Коварный Боэмунд не только не отведал кушаний, но даже не захотел дотронуться до них кончиками пальцев. Он тотчас оттолкнул их от себя и, не обмолвившись и словом о своем подозрении, стал раздавать блюда присутствующим; он делал вид, что милостиво одаряет всех, а в действительности, как было видно всякому пронизательному человеку, готовил им смертельный напиток. Он даже не скрывал, что хитрит, до такой степени Боэмунд презирал своих людей. Сырое же мясо он велел приготовить собственным поварам по обычаям своей страны. На другой день он спросил тех, кому роздал кушанья, как они себя чувствуют. Они ответили: «Даже очень хорошо», и сказали, что не испытывают никакого недомогания. Тог-

да Боэмунд открыл свои тайные мысли и произнес: «А я, помня о своих войнах с Алексеем и о прежней битве, побоялся: не решил ли он умертвить меня, подмешав к еде смертельный яд».

Вот все о Боэмунде.

...Позвав к себе Боэмунда, император и ему предложил принести обычную у латинян клятву. Боэмунд понимал свое положение..., кроме того, Боэмунд вообще был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца. Тогда император выделил одну комнату во дворце и устлал весь пол разного рода ценностями, одеждами, золотыми и серебряными монетами и другими менее дорогими вещами. Комната оказалась настолько заполненной, что из-за множества вещей нельзя было сделать ни шагу. Император приказал тому, кто должен был показать все это Боэмунду, открыть двери внезапно. И вот Боэмунд, пораженный зрелищем, воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда тот: «Это все пожаловал тебе сегодня император».

Боэмунд принял богатства с огромной радостью и, поблагодарив, отправился отдыхать в отведенные ему покои. Когда же ему принесли дары, он, забыв о своем прежнем восхищении, сказал: «Никогда я не ожидал такой обиды от императора. Возьмите это все и отнесите тому, кто вас послал». Император же, зная непостоянный нрав латинян, ответил ему народной поговоркой: «Злоба его обратится на его голову»¹. И вот Боэмунд, который недавно сам с негодованием от всего отказался, узнав об ответе императора и увидев слуг, потребовавших назад ценности, изменил тактику, весело взглянул на слуг и, подобно полипу, преобразился в одно мгновение. Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег. Но, выделяясь среди латинян необычайной ловкостью, он обладал общим им всем природным качеством — непостоянством. Те самые богатства, от которых он отказался, принял теперь с большой радостью.

Настроен он был очень враждебно. Не владея никакими землями, он покинул родину для вида — ради по-

¹ Библейская цитата: Псалт. VII, ст. 17.

клонения гробу господню, на самом деле — чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы (ведь он следовал заветам своего отца) ¹. Но пустив, как говорится, в ход все средства, он сильно нуждался в деньгах. Самодержец, зная его злобу и недоброжелательство, искусно старался устранить все, что могло способствовать его тайным замыслам...

...На другой день..., позвав к себе Боэмунда и всех других графов, он рассказал им о том, что их ждет в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, какими обычно пользуются турки, научил, как нужно выстроить войско и как расположить засады, а также остерег их далеко преследовать турок, когда те обратят тыл. Смягчив дарами и речами дикий нрав латинян, дав им полезные советы, император побудил их к переправе.

Из всех латинян император выделил Исангела ², которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни... Когда все графы заключили договор с самодержцем и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис, самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он раскрыл [ему] свои подозрения относительно намерений франков..., просил его неусыпно помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: «От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю все, чтобы выполнить твое поручение». И, заключив договор с самодержцем, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском.

Анна Комнина. Указ. соч.,
стр. 279—280, 283—292.

¹ Отец Боэмунда Тарентского — Роберт Гвискар, герцог Сицилии, Апулии и Калабрии, воевал против Византии в 1081—1085 гг. В этих войнах участвовал и Боэмунд.

² Исангелом Анна называет Раймунда IV Тулузского, графа Сен-Жилля.

В это время ¹ начался исход римлян ², отворились врата племени латинян, ибо господь пожелал через них воевать с домом персов ³...

Пришли в движение вся Италия и Испания... [всё сбитаящее] в глубине [страны] племя франков... толпами... устремились [они] на помощь христианам, ради спасения святого града Иерусалима от рук иноплеменников, ради освобождения от арабов богоприимного святого гроба [господня]... Вот сколько могучих и воинственных мужей, в огромном множестве, подобно звездам небесным, поспешали вперед... Так преодолевая путь, они добрались до великого Константинополя.

Царь Алексей, узнав об их прибытии, направил войска для войны с ними. С обеих сторон погибло страшное число людей, франки обратили в бегство греческую рать. В этот день пролилось много крови. Так бывало всюду: по какой бы стране они ни проходили, все выступали против них с оружием и терзали их многими мучениями. Услышав обо всем этом, царь Алексей приостановил резню и больше не стал воевать с ними. Вся армия [франков] спустилась к воротам Константинополя и просила [дать] выход к морю Океану ⁴. Царь Алексей заключил любовь и согласие со всеми князьями франков, провел их в святую Софию ⁵ и пожаловал им много золота и серебра; [франки] же дали ему клятву освободить от персов все ранее принадлежавшие ромеям области и передать их царю Алексею, а [завоеванная] у персов и арабов земля станет собственностью племени франков...

Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршапат, 1898, стр. 254—255.

¹ 545 г. армянской эры — 26 февраля 1096 г. — 24 февраля 1097 г.

² «Римлянами» Матфей Эдесский называет европейцев, отличая их от «ромеев» — греков (византийцев).

³ «Персами», как и в византийских источниках этого времени, здесь именуются турки-сельджуки.

⁴ «Море Океан» — Эгейское море. Такое же выражение хронист употребляет для обозначения Средиземного моря.

⁵ Храм св. Софии в Константинополе — главная церковь византийской столицы.

Письмо графа Стефана Блуасского
и Шартрского к супруге Адели
из-под Никеи

Граф Стефан¹ графине Адели², нежнейшему другу, жене своей, — все, что может измыслить его душа лучшего и благодарнейшего. Да будет тебе ведомо, любовь моя, что я прибыл в Романию³ со всем почетом и в добром телесном здравии. Я позаботился о том, чтобы написать тебе из Константинополя о моих делах и о происшедшем в пути⁴. Однако поскольку гонец мог попасть в какую-нибудь беду, пишу тебе о том же вторично.

Благодарением божьим я прибыл в Константинополь с превеликой радостью. Император⁵ принял меня любезно и со всем почетом, словно своего сына, и одарил щедрейшими и драгоценнейшими дарами⁶. Вообще [говоря], во всей нашей божьей рати нет ни герцога, ни графа, ни другого значительного лица, которому бы он более доверял и благоволил, нежели мне. Да, моя любимая, его императорское достоинство частенько увещевал и увещевает меня отдать под его покровительство одного из наших сыновей⁷; он обещал осыпать его такими почестями и удостоить таким уважением, что не станет за-

¹ Граф Стефан Блуасский и Шартрский — один из предводителей крестоносцев Северной Франции. Сын графа Тибо III Шампанского, считавшийся богатейшим среди сеньоров, которые двинулись на Восток (по словам Гвиберта Ножанского, у него было столько же замков, сколько дней в году). В 1081 г. женился на дочери английского короля Вильгельма Завоевателя, еще более расширив свои владения. В крестовый поход отправился в октябре 1096 г. вместе с герцогом Робертом Нормандским.

² Адель — дочь Вильгельма Завоевателя, супруга Стефана.

³ См. стр. 48, прим. 1. Рать французских крестоносцев прибыла в Константинополь (из Италии, через которую шли эти ополчения) в середине мая 1097 г., в числе последних отрядов крестоносцев, когда остальные уже переправились в Азию и 6 мая приступили к осаде Никеи.

⁴ Это письмо не сохранилось.

⁵ Алексей I Комнин (1081—1118).

⁶ Говоря о драгоценнейших дарах, автор, возможно, имеет также в виду и реликвии, множество которых хранилось в византийской столице и высоко ценилось латинскими пришельцами.

⁷ У Стефана Блуасского и Адели было семеро сыновей.

видовать даже и нам¹. Поистине говорю тебе, ныне нет из живущих под небесами такого [человека] (т. е. подобного императору. — М. З.). Он щедрейшим образом одаряет наших князей, облегчает положение рыцарей подношениями, кормит бедняков раздачами.

Близ Никеи есть укрепление Цивитот²; неподалеку от него расположен залив моря, по которому днем и ночью в Константинополь плавают собственные суда императора, доставляя оттуда бесчисленным беднякам в укрепление пропитание, которое ежедневно распределяется между ними³. В наше время, как нам кажется, не найдется государя, столь достойного во всех отношениях своими деяниями и помыслами. Твой отец, любимая моя, раздавал много и помногу, но столько едва ли было⁴. Я хотел сообщить тебе эту малость о нем, чтобы ты хоть немного ведала, что это за человек. Спустя 10 дней, в течение коих он с большим почетом удерживал меня при себе, я покинул его как отца. Он самолично повелел приготовить мне корабли, на которых я быстро переплыл спокойный рукав моря, что омывает город⁵. Передавали, будто этот рукав бурный и опасный, — это, однако, неверно. Ибо в нем можно еще менее сомневаться, чем в

¹ Скорее всего имеется в виду старший из сыновей автора послания — Гийом, известный своим честолюбием и разбойничьим правом, вследствие чего Адель Блуасская (уже после гибели супруга на Востоке) лишила этого отпрыска права унаследовать владения отца, сохранив за ним только Шартр.

² Цивитот (это название в разных вариантах встречается и у хронистов) — местечко на южном берегу Никомидийского залива, близ Еленополя, недалеко от современного Херсека, примерно в 35 км к северо-западу от Никеи.

³ Под «бедняками» автор послания разумет рядовых крестоносцев, которые обосновались в Цивитоте еще до прибытия сюда северофранцузских отрядов Роберта Нормандского и его собственных. Алексей Комнин взял на себя снабжение крестоносцев продовольствием, о чем пишут и латинские хронисты, очевидцы событий.

⁴ Смысл сопоставления становится ясным из того факта, что Вильгельм Завоеватель, завладевший колоссальными богатствами в результате завоевания Англии в 1066 г., перед своей смертью (1087) распорядился передать в дар каждой церкви не менее 10 марок золота (на «поминование души») и по 100 фунтов золота для раздачи милостыни беднякам во всех областях страны.

⁵ Отряды Стефана Блуасского, как и переправившиеся в Азию до них, плыли через Босфор и высаживались, видимо, в Скутари (на противоположном берегу).

Марне или Сене¹. Оттуда мы приплыли в другой рукав, называемый рукавом святого Георгия². Мы направили свой путь в Никомидию, город, разоренный турками, где блаженный мученик Панталеон претерпел за Христа³ и где этот морской рукав имеет свое начало и конец. Затем божьим благодарением поспешили мы к большому граду Никее.

Никею опоясывают удивительные стены с более чем тремястами высоких башен. Мы встретили здесь отважных турецких воинов и бесчисленную рать господню, которая уже четыре недели насмерть билась с никейцами. Незадолго до того, как мы прибыли к воинству, Солиман⁴, приготовившись к войне, напал неожиданно с огромным войском на наших, рассчитывая этим нападением прорваться в город, чтобы помочь своим⁵. Но по божьему милосердию это необдуманное намерение получило иной исход. Быстро изготовившись, наши жестоко встретили турок: все тотчас повернулись спиной и обратились в бегство. Наши неустанно преследовали их, многих перебили и гнали на большое расстояние, кого рая, кого убивая; и если бы не крутые горы, незнакомые нашим, то враг испытал бы в этот день непоправимое по-

¹ То есть плавание по нему столь же спокойно, как и по этим, родным для автора письма, рекам Франции.

² «Другой рукав моря» — так называемый Исмидский залив, заканчивающийся у Никомидии. Согласно христианской легенде, в этом городе 23 апреля 303 г. будто бы погиб мучеником канонизированный впоследствии церковью святой Георгий, считавшийся покровителем Никомидии, откуда и византийское название Босфора — «рукав св. Георгия».

³ Согласно легенде, 27 июля 303 г. он по приказу Диоклетяна был после пыток обезглавлен в Никомидии.

⁴ На самом деле сельджукский султан Сулейман II (правильнее — Кылыч-Арслан I) в этой акции не участвовал: судя по рассказу армянского хрониста Матфея Эдесского, он воевал в то время в Каппадокии с одним из сельджукских эмиров, осаждая город Мелитену, и не успел перебросить армию для защиты Никей. Латинские хронисты, очевидцы и участники событий, впервые упоминают имя Солимана, лишь рассказывая о Дорилейском сражении 1 июля 1097 г.

⁵ Рассказывая об этом, хронисты рисуют события таким образом, будто турки предполагали ворваться в город через никейские южные ворота. Однако как раз в день, когда прибыла турецкая армия, здесь расположилось провансальское ополчение. Действуя вместе с рыцарями Готфрида Бульонского, стоявшими к востоку от города, крестоносцы сумели нанести поражение туркам.

ражение. Из наших же не пал никто¹. Потом вся наша рать ударила совместными силами и, пустив в ход баллисты и луки, поубивала массу турок, включая и их предводителей.

Из наших, правда, тоже были убитые, но немногие: из именитых рыцарей никто, кроме Балдуина Фландрского из Гента². Наши досточтимые князья, видя, что Никея защищена башнями, о чем уже я сказал, которые нельзя взять обычными средствами, приложили немалый труд, чтобы соорудить чрезвычайно высокие деревянные башни с бойницами и построить всякого рода орудия³.

Узрев это, устранившиеся турки сообщили императору⁴, что готовы сдать город на условии, если разрешит им выйти из города хоть и безо всего и в оковах, но гарантирует жизнь⁵. Узнав об этом, достопочтеннейший император прибыл к нам: он не отваживался войти в свою Никею, чтобы не потерпеть от бесчисленного народа, который чтит его как отца.

Он прибыл к нам морем на остров⁶; все наши князья, кроме меня и графа Тулузского, поспешили ему навстречу, чтобы разделить с ним радость победы. Он принял их, как и следовало, с великим удовольствием. Император особенно сильно обрадовался, что я остался у города, словно я подарил ему гору золота. Продолжая пребывать на том же острове, он распределил добычу таким образом, что все драгоценнейшее, как-то: золото, камни, серебро, одежды, кони и тому подобное досталось рыцарям, пропитание же — пешим. Помимо того, он обещал выдать князьям из собственной сокровищницы, как уже упоминалось.

Таким образом 19 июня бог восторжествовал — великая Никея пала. В книгах сказано, что святые отцы пер-

¹ Это известие не соответствует действительности: из письма Бозмунда и других предводителей крестоносцев «ко всем верным» видно, что потери крестоносцев составили не менее 3 тысяч воинов.

² Сеньор Ало (его упоминают и хронисты, например, Гийом Тирский).

³ Имеются в виду камнеметательные снаряды, тараны, лестницы и пр.

⁴ Алексею Комнину.

⁵ Это известие — несомненно вымысел: трудно допустить, что турки обращались к Византии с подобным, довольно выгодным для них в создавшейся ситуации предложением.

⁶ По-видимому, на один из современных Принцевых островов.

воначальной церкви устроили в Никее собор¹ и, истребив арианскую ересь, утвердили, внушением святого духа, веру в святую троицу. Ныне же сей град, являвшийся некогда вместилищем заблуждений, божьей милостью, трудами слуг господних стал служителем истины.

В заключение скажу тебе, любовь моя, что коли нас не задержит Антиохия, то через пять недель мы будем в Иерусалиме².

Будь здорова!

Epistula I Stephani comitis Carnotensis ad Adelam uxorem suam. — H. Hagenmeyer. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. Innsbruck, 1901, S. 138—140.

Из «Алексиады» Анны Комниной

Кн. XI, гл. 1. ...Латинян было бесчисленное множество, продовольствия не хватало, и поэтому они не могли... задерживаться... Они разделились на две части и двинулись к Никее — одни через Вифинию и Никомидию, другие — через Кивотский пролив. Так они подошли к Никее. Распределив между собой башни и соединявшие их стены, они решили штурмовать их в определенном боевом порядке, дабы, соревнуясь друг с другом, сделать осаду еще более ожесточенной; ту часть, что пришлась на долю Исангела, они оставили незанятой³ в ожидании его прибытия...

Варвары, находившиеся в Никее, много раз обращались к султану⁴ за помощью. Пока он медлил, осада города продолжалась уже много дней от восхода до заката. Видя свое тяжелое положение, варвары отказались

¹ Никейский собор 325 г.

² В действительности крестоносцам удалось прибыть к своей цели лишь в начале июня 1099 г.

³ Первым (6 мая) к Никее подошло войско Готфрида. Он блокировал город с севера, Танкред — с востока. Южный участок стены был оставлен задержавшемуся в Константинополе Сен-Жиллю (с запада город подходит к Асканскому озеру). К крестоносцам в это время присоединились остатки разбитого войска Петра Пустынника.

⁴ Имеется в виду Кылыч-Арслан I, который в это время был занят войной с Данишмендами в Каппадокии за обладание Мелитеной.

от прежних намерений и предпочли лучше обратиться к императору, чем попасть в руки кельтов. Поэтому они позвали к себе Вутумита, который во многих посланиях обещал им всяческие блага от самодержца, если они сдадут ему Nikeю. Тот совершенно недвусмысленно сообщил им о дружелюбии императора, показал письменные обещания на случай, если они сдадут ему крепость, и был с радостью принят турками, которые отказались уже от мысли противостоять такому множеству врагов и решили, что лучше добровольно отдать город императору и получить взамен деньги и титулы, чем стать жертвой мечей.

Вутумит не провел в городе и трех дней, как прибыл Исангел и стал штурмовать стены заранее приготовленными гелеполами¹. В это время разнесся слух о приближении султана. Узнав об этом, турки ободрились и тотчас выслали Вутумита из города. Султан же, выделив часть войска, послал его для наблюдения за действиями Исангела, приказав своим воинам не уклоняться от боя, если они встретятся с кем-либо из кельтов. Воины Исангела, издали заметившие турок, завязали бой. Тогда и остальные графы, в том числе Боэмунд, получив известие о нападении варваров, взяли у каждого графа по двести воинов и, составив из них большой отряд, тут же послали его на помощь Исангелу. Настигнув варваров, кельты преследовали их до самого вечера... Много воинов пало с той и с другой стороны: немало было убито, но большинство — ранено.

Кельты, одержав блестящую победу, возвращались, наколов головы врагов на копья и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою. Так поступили и такое замыслили латиняне. Султан же, видя бесчисленное множество латинян, отвагу которых он испытал в сражении, передал туркам — защитникам Nikeи следующее: «Поступайте впредь, как сочтете нужным». Он наперед знал, что они предпочтут отдать город императору, чем попасть в руки кельтов.

Тем временем Исангел, преследуя прежнюю цель, соорудил круглую деревянную башню, со всех сторон покрыл ее кожами, в середине оплел прутьями и, защитив

¹ Сен-Жилль подошел к Nikee 16 мая и расположил свое войско у южной стены города.

ее отовсюду¹, приблизил к башне под названием Гонат²... поместил внутри нее вооруженных воинов, дробителей стен и других, умеющих железными орудиями расшатывать башни в основании; первые должны были сражаться с защитниками стены, вторые — под их прикрытием — подкопать башню. Вместо вынутых камней они положили деревянные балки, а добравшись до другой стороны стены (им был уже виден проникавший оттуда свет), они подожгли их. Когда балки сгорели дотла, Гонат склонился еще больше и оправдал свое название. Окружив остальную часть стены таранами и «черепахами» и вмиг наполнив землей наружный ров (он сравнялся с прилегавшим к нему с обеих сторон полем) — латиняне бросили все свои силы на осаду города.

Гл. 2. ...Самодержец хотел выступить вместе с латинянами против безбожников-турок. Но понимая, что неисчислимое войско франков нельзя даже сравнить с отрядом ромеев, и, зная непостоянство латинян, он, взвесив все обстоятельства, отказался от своего намерения. Да и не только поэтому: он наперед видел, насколько латиняне ненадежны, не верны слову..., устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей. Вот из каких соображений самодержец воздержался в то время от исполнения своего намерения. Он решил не идти вместе с кельтами, а помогать им так, как если бы он был с ними.

Зная прочность стен Никси, он считал, что латиняне не смогут овладеть городом. Когда же он узнал, что султан по прилегающему к Никсе озеру³ легко доставляет туда большие военные силы и всевозможное продовольствие, он решил овладеть озером. Построив такие челны, какие могли держаться на воде озера, он доставил их на повозках и спустил на воду у Киоса. На челны же он погрузил вооруженных воинов во главе с Мануилом Вутумитом и, чтобы они произвели впечатление большого войска, дал им больше, чем надо, знамен, а также трубы и барабаны.

¹ Такая башня называлась «черепахой»: она представляла собой обшитый кожей деревянный навес, под прикрытием которого осаждающие подкапывали или пробивали стену.

² Это была башня, осевшая в основании, словно опустившаяся на колени (по мнению Анны Комниной, название башни якобы и происходило от слова «гонэ» — колено).

³ См. стр. 78 прим. 3.

Так распорядился самодержец относительно озера¹. С суши он призвал к себе Татикия и Циту с двумя тысячами отважных пельтастов² и послал их к Никее, приказав сразу же по высадке на берег захватить крепость кира Георгия, погрузить на мулов весь запас стрел, спешиться вдаль от стен Никей, дойти пешком до башни Гонат, разбить там лагерь, а затем вместе с латинянами по общему сигналу штурмовать стены. Татикий, прибыв со своим войском к Никее, сообщил кельтам план императора. Они все тотчас же вооружились и с громкими криками бросились на приступ.

Воины Татикия слали множество стрел, часть кельтов пробивала стены, часть непрерывно метала камни из орудий. И вот варвары, напуганные зрелищем императорских знамен на озере и звуками труб Вутумита (он тем временем послал к ним вестников напомнить про императорские обещания), пришли в такое смятение, что не отваживались даже выглянуть из-за зубцов городских стен. Потеряв уже надежду на помощь султана, они решили, что лучше всего сдать город самодержцу и вступить в переговоры с Вутумитом, который сказал им все, что положено, и показал хрисовул, врученный ему прежде императором. Выслушав текст хрисовула, где император обещал не только простить их, но и щедро одарить деньгами и титулами сестру и жену султана..., а также вообще всех никейских варваров, они, ободренные обещаниями, позволили Вутумиту войти в город. Он немедленно известил Татикия письмом: «Добыча уже в наших руках, нужно готовиться к штурму стен, пусть и кельты делают то же самое, но не доверяй им ничего, кроме круговой атаки стен, скажи им, что с восходом солнца нужно окружить стены и начинать штурм».

К этой хитрости Вутумит прибег для того, чтобы кельтам казалось, будто город взят им с боя, и чтобы задуманный самодержцем план передачи города остался в тайне. Император не хотел, чтобы кельты узнали о действиях Вутумита. На другой день с двух сторон раздались боевые крики: кельты с жаром кинулись на приступ на суше, а Вутумит, взобравшись на предстенное укреп-

¹ Вероятная дата этих событий — 11 июля 1097 г.

² Пельтасты — легковооруженные воины.

ление, утвердил там скипетр и знамена и приветствовал самодержца звуками горнов и труб. Так все ромейское войско вступило в Nikeю¹.

Вутумит, зная, что кельтов огромное множество, что нрав их изменчив, а натиск неудержим, опасался, как бы они не ворвались в крепость и не овладели ею. Видя к тому же, что у сатрапов в городе войска больше, чем у него самого, и они могут, если захотят, схватить и убить его, он немедленно забрал себе ключи от городских ворот. Только одни ворота были в это время открыты для входа и для выхода, остальные же он закрыл, опасаясь близкого соседства кельтов. Теперь, имея ключи от этих ворот, Вутумит решил каким-нибудь способом уменьшить число сатрапов в городе, чтобы легче было справиться с ними, если они замыслят против него что-либо дурное. Для этого он позвал их к себе и посоветовал отправиться к самодержцу, чтобы получить у него много денег, великие почести и ежегодные выплаты. Он уговорил турок и ночью, открыв ворота, стал переправлять их по прилегающему озеру небольшими группами...

...Кельты обратились к Вутумиту, которого самодержец назначил дукой Nikeи, с просьбой впустить их в город, чтобы посетить в нем храмы и поклониться им. Но он, как уже было сказано, хорошо знал нрав кельтов и не согласился впустить их всех скопом, а разрешил входить по десять человек в открытые ворота.

Гл. 3. Самодержец, все еще находясь под Пелеканом и желая получить клятву от графов, которые не поклялись ему, написал Вутумиту, чтобы тот посоветовал всем графам не трогаться в путь на Антиохию, не вступив в договор с императором, — в этом случае они получат еще более щедрые дары. Раньше всех других, едва услышав о деньгах и подарках, склонился на предложение Вутумита Боэмунд, который посоветовал и другим отправиться к императору: такова была его неудержимая страсть к наживе. Когда графы прибыли в Пелекан, самодержец торжественно встретил их и удостоил своей заботы. Затем, собрав их, он сказал: «Вам известно, какую клятву вы мне принесли; если вы еще ее не нарушили, посоветуйте принести клятву тем, кто этого не сделал». Графы тотчас же позвали тех, кто еще не клялся; те собрались и принесли клятву.

¹ 19 июня 1097 г.

Однако племянник Боэмунда, Танкред, отличавшийся независимостью характера, твердил о том, что он обязан верностью только одному Боэмунду и намерен хранить ее до самой смерти. Все окружающие, и даже родственники императора, принялись убеждать его, а он с притворным равнодушием взглянул на палатку, в которой сидел самодержец (подобной по величине никто никогда не видел), и сказал: «Если ты дашь ее мне, полную золота, и к тому же все, что ты дал остальным графам, то я принесу клятву». Палеолог¹, очень ревностно относившийся к императору, не смог стерпеть притворных слов Танкреда и с презрением оттолкнул его. Неукротимый Танкред бросился на Палеолога. При виде этого император сошел с трона и встал между ними. Боэмунд тоже удержал племянника и сказал: «Не подобает бесстыдно нападать на родственников императора». Тогда Танкред, устыдившись, что он, точно пьяный, бросился на Палеолога, уступил уговорам Боэмунда и тоже дал клятву.

Когда все латиняне принесли клятвы, император дал им Татикия, в то время великого примикирия, с войском, чтобы он во всем помогал латинянам, делил с ними опасности и принимал, если бог это пошлет, взятые города. И вот кельты снова переправились через пролив и на следующий день выступили по дороге на Антиохию².

Анна Комнина. Указ. соч.,
стр. 293—299.

Из «Хронографии» Матфея Эдесского

...Получив от царя³ войска и воспачальников, [франки] проплыли по великому Океану и всей огромной армией достигли города, называемого Никея, возле моря Океан. Вся рать персов собралась против воинства франков, расположившегося там лагерем, и дала им бой. Франки победили персов и обратили их в бегство, с мечом напали на них и покрыли страну кровью, с мечом ринулись на город Никею, взяли его и избili всех неверных. [Персы] доставили печальную вестъ [об этом] султану Кылыч-Арслану⁴ [в то время он воевал против города Мелитены], и сообщили ему обо всем случившемся.

¹ Георгий Палеолог — дядя Анны Комниной.

² Между 26 и 29 июня 1097 г.

³ Имеется в виду византийский император Алексей I Комнин.

⁴ Иконийский султан (1092—1107).

Собрав бесчисленную рать, он двинулся на франкские войска, [находившиеся] в области Никеи. Произошло ужасное сражение, обе стороны, кинувшись друг на друга, бились бесстрашно и безжалостно, как дикие звери. Сверкание шлемов, гром лат, скрип луков собрали воедино все множество иноплеменников, от грозных криков сотрясалась земля, от свиста стрел бросало в дрожь лошадей. А кто был храбр и мужествен, стал сражаться. Подобно детенышам львов, они беспощадно рубили друг друга. Тот день был более страшным и ужасным, чем день первой сечи, ибо султан дрался с племенем франков с шестьюдесятью мириадами [воинов]. В столь страшной битве войско франков победило войско персов, учинило огромное, страшное побоище, [так что] трупы убитых усеяли поле; [франки] обратили персов в бегство и взяли мириады трофеев и пленных. Не счесть золота и серебра, что захватили они у персов. Спустя три дня султан снова собрал войска и бесчисленным множеством двинулся на франкское воинство. Произошло сражение, еще более страшное и великое, чем предыдущее: войска франков набросились на рать персов с таким же ожесточением и, учинив им страшное побоище, взяв [большое число] пленных, изгнали их из той области. Войска франков отдали Никею Алексею, царю ромеев.

Матфей Эдесский. Указ.
соч., стр. 255—257.

V. УТВЕРЖДЕНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ В ЭДЕССЕ

Из «Хронографии» Матфея Эдесского

В 546 г.¹, в дни когда патриархами армян были владыка Вахрам и владыка Василий², а над греками царствовал царь ромеев Алексей, армия римлян в несчетном множестве, около пятидесяти мириадов человек, двину-

¹ 546 год армянской эры = 25 февраля 1097 г. — 24 февраля 1098 г.

² В описываемое хронистом время в разных частях Армении имелось несколько католикосов. Упомянутый Матфеем католикос Вахрам (1066—1105), он же Григорис Филомартир, сын Григория Магистра Пахлавуни; католикос Василий (1081—1113) был племянником Вахрама-Григориса. Его местопребыванием служил город Ани.

лась вперед. Об этом [они] известили письмом князя Эдессы Тороса и великого князя армян Константина, сына Рубена, владетеля горы Тавр в стране Копитар в Марабе...

...Это произошло в 547 г.¹. Пришел некий граф по имени Балдуин и с сотней всадников взял город, именуемый Тилбашар². Узнав об этом, находившийся в городе Эдессе князь ромеев Торос³ сильно обрадовался. Он обратился к графу франков в Тилбашар с призывом прийти на помощь против своих врагов, ибо он был тесним соседними эмирами. Граф Балдуин явился в Эдессу с шестьюдесятью всадниками. Городская толпа вышла ему навстречу и с большой радостью привела его в город. Все верующие ликовали. Куропалат⁴ Торос заключил с графом большую любовь и союз, дал ему много подарков. Спустя несколько дней после того, как армянский князь по имени Константин прибыл в Гаргар⁵, куропалат отправил [франков] на войну против Балдуха, эмира Самосаты. Вместе с франками отправилась вся рать города [Эдессы]... [Далее рассказывается о поражении христианского воинства]... Константин и граф добрались до города Эдессы, к куропалату Торосу. Это случилось на второй неделе великого поста. После того как в Эдессу прибыл граф Балдуин, коварные и злоумышленные люди заключили с графом соглашение с целью убить куропалата Тороса. Такое не подобало Торосу, оказавшему столько благодеяний [городу], ибо благодаря его уму и мудрости, его искусной изобретательности и большому мужеству Эдесса была избавлена от положения данника и слуги злого и жестокого племени арабов.

В эти дни сорок человек вступили между собой в нудин сговор. Ночью они пошли к графу Балдуину, брату герцога Готфрида, и вовлекли [его] в свои злые умыслы и обещали отдать ему Эдессу. Последний одобрил их злое

¹ 547 г. армянской эры=25 февраля 1098 г.—24 февраля 1099 г.

² Город и крепость на севере Сирии; латинские хронисты именуют этот город Телль-Башир.

³ Имеется в виду правитель Эдессы Торос (Феодор), назначенный в 1094/95 г. на эту должность сельджуцким правителем Сирии Тутушем (1079—1095) и затем добившийся независимости от сельджуков.

⁴ Почетный византийский титул. Вероятно, Торос признавал себя вассалом Алексея I Комнина.

⁵ Укрепленный город на западном берегу Евфрата.

намерение. Они вовлекли [в это дело] и армянского князя Константина и на пятой неделе великого поста подняли всю городскую толпу против куропалата Тороса. В воскресенье они разорили дома всех его вельмож, захватили верхнюю крепость, в понедельник напали на нижнюю крепость, где находился [Торос] и дали ему жестокий бой. Находясь в безвыходном положении, [Торос] попросил их поклясться в том, что не тронут его, и обещал сдать им крепость, город и удалиться со своей женой в город Самосату. Он дал им святые кресты [монастырей] Вараг и Макеноец¹, на которых граф в ...церкви Апостолов поклялся, что не тронет его. Он поклялся также именем ангелов, архангелов, пророков, святых апостолов, святых патриархов, сонмом всех мучеников; [текст] этой клятвы Торос в письменном виде отправил графу, который поклялся всеми святыми, после чего Торос сдал ему крепость. Балдуин и все вельможи города вошли в крепость. Во вторник, в праздник святых сорокамучеников, горожане жестоко напали на [Тороса], мечами и дубинами сбросили со стены [крепости] в огромную толпу, которая все как один набросилась на него, панесла ему мечами множество ударов, убила его мучительной смертью. Они совершили превеликий грех перед богом. Связав его ноги веревкой, позорно таскали его по площади города. В этот день они стали клятвопреступниками. И после этого они отдали Эдессу графу Балдуину.

Матфей Эдесский. Указ.
соч., стр. 257, 260—262.

**Из «Иерусалимской истории»
Альберта Аахенского**

Кн. III., гл. 19. Несколько дней спустя слава Балдуина распространилась далеко и широко, и повсюду стало известно о его доблестных победах над всеми врагами. Тогда герцог² города Рохас, называемого Эдессой и расположенного в Месопотамии, послал к Балдуину епископа этого города с двенадцатью старейшинами, по

¹ Вараг — монастырь на юге города Ван в Васпуракане; Макеноец — монастырь в Сюнике.

² Армянский князь Торос, правитель Эдессы, см. стр. 85, прим. 3, 4.

совету которых в этой стране все творится, чтобы тот спустился со своими французскими рыцарями в Эдессу и защитил [ее] землю от набегов турок, получив взамен всю власть и управление и все доходы [наравне с герцогом]. Балдуин последовал этому [призыву] и спустился к Эдессе всего лишь с двумястами рыцарей, ибо остальное великое воинство он разделил и оставил в Телль-Башире, Равенделе и во многих других местах, которые по изгнании турок покорились его власти...

Гл. 20. Когда молва о прибытии этого выдающегося и именитейшего предводителя достигла ушей старейшин города, всех, кто это услышал, охватила великая радость и веселье: стар и млад вышли навстречу ему под звуки труб и всякой [прочей] музыки; они проводили его в город со всеми почестями и радостями, которые подобали такому мужу. Поелику его провели через городские ворота со столь высокими почестями и отвели ему и его людям [подобающее] жилье, герцог, который сам призвал его в город по совету двенадцати старейшин для защиты от врагов, возмущенный теми восхвалениями и почестями, которыми совет и народ сверх меры приветствовали его [Балдуина], в тайниках своего сердца стал сильно ему завидовать. Он отказал ему в том, чтобы управлять городом и страной, и в том, чтобы считать его равным себе в получении каких-либо доходов и дани. Он сказал, что даст Балдуину очнь много золота, серебра и пурпура, мулов, коней и оружия, если тот изъявит готовность выступить защитником указанных ему мест и всего города и окрестностей от засад и набегов турок¹. Однако Балдуин отклонил подарки герцога, предложенные на столь постыдных условиях, и потребовал лишь, чтобы ему дали верную охрану, дабы он смог целым и невредимым вернуться к своему брату Готфриду, будучи избавлен от какой-либо опасности и какого-либо злоумышления.

Когда двенадцать главных старейшин города, и первейшие горожане, и все остальные жители узнали, что он [Балдуин] не желает принять золото и серебро и вообще какие-нибудь драгоценные подношения, то отправились к герцогу и всячески умоляли его, чтобы он не позволил уйти столь знатному и отважнейшему воину и не создавал бы себе [в его лице] врага; [напротив], пусть он сделает его своим союзником во власти и в управле-

¹ То есть предложил Балдуину сделаться наемником.

нии городом и ни в коем случае не раздражает рыцаря взятием назад своих обещаний, поскольку город и вся страна могут быть надежно защищены только при содействии Балдуина и его рати.

Гл. 21. Когда герцог увидел приверженность и благожелательство двенадцати старейшин и всех горожан к Балдуину, он волей-неволей уступил их настояниям и содейл Балдуина своим приемным сыном по обычаю той страны и того народа, — он прижал его к своей обнаженной груди и затем, обвязав лежавшей поблизости одеждой, обнял его, и так, повязавшись, оба поклялись друг другу в верности...

Далее следует рассказ о том, как по требованию Тороса рыцари Балдуина безуспешно пытались отбить у турок крепость Самосату.

Гл. 22. Спустя немного дней совет и все горожане по общему согласию призвали с гор могущественного сеньора Константина¹ и совещались с ним [о том], как им погубить своего герцога и на его место посадить князем и сеньором Балдуина; они ведь удостоверились в мудрости и постоянстве Балдуина во время войны с турками и считали, что под его властью город и цитадель будут спасены и защищены наилучшим образом. Этот герцог всем им был сильно ненавистен, ибо он причинил им много зла и отобрал у них невероятное количество золота и серебра; а если кто из них осмеливался противиться ему, то он возбуждал против него вражду и ненависть турок, которые не только угрожали затем его жизни, но и опустошали его виноградники и поля, наносили ущерб его стадам.

Однажды, пока они совещались, весь город, от мала до велика, схватился за оружие; вооружившись и облачившись в кольчуги, явились горожане к Балдуину, [прося], чтобы он встал на их сторону и уверяя его в том, что они по общему совету решили поставить его сеньором и правителем вместо герцога. Балдуин, однако, решительно отклонил от себя такое преступное деяние — ведь он усыновлен герцогом, и до сих пор герцог не причинил ему ничего худого, и нет никакой причины, которая могла бы побудить его к содействию им к его погублению. Он сказал: «Было бы великим грехом перед богом, если бы

¹ Князь армянского города Гаргар.

я безо всякой причины поднял руку на этого человека, которого я считаю своим отцом и которому принес клятву на верность. Я вас прошу не марать меня пятном его смерти и крови и не предавать мое имя позору среди князей христианского войска. Я вас прошу также позволить мне переговорить с ним с глазу на глаз наверху, в башне, где он пребывает до сего дня, высоко вознесенный вашей милостью». Они тотчас разрешили [ему] это. И вот он поднялся в башню и обратился к герцогу с такими словами: «Все горожане и старейшины этого города составили заговор, дабы умертвить тебя; вооруженные с головы до ног, охваченные яростью, они спешают к этой башне. Я весьма скорблю и огорчаюсь этим. Не пренебрегай, однако, [возможностью] помешать им и сделать так, чтобы как-нибудь спастись, пусть даже ценою полного предоставления им всего твоего достояния».

Едва герцог услышал эти слова, как уже масса горожан окружила и осадила башню и ринулась на ее приступ, и на ее стены и врата обрушился град камней и стрел.

Гл. 23. Устрашившись за свою душу, герцог открыл Балдуину свои несравненные сокровища, [состоявшие] в пурпуре, золотых и серебряных сосудах, бесчисленных безантах, умоляя его взять [все это] и вступить за его жизнь перед горожанами, чтобы они позволили ему нагим и безо всего уйти из башни. Балдуин, выслушав эти отчаянные мольбы, был тронут ими до глубины души. Он обратился к вожакам народа с настоятельными увещаниями пощадить своего герцога, не убивать его, а взять и поделить между собой его бесчисленные сокровища, которые он сам (Балдуин) лицезрел. Однако совет и весь народ не желали слушать увещания Балдуина и [не придавали значения] словам об обещанных сокровищах. В один голос они кричали, что не дадут герцогу бежать целым и живым, какой бы обмен и какие бы дары [он ни предлагал]; и они попрекали его всеми несправедливостями и злом, которое испытали при этом герцоге, и, по его наущению, от турок.

Тогда герцог, отчаявшись спасти свою жизнь и увидев, что никакие мольбы и никакие даже столь драгоценные дары не могут ему быть полезны, отослал Балдуина из башни и спустился на веревке через окно [с намерением бежать]. В мгновение ока его пронзили тысячи стрел, и он был убит. [Горожане] бросили его [труп] по-

среди площади. Ему отрубили голову, воткнули ее со всяческими надругательствами на копье и пронесли по всем улицам города.

24. На следующий день они постановили выбрать Балдуина герцогом и князем города, хотя он очень сильно противился и отказывался. Они передали ему могучую башню со всеми взятыми там сокровищами герцога и принесли ему клятву как подданные и вассалы...

Alberti Aquensis. Op. cit.,
p. 325—355.

VI. ЗАХВАТ АНТИОХИИ КРЕСТОНОСЦАМИ (3—28 ИЮНЯ 1098 г.)

Из хроники Раймунда Ажильского «История франков, которые взяли Иерусалим»

Гл. VII. ...После того Танкред укрепил пекий монастырек за рекой¹; и за это граф² дал ему 100 марок серебра³, и прочие предводители, кто сколько сумел; и этим сильно ущемил противника⁴. Итак, стоит отметить, что чем нас было меньше числом, тем более могущественным делало нас божье милосердие.

Между тем⁵, начали приходиться частенько вестники, сообщавшие, что врагам идет подмога. Эта весть доходила к нам не только от армян и греков, но передавалась также и теми, кто жили в городе⁶. Так как турки утвердились в Антиохии за четырнадцать лет до этого⁷, то, под предлогом нужды в прислуге, отуречивали молодых армян и греков, давая им жен [турчанок]. Они же, едва только могли добыть себе волю бегством, переходили к нам с оружием и конями.

¹ Речь идет об укреплении, построенном крестоносцами еще в начале апреля 1098 г., против ворот св. Георгия, на развалинах монастыря и находившемся под командованием Танкреда.

² Граф Раймунд IV Тулузский (Сен-Жилль), чьим капелланом являлся сам хронист.

³ По некоторым другим известиям, эта сумма составляла 400 марок.

⁴ То есть действия Танкреда нанесли сильный урон врагу.

⁵ Описываемые события происходили в конце мая 1098 г.

⁶ То есть сирийцами.

⁷ Антиохия была завоевана сельджуками у Византии в 1084 г.

Поскольку молва та распространялась [все шире], многие трусливые из наших, [а равно] и армянские купцы стали убегать. В то же время доблестные рыцари, рассеянные по [окрестным] крепостям, стали собираться [воедино], принялись закупать, изготавливать и прилаживать оружие. Таким-то образом, когда чахлое малодушие вытекало из нашего войска, а одушевление, всегда готовое подвергнуться опасности вместе с собратьями и за собратьев [по вере], прибывало, некто из отуреченных, живший в городе, через Боэмунда сообщил нашим, что выдаст нам город.

Гл. IX. Тогда, посоветовавшись в совете, князья отправили Боэмунда, герцога Лотарингского¹ и графа Фландрского² удостовериться в этом деле. Когда в полночь³ они подошли к башне, посредник-вестник, посланный тем, кто хотел выдать город, крикнул: «Обождите, пока пройдет светильник». Ибо трое или четверо воинов всю ночь шагали со светильниками [в руках] по городским стенам, дабы оживлять и поддерживать бдительность стражи.

После того наши, приблизившись к стене и приставив лестницу, начали взбираться [наверх]. Первым неустрашимо ринулся [вперед] франк по имени Фульхерий, брат Буделля Шартрского; ему последовал граф Фландрский, который позвал Боэмунда и герцога, чтобы [и они] поднимались; поелику все действовали второпях, так что один спешил перегнать другого, лестница обломилась. И вот те, которые уже взобрались, спустились в город и отыскивали дверцу [в стене]. И наши вступили через нее в город и не брали в полон никого из тех, кого встречали [на пути]. Когда зардела заря, они подняли громкий крик. От этого крика пробудился и пришел в ужас весь город, дети и женщины принялись плакать.

И те, кто находились в укреплении графа⁴, разбуженные шумом, как самые близкие к городу, стали говорить друг другу: «Это идет подмога к неприятелям». Другие, напротив: «Однако, сдается, это не крики радующихся». Между тем, совсем рассвело и на южной башне взвились наши знамена. Пришедшие в смятение горожане, увидев нас над собою, на горе, пустились бежать, иные через

¹ Имеется в виду Готфрид Бульонский.

² Роберт Фландрский.

³ Со 2 на 3 июня 1098 г.

⁴ Укрепление у моста через Оронт, воздвигнутое Раймундом Сен-Жиллем.

ворота, а некоторые [прямо] бросались в ров; никто [из них] не оказывал противодействия, ибо господь поверг их в смятение.

Мы же затем много времени наслаждались приятным зрелищем, (видя, как) те, кто столь долго оборонял против нас Антиохию, никак не могли бежать из города; ибо если кто из них отваживался спастись бегством, [все равно] не могли избежать гибели. Между прочим, случилось там нечто, для нас весьма приятное и доставившее нам истинное удовольствие. Несколько турок пытались бежать через пропасть, отделявшую эту гору от находившейся с северной [стороны]. Они повстречались с нашими, принуждены были отступить: их опрокинули со стремительностью; они припустились бежать столь поспешно, что все попадали в пропасть. Нам же была радость оттого, что они туда сваливались; скорбели мы только из-за того, что более трехсот коней сломали там себе шею.

Сколько же [всего] было взято добычи в Антиохии, мы не в состоянии и сказать: вообразите, сколько сумеете и считайте сверх того. Не ведаем, и сколько пало тогда турок и сарацин. Жестоко рассказывать, как погибали они разными видами смерти и как различными способами умерщвлялись.

Те из врагов наших, кто обороняли крепость на горе, в центре, видя их гибель и то, что наши отказываются нападать на них, удержали за собой эту крепость¹. Грациан² же, выйдя через некую дверцу, был полонен и обезглавлен армянскими селянами, и голова его доставлена нам: я полагаю, это произошло по особому божескому предначертанию, ибо он поотрубал головы многим из этого народа, и вот теперь сам лишился головы.

Взят был город Антиохия третьего июня, а осада его начата около 11 дня ноябрьских календ³.

Raimundi de Aguiliers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. III. Paris, 1866, p. 250—251.

¹ Здесь говорится о судьбе крепости, находившейся в стенах Антиохии и оставшейся тогда под властью сельджукского гарнизона.

² Так называет хронист эмира Яги-Сиана Антиохийского.

³ 21 октября 1097 г.

Кн. VIII, гл. 20. И был некий эмир из рода турок, именем Фируз, который вошел в большую дружбу с Боэмундом. Часто Боэмунд через вестников, которыми они обменивались, внушал ему, возбуждая его [этим], чтобы он дружески впустил его в город, и обещал ему, что [тот] беспрепятственно перейдет в христианство, вселял надежды, что станет богатым, и сулил ему всяческие почести. Фируз внял этому и обещаниям и сообщил: «Я охраняю три башни и готов их передать [ему], и в час, когда пожелает, я введу его в них»¹.

Итак Боэмунд, зная уже наверняка, что доступ в город обеспечен, веселясь в душе, спокойно и с радостным ликом явился перед всеми сеньорами и возвестил им приятную весть: «Мудрейшие мужи и рыцари, взгляните, в какой бедности, в какой нищете все мы находимся, и начальники, и [простые] воины, и [как] едва ведаем, откуда впоследствии для нас что-либо лучшее; так вот, коли ежели [это] вам покажется достойным и благим [делом], пусть кто-нибудь один из нас примет на себя начальство над остальными и, если сумеет овладеть городом каким-либо способом, хитростью или приступом, сам либо с чужой помощью, давайте согласимся уступить ему город». Но они наотрез воспротивились и отклонили [это предложение] и заявили: «Да не достанется никому этот город, а будем владеть им все на равных долях; поскольку мы в равной мере вложили [в дело] свои ратные усилия, постольку должны получить и одинаковые почести». Услышав эти слова, Боэмунд удалился, посмеявшись втихомолку. Вскоре после того дошли до нас известия о войске врагов наших — турок, публиканов²,

¹ Из иных источников (хроника Гвиберта Ножанского и др.) известно, что впоследствии Фируз действительно крестился и даже принял при крещении имя «Боэмунд»; он участвовал в походе крестоносцев на Иерусалим (вплоть до взятия последнего), но потом перешел на сторону мусульман и отрекся от своей новой веры.

² Публиканами хронист называет павликиан. В VIII—IX вв. это были участники широкого антифеодального еретического движения в восточных областях Византии; после разгрома в 872 г. павликианского государства в Малой Азии и его столицы Тефрики уцелев-

азимитов¹ и многих иных народов²; и тогда тотчас все предводители собрались, и держали совет³, и говорили: «Если Боэмунд сумеет захватить город, сам или с чьей-либо подмогой, мы все по доброму согласию и с открытым сердцем подарим ему [город], на том, однако, условии, что когда на выручку нам подоспеет император⁴ и пожелает исполнить договор, как [то] обещал и [в чем] поклялся, мы передадим ему его права даже в том случае, если Боэмунд уже будет иметь город в своей власти».

Вслед за тем Боэмунд начал каждодневными обращениями вкрадчиво просить своего друга об исполнении желаемого, сладкоречиво, в таких словах суля ему всяческие уступки и всевозможные блага: «Уж время, настал подходящий миг, когда мы сможем содейть задуманное доброе дело; пусть только мой друг Фируз теперь окажет мне свою помощь». И тот, весьма обрадованный, сообщил, что во всем пособит ему, как и должен. И на следующую ночь он тайно отправил к Боэмунду сына своего заложником, чтобы тот был полностью уверен, что [наверняка] откроет ему вход в город, и, [кроме того], на словах передал ему следующее: «Пусть завтра⁵ поднимет всю рать франков и устроит [так], будто [она] отправ-

шие остатки павликиан, раздробившись на множество сект, преследуемые властями, нередко искали спасения на территории мусульманских владений. Как противников крестоносцев, павликиан упоминает в одном из своих писем на родину граф Стефан Блуаский (см. о нем на стр. 74).

¹ Термин неясен. В литературе высказывалось предположение, будто хронист, подчас употребляющий греческие слова, дабы выставить на вид свою «образованность», и здесь применяет термин греческого происхождения. В Византии «азимитами» именовали христиан неправославных толков, которые употребляли для причащения хлебцы, приготовленные из пресного (без дрожжей) теста, а не из квашеного, как это принято у православных (т. е. азимитами считались, например, католики, марониты, армяне). Один из комментаторов полагает как раз, что хронист имеет тут в виду последних.

² Речь идет об огромном и пестром по национальному составу войске мосульского эмира Кербоги, которое султан выслал на помощь осажденной крестоносцами Антиохии. В мае 1098 г. эта армия уже приближалась к своей цели. Лишь за несколько дней до ее прибытия крестоносцам стало известно об этой новой для них опасности.

³ Приблизительно 29 мая 1098 г.

⁴ Алексей I Комнин.

⁵ В ночь со 2 на 3 июня.

ляется опустошить землю сарацин¹, а затем пусть быстро поворачивает назад, перевалив через гору справа»². «А я, — передавал Фируз, — уж буду внимательно следить за [прибытием] рати и впущу ее через башни, что находятся под моим начальством и стражей».

Тогда Боэмунд распорядился, чтобы к нему явился один из его пехотинцев по прозвищу Дурная башка и приказал ему, чтобы он, как герой, поднял великую рать франков, дабы она приготовилась надлежащим образом к походу на самую землю сарацинскую; так и было содеяно. И [тогда] Боэмунд раскрыл свое намерение герцогу Готфриду и графу Фландрскому, а также графу Сен-Жиллю и епископу Пюи, сказав [им]: «Ежели милосердие господне пребудет с нами, Антиохия этою [же] ночью перейдет к нам».

Наконец, все налажено было таким порядком: рыцари заняли равнину, пешие — гору; всю ночь до самой зари³ они передвигались пешими и верхом, а затем стали приближаться к [тем] башням, чей страж неусыпно бодрствовал. Тут Боэмунд соскочил с коня и во всеуслышание приказал: «Идите без страха и в счастливом согласии и взбирайтесь по лестнице в Антиохию, которую, коли богу будет угодно, мы [сами] скоро примем под свою охрану». И они подошли к лестнице, которая уже была поставлена и прочно-напрочно прикреплена к городской стене, и около 60 человек из наших поднялись по ней и разделились по башням, которые тот охранял. Увидав, что наших взобралось так мало, Фируз стал высказывать неудовольствие, боясь, как бы сам он и наши не попались в руки турок: «Микро франкос эхоме»⁴. [«Мало у нас франков»], — воскликнул он. — Где этот яростный Боэмунд? Где этот непобедимый воин?» В тот же миг некий пехотинец-лангобард⁵ спустился вниз и поспешил к Боэмунду: «Что ты стоишь здесь, о, мудрый муж? — сказал он

¹ Имеется в виду территория на юго-восток от Антиохии.

² «Гора справа» (по отношению к лагерю крестоносцев), т. е. к западу от города: именно там находились башни, над которыми начальствовал Фируз.

³ В этих местах солнце всходит в 4 ч. 30 мин. утра; таким образом крестоносцы начали подниматься на стены около четырех часов в ночь на 3 июня.

⁴ Искаженные греческие слова (в рукописи хроники начертаны по-гречески). См. прим. 1 к стр. 994.

⁵ Лангобардами автор хроники именуется своих земляков, т. е. южноитальянских норманнов.

[ему]. — Для чего явился сюда? Мы овладели уже тремя башнями!» Побужденный этими словами, он [Боэмунд] присоединился к остальным, и все, торжествуя, достигли лестницы.

Завидев [их], те, кто уже были в башнях, стали радостными голосами испускать клич: «Бог так хочет!» Мы [сами] также восклицали [эти слова]. Тогда начали они дивно взбираться туда; поднявшись наверх, поспешали к другим башням; кого обнаруживали там, предавали смерти, убили также Фирузова брата. Тем временем лестница, по которой происходил наш подъем, сломалась, отчего у наших возникла страшная тревога и печаль. Но хотя лестница была сломана, однако, поблизости от нас, с левой стороны, находились запертые воротца, которые кое-кому оставались незаметными: ведь была еще ночь; действуя на ощупь, мы в конце концов отыскивали эти ворота, и все устремились к ним: взломав их, мы ворвались через них [в город] ¹.

И тогда по всему городу раздался дивный гул. Боэмунд не терял времени, он приказал водрузить свое достославное знамя на возвышенности, прямо напротив крепости ²; и все в городе тоже поднимали шум. Когда занялся день, те, кто еще оставались до того в [своих] палатках, услышали [эти] все более нараставшие звуки, и, торопясь, повыскакивали [из палаток] и увидели знамя Боэмунда, развевавшееся на вершине горы, и, поспешая, двинулись все и вошли через ворота в город и принялись истреблять турок и сарацин, которые попадались им навстречу, за исключением тех, которые сумели укрыться наверху, в крепости; а иные из турок выбирались через ворота, и, пускаясь в бегство, ускользали невредимыми.

Кассиан ³ же, их сеньор, тоже кинулся наутек со многими остальными, кто был при нем, и, удирая, попал в землю Танкреда ⁴, недалеко от города. И так как кони

¹ Здесь, как и несколькими строками выше, хронист ведет рассказ от первого лица; очевидно, он сам участвовал в описываемых событиях.

² Речь идет об антиохийской крепости, расположенной у наиболее возвышенной части городских стен, на склонах горы Сильпиус (Кассий). Этой цитаделью крестоносцы так и не сумели тогда овладеть.

³ Кассианом хронист называет сельджукского эмира, правившего в Антиохии, — Яги-Сиана.

⁴ «Земля Танкреда» — район к западу от антиохийских стен, контролировавшийся с начала апреля 1098 г. рыцарем Танкредом,

их устали, они подались в некую деревушку и укрылись было в одном доме. Но Кассиана узнали жители этой горы, то есть сирийцы и армяне, и тотчас схватили его и отрубили ему голову и принесли Боэмунду, чтобы тем самым заслужить себе свободу. А пояс [от его меча] и ножны были проданы за 60 безантов¹.

Все это совершилось по наступлении третьего дня июня месяца... И все площади города были забиты телами мертвецов, так что никто не мог находиться там из-за сильного зловония; никто не мог пройти по улицам иначе, как по трупам.

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. — Histoire anonyme de la première croisade. Ed. L. Bréhier. Paris, 1924, p. 100—110.

**Письмо предводителей
крестоносного рыцарства папе Урбану II
от 11 сентября 1098 г.²**

Достопочтенному господину папе Урбану Боэмунд и Раймунд, граф Сен-Жилля, Готфрид, герцог Лотарингии, и Роберт, граф Нормандский, Роберт Фландрский, граф, и граф Евстафий Булонский [посылают] привет и [обещают] верную службу и, как сыновья своему духовному отцу, [изъявляют] истинное во Христе повинование³. Все мы хотим и желаем поведать вам, сколь великой милостью господней и явственной его поддержкой нами [бы-

двоюродным братом и ближайшим споспешником Боэмунда Тарентского. Танкред начальствовал здесь над укреплением, сооруженным крестоносцами близ монастыря св. Георгия (обитель была расположена на западном склоне горы Сильпиус), на левом берегу Оронта.

¹ «Безант» — греческая золотая монета (от слова «Византия») номисма (4,5 г.). В других местах хроники автор приводит стоимость «безанта» в западных денежных единицах — денариях (15 денариев за одну номисму).

² Манускрипты этого послания сохранились в двояком виде: отдельно (Флорентийская, Парижская и Ватиканская рукописи XI—XII вв.) и в качестве вставки в хронику Фульхерия Шартрского, сделанной, однако, рукой другого лица. Заключительная приписка в некоторых рукописях отсутствует. См. стр. 102, прим. 7.

³ В перечне авторов послания не значится граф Гуго Вермандуа. Он в это время находился на пути в Константинополь, куда его направили князья из Антиохии, и потому в составлении этого документа не принимал участия.

ла] взята Антиохия, а турки, которые нанесли много поношений господу нашему Иисусу Христу¹, были захвачены и убиты, [так что] мы, иерусалимцы Иисуса Христа, отомстили за несправедливость, причиненную богу; [как] мы, которые прежде осаждали турок, были затем [сами] осаждены турками, явившимися из Хорасана², Иерусалима³, Дамаска⁴ и многих земель, и каким образом милостью Иисуса Христа были освобождены.

После того как взята была Никея и мы разбили огромную массу турок, которых повстречали, как ты [уже] слышал, в июльские календы в Дорилейской долине⁵, [и после того как] преследовали великого Солимана и всех его [людей], и опустошили [его] земли и награбили богатства, приобретя и замирив всю Романию, мы приступили к осаде Антиохии. В то время, пока она осаждалась нами, мы претерпели много бедствий от схваток, [происходивших] близ города с турками и язычниками⁶, которые нередко и в большом числе нападали на нас, так что едва ли не можем сказать, что скорее сами были осаждены теми, которых держали запертыми в Антиохии⁷. В конце концов, одолев их во всех этих сражениях и таким образом обеспечив торжество вере христианской, я, Боэмунд, сговорился с одним турком⁸, который предал мне этот город; за день до того я вместе со многими воинами христовыми приставил несколько лестниц к стене и так-то 3 июня мы взяли город, сопротивлявшийся Христу. Самого Кассиана, правителя этого города, мы умерт-

¹ То есть тем, что наносили поражения франкам.

² Хорасан — персидская территория, центр сельджукских владений; отсюда прибыла к Антиохии главная часть воинства эмира Кербози.

³ Имеются в виду отряды тогдашнего владыки Иерусалима — сельджукского эмира Му'ина ад Даулы Сукмана ибн Артука, находившиеся в составе армии Кербози.

⁴ Речь идет об отрядах дамаского эмира Дукака.

⁵ Битва с сельджуками в Дорилейской долине произошла 1 июля 1097 г. Она принесла победу крестоносцам.

⁶ «Турки и язычники» — выражение, часто встречающееся в источниках: под «язычниками» имеются в виду другие противники крестоносцев, т. е. арабы, «сарацины», персы, павликиане и т. д. См. стр. 93, прим. 2.

⁷ Почти в таких же словах характеризует положение крестоносцев в период осады Антиохии провансальский хронист Раймунд Ажильский.

⁸ Речь идет о Фирузе, начальнике крепостной башни в Антиохии.

вили со многими его воинами¹, а жен, сыновей и домо-
чадцев вместе с золотом, серебром и всем их добром
оставили у себя². Мы не сумели взять, однако, антиохий-
скую цитадель, хорошо укрепленную турками; когда же
хотели на следующий день³ овладеть ею, то узрели за
стенами города бесконечное множество турок, рассеяв-
шееся по полям. Как мы и ожидали уже в течение многих
дней⁴, они пришли сражаться с нами. Они осадили нас
на третий день, а в упомянутую крепость вступило свыше
сотни турецких воинов; турки хотели обрушиться на нас
вместе с теми, кто занял ее раньше, через ворота, что
находились ниже крепости и вели к ней⁵. Но мы, утвер-
дившись на другой горе, напротив крепости, держали под
неусыпным надзором дорогу, которая спускалась в город,
разделяя оба войска; мы бились как за городом, так и в
самом городе, днем и ночью, дабы они, войдя, не напали
бы на нас в еще большем числе, а тех, кто пытался про-
рваться, мы теснили к лагерю⁶.

И вот, когда они увидели, что ничем не могут повре-
дить нам с этой стороны, то окружили нас отовсюду так
[плотно], что и никто из нас не мог выйти и к нам не мог
проникнуть. По этой причине все мы были настолько
удручены и пали духом, что многие, умирая от голода и
погибая от всяких иных напастей, убивали своих ото-
щавших коней и ослов и поедали [их мясо].

¹ Кассианом латинские источники называют Яги-Сиана, эмира Антиохии. В письме приведены неверные сведения о его гибели. Из других источников известно, что Яги-Сиан был убит вовсе не крестоносцами, а сирийцами или армянами, когда пытался бежать из Антиохии, захваченной крестоносцами. Голову убитого эмира они доставили Боэмунду Тарентскому, чтобы выговорить себе различные льготы.

² Ни в одном другом источнике нет ни малейшего намека на то, что этим лицам в действительности была сохранена жизнь.

³ То есть на следующий день после захвата Антиохии, следовательно, 4 июня. Это известие также единственное, встречающееся в источниках.

⁴ Слухи о приближении большого турецкого войска докатились до крестоносцев еще тогда, когда они осаждали Антиохию, — во второй половине мая 1098 г. Армия Кербоги, о которой здесь говорится, подступила к городу 5 или 6 июня.

⁵ Цитадель находилась в южной части Антиохии, где имелись ворота, ведущие в крепость.

⁶ Через ворота в цитадели засевшие в ней имели возможность проникать в город, так что крестоносцы вынуждены были, чтобы избежать опасности соединения гарнизона крепости с армией Кербоги, блокировавшей Антиохию извне, оттеснить их назад, в крепость.

Тем временем на подмогу нам явилась высочайшая милость всемогущего бога, пекущегося о нас: в храме блаженного Петра, князя апостолов, мы нашли копьё господне, которое, будучи брошено рукой Лонгина, пронзило бок нашего Спасителя¹; [это копьё мы нашли] в месте, трижды вощищенном некоему рабу святым апостолом Андреем, который открыл ему также и место, где оно находилось². И мы были так ободрены и укрепились благодаря находке святого копья и многими другими божественными откровениями, что те, кто до того охвачены были страхом и поникли было [духом], теперь, охваченные готовностью отважно биться, один побуждал другого.

Так-то мы находились в осаде три недели и четыре дня³, а накануне дня Петра и Павла⁴, вверившись богу и исповедавшись во всех наших тревогах, молясь, вышли мы из ворот города со всем нашим воинским снаряжением; нас было настолько мало⁵, что мы полагали са-

¹ По евангельскому рассказу (Иоанн, гл. XIX, ст. 34), во время распятия Иисуса Христа некий римский воин ударил копьем в бок Иисуса, уже висевшего на кресте. Позднейшая традиция гласит, что воином этим был некто Лонгин, вокруг имени которого в средние века сложились всевозможные религиозные легенды (об его чудесном исцелении от глазной болезни в результате случайного прикосновения к глазам ладонью с каплей крови распятого Христа, обращении в христианство и пр.) и которого церковные историки превратили в христианского мученика, якобы павшего жертвою гонений в Кесарии. Как было доказано еще в XVIII в. французским ученым А. Этьеном, имя «Лонгин» возникло на основе греческого слова «лонге» — копьё. Первые оно появляется лишь в памяти к VI в. — в апокрифическом, т. е. официально отвергнутом церковью, так называемом Евангелии Никодима. Копьё, будто бы ранившее Иисуса, стало одной из наиболее почитаемых реликвий, — о нем-то и идет здесь речь.

² Подробнейшим образом историю находки этой реликвии в церкви св. Петра 14 июня 1098 г. передает Раймунд Ажильский, более скупое — ряд других латинских хронистов, очевидцев Первого крестового похода. Интересно, что в передаче итало-норманнского Анонима апостол Андрей «являлся» бедному провансальскому крестьянину, извещая его о местонахождении копья, дважды, тогда как Раймунд Ажильский сообщает, будто видение было пятикратным. Видимо, среди крестоносцев ходили разные версии этой церковной легенды, сфабрикованной духовенством.

³ С 4 по 28 июня 1098 г.

⁴ 28 июня.

⁵ Это известие подтверждается данными хронистов: так, по сообщению Раймунда Ажильского, у графа Тулузского оставалось 200 рыцарей, державших под надзором цитадель Антиохии; по Аль-

ми, что нам придется не сражаться против них, а бежать от них. Тогда мы приготовились к бою и расположили отряды как пеших, так и конных с тем, чтобы главные силы пребывали с копьём господним; в первом же столкновении [мы] принудили неприятеля к бегству¹. Но враги, по своему обыкновению, стали рассредоточиваться во все концы: они заняли холмы и дороги и, откуда только могли, старались окружать нас, рассчитывая таким образом всех нас истребить.

Однако на выручку нам, знавшим по опыту многих боев их ловушки и [коварные] приемы, явилось божественное милосердие, и те, кто в сравнении с ними был в ничтожнейшем числе, поддерживаемые десницей господней, заставили их пуститься в бегство, бросив свой лагерь со всем, что в нем находилось. Одержав победу, мы целый день преследовали неприятелей, многих вражеских воинов поубивали, [а затем] радостные и торжествующие двинулись к городу. Крепость, о которой было упомянуто, эмир², сидевший в ней с тысячью воинов, сдал Боэмунду, сдавшись и сам; при содействии Боэмунда он обратился в христианскую веру, и таким-то образом господь наш Иисус Христос подчинил римской религии и вере весь город Антиохию. Но, как это обычно случается, всегда в радостные события вторгается что-то печальное³: 1 августа, когда уже военные действия прекратились, умер епископ Пюиский, которого ты направил к нам своим викарием и который в ходе всей войны пользовался великим почетом.

Ныне мы, сыновья твои, лишены посланного нам родителя, обращаемся к тебе, духовному отцу нашему. Ты, который возгласил этот поход и словом своим побудил всех нас покинуть наши земли и оставить то, что в них было, ты, кто предписал нам последовать Христу, неся его крест, и внушил нам [мысль] возвеличить христианское имя! Заверши то, к чему [сам] призвал нас, прибуди к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою. Ведь здесь [в Антиохии] получило начало самое имя «христианин». Ибо после того, как блаженный Петр был

берту Аахенскому, под командованием Готфрида Бульонского было к тому времени лишь 2000 рыцарей.

¹ Схватка произошла на равнине, что на правом берегу реки Оронт.

² Ахмед ибн Меруан.

³ Эта фраза — прозаический пересказ стиха Овидия.

возведен на кафедру, которую мы каждодневно зрим¹, те кто прежде именовался галилеянами², с этого времени вообще стали прозываться христианами. Не кажется ли, что нет ничего справедливее на земле, чтобы ты, являющийся отцом и главой христианской религии, пришел в главный город и столицу христианского имени и завершил бы войну, которая есть твоя собственная [война], от своего имени? Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами³. Итак, снова и снова взываем⁴ к тебе, дражайшему отцу нашему: приди как отец и глава в свое отечество, воссядь на кафедре блаженного Петра, чьим викарием⁵ ты состоишь; и да будешь иметь нас, сыновей своих, в полном повиновении... Искореняй же своей властью и нашей силой уничтожай всяческие ереси, каковы бы они ни были.

И так, вместе с нами завершишь ты поход по стезе Иисуса Христа, начатый нами и тобою предуказанный, и отворишь нам врата обоих Иерусалимов⁶ и сделаешь гроб господень свободным, а имя христианское поставишь превыше всякого другого.

Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам бог, который живет и царствует во веки веков. Аминь!⁷

¹ В средние века распространено было представление, будто апостол Петр был первым епископом в Антиохии. В храме, названном его именем, стояла кафедра, якобы принадлежавшая этому апостолу, и, по всей видимости, князья крестоносцев, собиравшиеся здесь на свои совещания, ежедневно созерцали эту «кафедру Петра».

² Ученики Иисуса Христа, согласно богословской традиции, именовались галилеянами (Галилея — область севернее Иерусалима).

³ Здесь перечисляются приверженцы различных, существовавших в те времена толков (направлений) в христианстве: греки были православными; армяне — монофиситами; сирийцы — маронитами, иначе монофелитами, а частью — яковитами (разновидность монофиситского учения).

⁴ Слова, по-видимому, указывающие на то, что уже до этого письма Урбану II направлялись какие-то сообщения о предшествующих событиях крестового похода.

⁵ Викарий — заместитель.

⁶ Имеются в виду земной и небесный Иерусалим, т. е. рай на земле и на небе.

⁷ Начиная с нового абзаца следует текст приписки, вероятнее всего, сделанной рукой Боэмунда.

Мне сообщено нечто [такое], что идет сильно против бога и всех христоролюбцев, именно [то], что принявшие святой крест¹ получают от тебя дозволение оставаться среди христоролюбцев². Я этому весьма удивляюсь, ибо коль скоро ты — зачинщик священного похода, то откладывающие отправление в путь не должны были бы получать у тебя сочувствия и какого-либо расположения до тех пор, пока не выполнят обета идти в поход. И [надобно], чтобы ты не расстраивал нас и не портил то доброе, что затеял, но [напротив] чтобы своим прибытием и [привлечением] всех благих мужей, каких можешь привести с собой, ты поддержал нас. Приличествует, чтобы мы, с божьей помощью и с помощью твоих святых молитв приобрели всю Романию, Киликию, Азию³, Сирию, имели бы в твоём лице помощника и поддержку — второго после бога. Ты же должен ограждать нас, своих сыновей, во всем тебе повинующихся, от несправедного императора, который понаобещал нам много всякого, но сделал-то очень мало. Зато все беды и помехи, которые мог нам причинить, — он причинил.

Сия грамота писана 11 дня входящего сентября.

H. Hagenmeyer. Die Kreuzzugsbriefe..., S. 161—165.

Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси

Год 491⁴. В конце месяца джумады первой⁵ этого года пришло известие о том, что несколько человек из

¹ «Принять крест» — выражение, равнозначное «стать крестоносцем», т. е. принять обет (обязательство) идти в крестовый поход.

² Намек на какие-то неблагоприятные действия папы, разрешавшего кое-кому отказываться от исполнения принятых на себя обязательств.

³ Так названа здесь Армения.

⁴ 491 год мусульманского летосчисления (хиджры) соответствует 1097/98 году нашего летосчисления. Буквальное значение слова «хиджра» — бегство: так называется переселение, или переезд, основателя ислама Мухаммеда из города Мекки в Медину, датированное обычно 622 годом. Этот год и считается первым годом хиджры. Месяцы мусульманского календаря — лунные, т. е. состоят из 28 дней; для пересчета лет по хиджре на годы нашего летосчисления существуют специальные таблицы.

⁵ Джумада первая — пятый месяц мусульманского календаря.

жителей Антиохии, оружейники, занимавшиеся изготовлением кольчуг, обозлившись на эмира Яги-Сияна за какие-то притеснения с его стороны и за то, что он отнял у них имущество и деньги, сговорились с франками о том, что они помогут им захватить город.

Улучив случай, они захватили одну из городских башен, примыкающих к горе, предали ее франкам и ввели их в город ночью через эту башню. А на заре они кликнули свой воинский клич, и Яги-Сиян бежал, покинув город вместе с великим множеством людей, из которых ни один не уцелел. А когда он был недалеко от Арманазы — селения близ Мааррат Мисрейн¹, он упал с коня на землю. Один из его людей поднял его и вновь посадил на коня, но он не мог удержаться в седле, упал еще раз и умер, да помилует его Аллах.

Что же касается Антиохии, то там было перебито, захвачено и уведено в плен несчетное множество мужчин, женщин и детей. В крепость убежало около трех тысяч. Они укрепились там, и уцелел из них тот, кому от Аллаха суждено было уцелеть.

В месяце шаабане², этого года пришли вести о том, что ал-Афдал, амир ал-джуйуш³, с большим войском отправляется из Египта в сторону Сирии. Он остановился у Иерусалима, где были эмиры Сакман и Иль Гази, сыновья Артыка⁴, а также их родичи и приближенные и множество тюрок.

Он написал им, требуя сдать ему Иерусалим без боя и кровопролития, но они не согласились на это. Тогда он пошел войной на город, установил против него манджаники⁵, которые пробили брешь в городской стене, и захватил город.

¹ Мааррат Мисрейн — небольшой город в Сирии.

² Шаабан — восьмой месяц мусульманского календаря.

³ Амир ал-джуйуш — эмир войск — титул главнокомандующего сухопутными силами в Египте (X—XI вв.). Амир ал-бахр — главнокомандующий морскими силами (отсюда — слово «адмирал»).

⁴ Артык (Артук) — основатель династии Артукидов. Сакман (Сукман) и Иль Гази (Ильгази) — правители, принадлежавшие к династии Артукидов.

⁵ Манджаник — камнеметательная машина (от лат. «манганум»).

Он захватил у Сакмана михраб Дауда¹, а когда очу-
лся там, обошелся с братьями хорошо и, проявив мяг-
кость и великодушие, отпустил их и их людей, и они
прибыли в Дамаск в первую треть месяца шавваля², а
Афдал со своим войском вернулся в Египет.

В этом же году все франки направились в Мааррат
ан-Нуман³ и осадили город 29 зу-л-хиджа⁴. Они начали
войну и установили против города осадную башню и лест-
ницы.

И после того как франки захватили город Антиохию
по плану одного из оружейников, армянина по имени
Найруз, ночью, в пятницу в начале месяца раджаба⁵,
стали одна за другой приходить вести о том, что это вер-
но. Тогда собрались сирийские войска в неисчислимом
множестве и направились в область Антиохии для сра-
жения с войсками франков. Мусульмане осадили их, так
что у франков кончилась еда, и они поедали мертвецов.
И тогда франки, крайне ослабевшие, пошли в наступле-
ние на войска ислама, которые были очень сильны и
многочисленны, и разбили мусульман, рассеяв их ряды.
Передовые конные отряды обратились в бегство, и было
предано мечу множество ополченцев, добровольцев, всту-
пивших в ряды борцов за веру, горевших желанием за-
щитить мусульман. И это было во вторник, шестого рад-
жаба этого года.

Ibn al-Qualanisi. The History
of Damascus. Ed. by H. F. Ame-
droz. Leiden, 1908, p. 135—136.

Из «Полного свода всеобщей истории» Ибн ал-Асира

Рассказ о взятии франками города Антиохии

...Решив идти на Сирию, франки направились в Кон-
стантинополь, чтобы перейти пролив, ведущий в земли
мусульман, и идти по суше, что будет легче для них.

¹ Михраб Дауда — одно из «святых мест» в Иерусалиме, где,
по преданию, молился иудейский царь Давид.

² Шавваль — десятый месяц лунного календаря.

³ Мааррат ан-Нуман — город в Сирии.

⁴ Зу-л-хиджа (зу-л-хиджжа) — двенадцатый месяц мусульман-
ского календаря.

⁵ Раджаб — седьмой месяц мусульманского календаря.

Когда они дошли до Константинополя, царь римцев¹ не позволил им пройти через его страну и сказал: «Я не дам вам пройти к странам мусульман, пока вы не поклянетесь, что передадите мне Антиохию». А целью его было побудить их к походу в земли ислама, так как он полагал, что турки не оставят ни одного из них в живых, ибо видел, как жестоки и сильны турки и сколько стран они захватили. Франки согласились на это. Они переправились через залив у Константинополя в 90 году² и прибыли в земли Кылыч Арслана, сына Сулеймана, сына Кутлумыша, то есть, в область Коньи³ и сопредельные области. Когда они прибыли туда, Кылыч Арслан встретился с ними во главе своих войск и преградил им путь. Они сразились с ним и обратили его в бегство в месяце раджабе 90 года и пошли дальше. Они дошли до земель Ибн ал-Армани⁴ и, миновав их, вышли к Антиохии и осадили ее. Когда правитель Антиохии Яги-Сиян услышал о походе франков, он стал опасаться христиан, которые жили в Антиохии. Он приказал мусульманам — жителям города выйти за стены и копать ров. На следующее утро он приказал христианам выйти копать ров так чтобы среди них не было ни одного мусульманина. Они работали до вечера, а когда захотели вернуться в город он не пустил их, сказав: «Антиохия ваша, но вы подарите ее мне, пока мы не увидим, что будет с нами и с франками». Они спросили его: «Кто же будет охранять наших детей и наших жен?» Эмир ответил: «Я сам заменю вас в этом». И они отступились, а некоторые перешли в лагерь франков. Франки осаждали город девять месяцев, и люди увидели со стороны Яги-Сияна такую доблесть, дальновидность, решительность и осторожность, какой не видели доселе ни от кого. Большинство франков погибло своей смертью, а если бы их оставалось так же много, как было, когда они выступили в поход, то они заполнили бы все земли ислама. Яги-Сиян защищал семьи христиан Антиохии, которых выслал из города, и сдерживал все алчные души, покушавшиеся на них. Когда пребывание франков в Антиохии затянулось, они стали отправлять тайные послания к одному из хранителей башен.

¹ Византийский император.

² В 490 г. (1096 г. по христианскому календарю).

³ Так передается название Иконий.

⁴ То есть до армянских областей.

Это был оружейник по имени Рузбих. Они дали ему много денег и обещали одарить и наделить владениями. Он надзирал над башней, которая примыкала к долине и была построена над решеткой, закрывавшей вход в башню. И когда дело между франками и этим проклятым было решено, они подошли к решетке, открыли ее и вошли через нее. Их вошло множество с веревками и канатами. И когда их стало более пятисот, они затрубили в трубы. А дело было на заре, и люди устали, так как всю ночь не спали, стоя на страже.

Яги-Сиян проснулся и спросил, что случилось, и ему сказали, что звук трубы слышен из крепости и она, без сомнения, захвачена. А на самом деле звук доносился не из крепости, а с той башни. Яги-Сиян исполнился страхом. Приказав открыть городские ворота, он обратился в бегство с 30 своими гулямами, не зная, куда направляется, а его помощник в это время охранял город. Потом он спросил о Яги-Сияне, и ему сказали, что тот бежал. Тогда и этот ускакал через другие ворота. Это было к выгоде франков, — если бы он продержался хотя бы еще час, они бы пропали.

Затем франки вошли в город через ворота, стали грабить и убивать мусульман. И это было в месяце джумады первой¹.

Что же касается Яги-Сияна, то, когда настал день, к нему вернулся разум, а до этого он был как помешанный. Оглядевшись, он увидел, что проскакал уже несколько фарсахов², и спросил тех, кто был с ним: «Где я?» Ему ответили: «За четыре фарсаха от Антиохии». И он стал раскаиваться, думая, как же он убежал и не сразился, чтобы отбить врагов от города или пасть. Он стал горевать и сожалеть, что оставил свою семью и детей и всех мусульман, и от нестерпимого горя упал с коня, потеряв сознание. Его люди хотели снова посадить его в седло, но у него не было сил, и он был близок к гибели. Тогда они оставили его и поскакали дальше. Мимо него проходил армянин-дровосек. Увидев, что Яги-Сиян при последнем издыхании, он убил его, взял его голову и отнес ее франкам в Антиохию. А франки еще раньше написали правителям Халеба и Дамаска: «Мы хотим только то, что

¹ См. на стр. 103, прим. 1.

² Фарсах — мера длины, около двух километров.

принадлежало румийцам, и ничего более». Это было коварством и хитростью с их стороны, чтобы те не пришли на помощь правителю Антиохии.

Ибн а л-А с и р. Указ. соч.,
стр. 186.

Из «Хронографии» Матфея Эдесского

...Огромное войско франков через страну Вифинию вступило в пределы Каппадокии и достигло труднопроходимых мест горы Тавр. Эта огромная армия прошла через узкие теснины в Киликию и через Троваду, то есть Аназарву, достигла города Антиохии. Здесь она расположилась лагерем около [города] и, заполнив его обширную равнину, заставила военачальника персов Агсиана со своими войсками запереться в городе; в течение десяти месяцев, ведя жестокую войну, она держала город в осаде. Узнав об этом, находившийся вокруг народ персов с великим рвением двинулся войной против войск франков, но они обратили всех своих врагов в позорное бегство. В эти дни состоялся сбор иноплеменников: в Дамаске, на всем побережье Африки, в Иерусалиме, среди всех соседей Египта, в Халебе и Хомсе, вплоть до великой реки Евфрат. В несметном, бесчисленном множестве двинулись они против франков, которые, узнав о приходе иноплеменников, привели в готовность свои войска и выступили против них. [Их] возглавляли Боэмунд, муж храбрый и доблестный, и Сен-Жилль. С десятью тысячами, как львы, напали они в пределах Антиохии на десять мириадов [иноплеменников], одержали большую победу, учинили огромное побоище войскам персов и обратили их в бегство.

Эмир Сукман, сын Артуха, храбрый и воинственный муж, а также владетель Дамаска, [оба] великие и знаменитые эмиры, произвели в Мосуле и во всей стране вавилонян сбор тюркских войск, около трех мириадов человек, и двинулись против армии франков. Тогда великий герцог Готфрид с семью тысячами выступил против иноплеменников в пределах Халеба и дал страшный бой. Эмир Дамаска, которого звали Токтекин, напал на Готфрида и, ударив храброго мужа, свалил его с лошади,

однако ему не удалось разорвать его железную одежду¹, и тот ушел невредимым. Тогда войска франков принялись преследовать иноплеменников и, обнажив мечи, обратили их в бегство. Войска франков с великой победой возвратились в свой лагерь. Однако их многочисленность вызвала опасность голода, они мучились от нехватки хлеба и продовольствия. Тогда обитавшие на горе Тавр князя — Константин, сын Рубена, второй князь — Пазун, третий князь — Ошин послали главнокомандующему франков все необходимое продовольствие. Так же поступили и монастыри Черной горы и все верующие народы, которые помогали им продовольствием и относились к ним дружески. Из-за нехватки продовольствия в стране франков распространилась голодная смерть, вспыхнула эпидемия, пятая часть их погибла, а остальные стали скитаться. Но божья милость не оставила их, она окружила их отеческой заботой и любовью...

...В том же году [к Эдессе] прибыл с многочисленным войском Кербога, аспасалар² Паркиаруха, султана персов. Он явился с огромным войском, имея намерение сражаться с войсками франков. Он пришел и расположился лагерем у ворот Эдессы. [С этим] многочисленным войском он остался до поры жатвы и после того, как сожрал все поля, начал войну против города; все многочисленное войско собралось вокруг [Кербоги]. Сорок дней спустя к Кербоге прибыл сын Агсиана, эмира Антиохии, и пав ниц перед Кербогой, молил его прийти к ним в помощь. Он рассказал ему об армии франков, что она немногочисленна, изнурена голодом.

И вот в том же году двинулся весь Хорасан — с востока до запада, от Египта до Вавилона, от Греции и восточной части земли, [двинулись] Дамаск и все побережье, от Иерусалима до пустыни, собралось восемьдесят мириадом человек, [из них]³ тридцать мириадом пехоты. Надменно двинувшись вперед, он наполнил поля и горы и, [проникнутый] страшным высокомерием, достигнув ворот Антиохии, выступил против войск франков. Но бог не пожелал погубить немногочисленные войска христиан, он спасал и оберегал их, как стан сынов Израилевых. В то время, когда войска иноплеменников на-

¹ То есть кольчугу.

² Главнокомандующий.

³ По тексту не вполне ясно — «из них» или «кроме них».

ходились еще далеко, некто из князей города ночью отправил к Боэмунду и к другим князьям франков человека и пригласил их на свою родину. Получив от них клятву, он тайно, ночью сдал Боэмунду город Антиохию. Он отворил покрытые оловом ворота стены, и все войско франков вступило в город Антиохию. А утром все войска единодушно трубили в рога. Все иноплеменники, услышав о случившемся, собрались в одно место и от страха не находили пути к спасению. Войска франков, обнажив мечи, устроили им страшное побоище. Эмир Агсиан бежал из города, но был убит крестьянами: они отрубили ему голову серпом. Вот так был взят город Антиохия, но взят он был из рук армян.

Матфей Эдесский. Указ.
соч., стр. 258—259, 263—264.

Из «Алексиады» Анны Комниной

Кн. XI., гл. 4. Что же было потом? Латиняне вместе с ромейским войском подошли к Антиохии¹ по так называемому «Быстрому потоку»², оставив без внимания окрестные области. Они выкопали ров у городских стен, сложили снаряжение и начали осаду города, продолжавшуюся три месяца³. Турки, напуганные нахлынувшим на них бедствием, обратились к султану Хорасана⁴ с просьбой прислать им большое войско, чтобы помочь антиохийцам и прогнать латинян, осаждающих город.

На одной из башен иекий армянин охранял часть стены, доставшуюся Боэмунду⁵. Он часто выглядывал из-за стены; Боэмунд умаслил его и, прельстив множеством обещаний, уговорил предать город. Армянин сказал: «Когда пожелаешь, дай мне знак, и я сразу же передам тебе эту башню. Будь же со своими людьми наготове и имей

¹ Крестоносцы подошли к Антиохии 21 октября 1097 г. Антиохия была отторгнута от Византии в 1084 г. сельджуками.

² То есть по долине реки Оронт.

³ Осада Антиохии продолжалась не три месяца, как утверждает Анна, а семь (конец октября 1097 г. — начало июня 1098 г.).

⁴ Кроме того, правитель Антиохии, сельджукский эмир Ягсиан обратился за помощью к дамасскому эмиру Дукаку и эмиру Рудвану из Халеба. Однако войска обоих эмиров были разбиты крестоносцами на подходах к Антиохии.

⁵ Боэмунд осаждал город с востока, его войска расположились в районе башни св. Павла.

при себе лестницы. Не только сам будь наготове, а пусть все войско вооружится, чтобы турки, видя, как вы с боевыми кликами взбираетесь на стены, испугались и обратились в бегство».

Этот план Боэмунд до поры до времени хранил в тайне. Пока он его обдумывал, явился вестник с сообщением, что уже приближается из Хорасана огромное множество агарян под командованием военачальника Кербоги. Боэмунд не хотел отдавать город Татикию¹ во исполнение клятвы императору, он сам домогался Антиохии, а узнав об агарянах, задумал дурную думу: волей или неволей принудить Татикию отступить от города. И вот Боэмунд пришел к нему и сказал: «Заботясь о твоей безопасности, я хочу открыть тебе тайну. До графов дошел слух, который смутил их души. Говорят, что войско из Хорасана султан послал против нас по просьбе императора. Графы поверили и покушаются на твою жизнь. Я исполнил свой долг и известил тебя об опасности. Теперь твое дело позаботиться о спасении своего войска». Татикий, видя, что начался сильный голод (бычья голова продавалась за три золотых статира)², отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские корабли, стоявшие в порту Суди³, и переправился на Кипр⁴...

На рассвете Боэмунд подошел к башне, и армянин, согласно уговору, открыл ворота. Боэмунд со своими воинами сразу же, быстрее, чем слово сказывается, взобрался наверх; стоя на башне на виду у осажденных и осаждающих, он приказал подать трубой сигнал к бою. Это было необычайное зрелище: охваченные страхом турки тотчас бросились бежать через противоположные ворота, и лишь немногие смельчаки остались защищать акрополь; кельты же, следуя по пятам Боэмунда, взбирались по лестницам и быстро захватили город Антиоха. Танкред сразу же во главе большого отряда кельтов стал преследовать бегущих; многие были убиты, многие ранены.

¹ Татикий — византийский военачальник, посланный Алексеем I Комнином с большим отрядом сопровождать крестоносцев, обеспечивая интересы империи.

² Крестоносцы стали испытывать голод уже на третий месяц осады Антиохии.

³ Суди (Сувайдия, гавань св. Симеона) находился в устье Оронта, на правом берегу реки.

⁴ Западные хронисты объясняют уход Татикии его трусостью.

Между тем Кербога с многотысячным войском прибыл на помощь Антиохии и, обнаружив, что она уже взята, разбил лагерь, выкопал ров и, сложив свое снаряжение, решил осаждать город¹. Но едва он приступил к делу, как на него напали вышедшие из города кельты и завязалась большая битва. Победу одержали турки; латиняне оказались запертыми за воротами, и им пришлось сражаться на два фронта: с защитниками акрополя (его удерживали варвары)² и с турками, расположившимися за стеной. Боэмунд, человек ловкий, желая присвоить себе власть в Антиохии, вновь обратился к графам и сказал под видом совета: «Не следует нам одновременно сражаться на два фронта — с теми, кто внутри и кто снаружи. Разделимся на две неравные части в соответствии с числом врагов и так будем вести бой с ними. Если вы согласны, я буду сражаться с защитниками акрополя, остальные схватятся в жестоком бою с врагами, наступающими извне».

Все согласилось с Боэмундом. Он сразу же приступил к делу и быстро соорудил напротив акрополя поперечную стену, отделившую его от всей Антиохии, — надежнейший оплот на случай, если бы война затянулась. Он сам стал неусыпным стражем этой стены и при малейшей возможности храбро вступал в бой. Другие графы тоже прилагали большие усилия, и каждый на своем участке неустанно охранял город, следил за предстенными укреплениями и зубцами, чтобы варвары не взобрались как-нибудь ночью по лестницам и не захватили Антиохию и чтобы кто-нибудь из жителей не поднялся тайком на стену и, договорившись с варварами, не предал город.

Гл. 5. Вот все об Антиохии. Самодержец в это время очень хотел прийти на помощь кельтам, но его вопреки желанию удерживали грабеж и полное разорение, которым подверглись приморские города и земли...

Анна Комнина. Указ. соч.,
стр. 300—302.

¹ Кербога осадил Антиохию 10 июня 1098 г.

² Антиохийский акрополь находился у северо-восточной части городской стены; его защищал сын эмира Антиохии, Шамс аль-Даула, но Кербога сместил его и заменил своим ставленником.

Кн. IX, гл. 29. Наконец, по соблюдении трехдневного поста, [во время которого] устраивались процессии из одной церкви в другую, все исповедались в своих грехах и, получив [их] прощение, причастились тела и крови христовой, была роздана милостыня, и отслужили торжественные обеды.

После этого в городе образовано было шесть боевых частей. Головным корпусом, состоявшим из французов, предводительствовали Гуго Великий и граф Фландрский; вторым — герцог Готфрид, [шедший] со своими рыцарями; в третьем находился Роберт Нормандский со своими воинами; в четвертом — епископ Пюи, несший копье Спасителя; под началом епископа был отряд его самого и ополчение графа Раймунда Сен-Жилля; последний остался наверху сторожить [городскую] цитадель¹, опасаясь, как бы турки не прорвались [оттуда] в [самый] город; в пятом отряде пребывал Танкред, сын маркиза, со своими людьми; в шестом — мудрый муж Боэмунд со своими рыцарями. Наши епископы, священники, клирики и монахи, облаченные в свои священные одеяния, [одни] вышли вместе с нами, неся кресты и молясь, чтобы господь сохранил нас [в целости], сберег и избавил от всяких напастей; другие же стояли на стенах над воротами, держа в руках святые кресты, осеняя [ими] нас и благословляя. Выстроенные таким образом и покровительствуемые знаменем креста, мы прошли через ворота, что [находятся] перед Мечетью².

Когда Кербога увидел боевые части франков, в столь стройном порядке выходявшие одна за другой, он распорядился: «Дайте им выйти, чтобы наверняка попасться в наши руки». Когда же [они] выступили из города, и Кербога узрел [перед собою] огромную франкскую рать, [то] до крайности перепугался. Немедля он повелел своему эмиру, чтобы едва только тот увидит огонь, зажжен-

¹ Взяв Антиохию 3 июня 1098 г., крестоносцы, однако, не сумели овладеть цитаделью в самом городе, где стойко оборонялся сельджукский гарнизон. Об опасности вражеских вылазок из цитадели и пишет хронист.

² Северо-западные ворота Антиохии, перед которыми находились две мечети и мусульманское кладбище.

ный перед неприятельским войском, пусть тотчас приказывает всему войску отступить, ибо [это означает], что турки проиграли сражение.

Вскоре Кербога начал мало-помалу отходить к горе¹, наши же стали преследовать их [турок]. Потом турки разделились надвое: одна часть двинулась к морю, другая осталась на месте, — [так] они рассчитывали стиснуть нас между собою. Заметив это, наши поступили таким же образом. Из корпусов герцога Готфрида и графа Нормандского² был создан еще один, седьмой; его поставили под начало Райнальда³. Этот корпус послали наперерез туркам, приближавшимся со стороны моря. Турки, однако, завязали с ним бой и, стреляя из луков, насмерть поразили многих из наших стрелами. А прочие [турецкие] отряды стояли строем между рекой⁴ и горой, вытянувшись на две мили.

Эти отряды стали с обеих сторон подступать к нашим и окружать [их]: [турки] бросали копья и пускали стрелы, рая [наших]. [В этот миг] показалось спускавшееся с горных склонов бесчисленное воинство на белых конях, и все знамена тоже были белые. Завидев эту рать, наши сперва вовсе не разобрались, что это было такое и кто были [эти воины], пока, наконец, не уразумели, что то была подмога Христа, которой предводительствовали святые Георгий, Меркурий и Димитрий. Сказанному надлежит верить, ибо многие из наших самолично видели [все это].

Между тем турки, которые находились в стороне моря, убедившись, что им больше не удержаться, подожгли траву, дабы те, кто оставался в [лагерных] палатках, увидели [огонь] и пустились в бегство. И они поняли этот знак и, прихватив [с собою] все ценное из добычи, побежали. А наши [тем временем] завязывали схватки там, где стояли главные силы [неприятеля], т. е. близ их палаток. Герцог Готфрид, и граф Фландрский, и Гуго Великий доскакали до самой реки, где располагались их наиболее многочисленные части⁵. Укрепленные крестным

¹ К северу от Антнохни.

² Хронист ошибочно именует графом герцога Роберта Нормандского.

³ Французский рыцарь из области Бовези, или Туля.

⁴ Река Оронт.

⁵ К западу от Антнохни.

знаменем, они единодушно кинулись в атаку против турок. Увидев это, и другие части [крестоносцев] поступили подобным же образом; персы и турки подняли вопль, а мы, воззвав к богу, живому и истинному, пустились против них вскачь и начали битву во имя Христа и святого гроба и с помощью божьей одолели их.

Дрожа от страха, турки пустились наутек, и наши преследовали их до палаток; однако воины Христовы предпочитали преследовать неприятеля, чем гнаться за какой-нибудь добычей — вот так-то те, подвергаясь атакам [наших], были преследуемы до Железного моста¹, а потом до укрепления Танкреда². И побросали турки свои шатры, и золото, и серебро, и множество драгоценностей, а также овец и коров, коней и мулов, верблюдов и ослов, хлеб и вино, муку и много другого, в чем мы нуждались. Армяне и сирийцы, жившие в тех краях, прослышав, что мы взяли верх над турками, устремились им наперерез в гору, и кого удавалось [им] схватить, умерщвляли.

А мы, возвратившись в город с превеликою радостью, славили и благословляли бога, который доставил победу своему народу. Турецкий эмир, охранявший цитадель, увидев, что Кербога и все остальные [его воины] оставляют лагерь и пускаются бежать под натиском франков, сильно устранился: тотчас с большой поспешностью он обратился [с просьбой], чтобы ему выслали знамена франков³. И граф Сен-Жилль, стоявший перед цитаделью, велел отнести ему свое знамя; тот принял его и с покорностью водрузил на башне. Но тут лаггобарды⁴, стоявшие поблизости, стали роптать, говоря: «Это не знамя Боэмунда». И он [эмир] спросил и сказал: «Чье же оно?» «Графа Сен-Жилля», — ответили [ему] они. Тогда он подошел и, сняв знамя, вернул графу. В этот момент

¹ Мост через Оронт на пути из Халеба к Антиохии. Перевод выражения «pons Ferrugis» — «Железный мост», возможно, не точен. Альберт Аахенский объясняет такое наименование тем, что при въезде на мост стояли две железные башни, ни для кого неприступные. Гийом Тирский приводит другое, более правдоподобное разъяснение: франки называли Оронт «Фарфаром».

² Было сооружено по решению предводителей франков в начале апреля 1098 г. близ монастыря св. Георгия на левом берегу Оронта.

³ Как залог того, что в случае если он сдастся, останется на положении пленника, т. е. в живых.

⁴ То есть норманны (Южная Италия) Боэмунда.

явился сам доблестный Боэмунд и передал ему свое знамя. И турок принял его с великой радостью и заключил соглашение с сеньором Боэмундом, по которому язычники¹, желающие принять христианство, останутся вместе с ним, а те, которые хотят уйти, могут [это сделать] целыми и невредимыми. Боэмунд согласился со всем, что просил эмир, и тотчас направил своих воинов в крепость. Несколько дней спустя эмир был окрещен вместе с теми, кто предпочитал признать веру христову. Тех же, которые хотели жить по своему закону [вере], сеньор Боэмунд приказал выпроводить в сарацинскую землю.

Эта битва происходила за четыре дня до июльских календ², накануне дня апостолов Петра и Павла, в царствование Иисуса Христа, ему же честь и слава во веки веков. Аминь!

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum, p. 151—160.

Из «Алексиады» Анны Комниной

Кн. XI, гл. 5. ...Латиняне, сильно страдая от голода и непрерывной осады, обратились к своему епископу Петру³, который, как уже было сказано, потерпел до этого поражение под Еленополем, и попросили у него совета. Он же сказал им: «Вы дали обет хранить чистоту до тех пор, пока не будете в Иерусалиме. Боюсь, что вы нарушили этот обет, поэтому бог теперь не помогает вам, как прежде. Обратитесь к господу, покайтесь в своих грехах; облекшись во вретище, осыпав себя пеплом, явите свое раскаянье горячими слезами и всеощными. Тогда и я постараюсь вымолить вам милость у бога». Они последовали наставлениям епископа. Через несколько дней епископ созвал по божьему внушению наиболее знатных графов, велел им копать справа от алтаря и найти там святой гвоздь. Они сделали то, что им было приказано, ничего не найдя, пали духом, вернулись и сообщили о неудаче. Тогда епископ еще ревностней сотворил молитву и приказал с еще большим усердием возобновить

¹ Язычниками хронист называет мусульман.

² Средневековые хронисты нередко использовали римскую систему датировки: календы — первое число месяца, следовательно, битва происходила 28 июня 1098 г.

³ Анна имеет в виду Петра Пустынника.

поиски. Они вновь исполнили повеление, нашли то, что искали, и, объятые ликованием и дрожью, побежали с находкой к Петру¹.

Этот свято чтимый гвоздь они доверили с тех пор носить в сражениях Исангелу как чистейшему из всех. На следующий день... они выступили против турок. При этом граф Фландрский просил остальных уступить ему в единственной просьбе — позволить первому, всего с тремя воинами, напасть на турок. Его просьба была удовлетворена. В то время как фаланги, выстроившись поотрядно, стояли друг против друга и готовились начать сражение, граф Фландрский сошел с коня и, трижды простершись на земле, воззвал к богу о помощи. Все воскликнули: «С нами бог!», а он во весь опор устремился на самого Кербогу, стоявшего на холме. Быстро метнув копьа, они повергли наземь встретившихся с ними лицом к лицу турок. Устрашенные турки, вместо того чтобы вступить в бой, видя, что божья сила помогает христианам, обратились в бегство. Во время бегства большая часть варваров была подхвачена водоворотами реки и утонула, а их тела образовали как бы мост для бежавших позади².

После длительного преследования кельты повернули назад и заняли турецкий лагерь, где нашли все снаряжение варваров. Они хотели тут же забрать с собой всю собранную турками добычу, но она была столь велика, что лишь в течение тридцати дней ее с трудом удалось перенести в Антиохию. Здесь кельты ненадолго задержались, чтобы передохнуть от тягот войны; в то же время они, беспокоясь об Антиохии, искали человека для охраны города. Им оказался не кто иной, как Боэмунд, помогавшийся этого еще тогда, когда город не был взят. Предоставив ему всю власть в городе, они сами отправились

¹ Об этом эпизоде (10—14 июня 1098 г.) сообщается почти во всех западных и некоторых восточных источниках, однако там героем событий является не Петр Пустынник, а провансальский крестьянин Петр Варфоломей. Кроме того, западные хронисты говорят не о гвозде, а о копье, которым римский центурион пронзил бок Христа. Этот благочестивый обман имел целью поднять упавший дух западного воинства. Рауль Канский, а также арабский историк Ибн ал-Асир прямо отмечали, что копье предварительно спрятал сам Петр.

² Эти события произошли 28 июня 1098 г. Сообщение Анны о том, что вылазки имели место на следующий день после того, как был найден гвоздь (копье), не соответствует действительности.

в Иерусалим¹. По дороге они захватили много приморских городков; те же, которые были лучше укреплены и потребовали более длительной осады, они, спеша к Иерусалиму, пока не трогали. Окружив его стены и приступив к осаде, они после месяца непрерывных штурмов взяли город и убили много жителей — сарацин и евреев. Когда же все покорилось и уже никто не оказывал сопротивления, они вручили всю власть Готфриду и назвали его королем².

Анна Комнина. Указ. соч.,
стр. 306—307.

Из «Хронографии» Матфея Эдесского

Оставшиеся [в городе] иноплеменики собрались в цитадели и стали сражаться с войсками франков. Три дня спустя прибыла персидская рать, превосходившая армию франков в семь раз. Она осадилась со всей силой франков и стала их теснить. Из-за голода франки попали в тяжелое положение: хлеб в городе уже иссяк. Попав в более чем безвыходное положение, они решили уступить Кербуге город, и, взяв с него клятву, удалиться в страну франков. Увидев страшную опасность, в которую они попали, бог сжалился над ними. Ночью... одному благочестивому франку явился святой апостол Петр и сказал: «В левой части той церкви хранится оружие³, которым безбожное племя иудеев пронзило Христа в ребро. Это [копье] находится перед алтарем. Выкопайте его и с ним идите в бой, им вы одолеете ваших врагов, как Христос сатану». Видение повторилось, оно явилось и в третий раз, о нем рассказали Готфриду и Боэмунду и всем князьям. Они стали молиться и, вскрыв указанное место, нашли там в церкви, называемой храмом святого Петра, копье Христа.

В это время из лагеря иноплемеников прибыл гонец, бросивший вызов к войне. Войска франков очень обра-

¹ Отряды крестоносцев выступили в поход на Иерусалим в середине января 1099 г.

² 22 июля 1099 г. По сообщениям западных хронистов, Готфрид отказался принять титул короля и был провозглашен «защитником святого гроба».

³ Имеется в виду «святое копье». Подробный рассказ о его находке приводится в хронике Раймунда Ажильского.

довались. Боэмунд и остальные князья сообщили Кербоге: «Завтра утром мы приступим к войне против вас». Численность войск франков убавилась. Боэмунд подготовил к сражению пятнадцать тысяч всадников и пятнадцать мириадов пехоты и, высоко держа копьё Христа, приступил к сражению. Войска иноплеменников заполнили всю обширную равнину рядами по пятнадцать человек. Прибыл Сен-Жилль и поднял копьё Христа против знамен Кербоги. Кербога с бесчисленным войском стоял против них, словно гора. Левое крыло возглавил, подобный льву, Танкред, правое — граф нормандцев Роберт, а Готфрид и Боэмунд стояли [в центре], напротив бесчисленного войска тюркского стана. Призывая на помощь бога, христианское воинство дружно ринулось на иноплеменников, как огонь, что сверкает на небе и сжигает горы. [Франки] обратили в бегство весь [их] стан, с великой яростью устроили им страшное побоище и большую часть дня преследовали их. Мечи насытились кровью иноплеменников, вся равнина была усеяна трупами. Гнев божий они извергли на пехоту, сожгли тридцать мириадов человек, и по всей стране распространилось зловоние [от трупов]. Франкская рать, захватив множество трофеев и пленных, с ликованием возвратились в город Антиохию. И день этот стал днем великой радости для верующих в Христа.

Матфей Эдесский. Указ:
соч., стр. 265—266.

**Из «Полного свода всеобщей истории»
Ибн ал-Асира**

Рассказ о походе мусульман на франков
и о том, что было с ними

Когда Кавам ад-Даула Кербога услышал о том, что франки захватили Антиохию, он собрал войска и отправился в Сирию и остановился в Мардж Дабик. К нему собрались войска со всей Сирии — турки и арабы, кроме тех, кто был в Халебе. К нему присоединился Дакак ибн Тутуш, атабек Тугтегин, Джанах ад-Даула, правитель Химса, Арслан Таш, правитель Синджара, Сулейман ибн Артык и другие эмиры, подобных которым не

найти. Когда об этом узнали франки, то сочли это великой бедой и испугались, так как они ослабели и у них было мало еды.

Мусульмане выступили против них у Антиохии, но Кербога недостойно поступал по отношению к мусульманам, которые были с ним, и разгневал эмиров. Он проявлял высокомерие, полагая, что они и так останутся с ним. Это рассердило их, и они задумали изменить ему, если начнется бой, и выдать его, если им удастся это исполнить.

Франки оставались в Антиохии после ее захвата 12 дней. Им было нечего есть, и богатые питались мясом своих коней, а бедняки ели мертвецов и листья деревьев. Увидев это, они послали к Кербоге, прося даровать им пощаду, если они оставят город. Но он не согласился на это, сказав: «Мы выьем вас из города мечом!» А среди франкских царей были Бардуил¹, Санджил², Кондфри³, комес⁴, правитель Руха, Бимонт⁵, правитель Антиохии, который был их предводителем. С ними был монах, которого они слушали, и это был не человек, а беда. Он сказал им: «У Христа, да будет мир над ним, было копьё, которое закопали в Антиохии. Если вы найдете его, то победите, а если не найдете — то это верная гибель». А до этого он зарыл копьё в одном месте и заровнял все следы. Монах приказал франкам поститься и каяться, и они делали это три дня. На четвертый день монах привел франков в это место, взяв с собой простонародье и ремесленников. Они стали рыть повсюду, и нашли копьё, как он им говорил. Тогда монах сказал: «Радуйтесь победе!» И на пятый день они стали выходить из ворот, разделившись по пять и по шесть воинов или около этого. Мусульмане сказали Кербоге: «Нужно встать у ворот и убивать всякого выходящего. Сейчас, когда они рассеяны, это легко». Но Кербога ответил: «Нет, мы подождем, пока они все выйдут, и тогда мы переьем их всех сразу, чтобы нам долго не заниматься этим». Мусульмане убили нескольких франков, покинувших город, но Кербога сам подъехал к ним и запретил делать это. Когда все франки

¹ Имеется в виду Балдуин, в действительности находившийся тогда в Эдессе.

² Сен-Жиль, т. е. граф Раймунд IV.

³ Готфрид Бульонский.

⁴ Граф (comes — лат.).

⁵ Боэмунд.

полностью вышли [из города] и в Антиохии не осталось ни одного из них, они ударили по мусульманам всей силой, и те намеренно обратились в бегство, [сделав это] из-за дурного обращения Кербоги и его презрения к ним, во-первых, а, во-вторых, из-за того, что он запретил им убивать франков. Поражение было полным, притом ни один мусульманин не нанес удара мечом, не проткнул [кого-либо] копьем и не пустил стрелу из лука. Последними, кто обратился в бегство, были Сакман ибн Артык и Джанах ад-Даула, потому, что они были в засаде. Кербога бежал вместе с ними. И когда франки увидели это, они подумали, что это хитрость, потому что не случалось такого боя, чтобы, не сразившись, обращались в бегство. Поэтому они побоялись преследовать мусульман. Но некоторые борцы за веру из мусульман сражались, соблюдая закон и стремясь к мученической смерти. Франки перебили несколько тысяч мусульман, захватили все, что было в лагере — пищу, деньги и утварь, коней и оружие. Их дела поправились, и сила вернулась к ним.

Ибн ал-Асир. Указ. соч.,
стр. 187.

VII. ОСАДА И ВЗЯТИЕ АЛЬ-МААРРЫ. БЕСЧИНСТВА КРЕСТОНОСЦЕВ

Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»

Кн. X, гл. 33. В ноябре месяце¹ Раймунд, граф Сен-Жилль, оставил со своей ратью Антиохию и двинулся к городу, называемому Ругья, а затем к другому, именуемому Албара. В четвертый день от окончания ноября он достиг города Маарры, где скопилось великое множество сарацин, турок, арабов и прочих язычников, и на следующий же день вступил в битву с ними. Спустя немного времени за графом пустился Боэмунд со своей ратью и в воскресенье соединился с ними (провансальцами. — М. З.). За два дня до начала декабря² они со всей мощью отовсюду обрушились на город и притом с таким жаром и стремительностью, что лестницы были

¹ Описываемые события относятся к 1098 г.

² 29 ноября 1098 г.

подняты прямо у стен; но сила язычников была столь велика, что в тот день [наши] не смогли ничем им навредить. Увидев, что они ничего не могут поделывать и только понапрасну тратят силы, наши сеньоры, [именно] Раймунд, граф Сен-Жилль, повелел соорудить могучую и высокую деревянную крепость; крепость эта была придумана и построена в четыре яруса: на верхнем ее ярусе стояло много рыцарей, и Эввар Охотник громко трубил в трубу; внизу, облаченные в свои доспехи, рыцари подвинули крепость вплотную к стене, прямо против некоей башни. Узрев это [сооружение], язычники тотчас изготовили [метательное] орудие, с помощью которого стали бросать большие камни на [нашу] крепость, так что едва не перебили насмерть [всех] наших рыцарей. На крепость метали также греческий огонь¹, надеясь поджечь ее и уничтожить; но всемогущий бог не хотел, чтобы крепость в этот раз сгорела, — она ведь была выше всех городских стен.

Наши рыцари, находившиеся на верхнем ярусе, — Гилельм из Монпелье и многие другие метали громадные камни в тех, кто оборонял городские стены, и с такой силой поражали их в щиты, что и щит, и сам неприятельский воин, убитый наповал, сваливались вниз, в город. Таким образом сражались одни; а другие, держа в руках копья, украшенные геральдическими лентами и перьями, старались копьями и крючьями ухватить и притянуть к себе неприятелей. Вот так и бились до самого вечера.

А за крепостью стояли священнослужители и клирики, облаченные в церковные одеяния, моля и заклиная бога, чтобы он защитил свой народ, вознес христианство и унижил язычество. И у другой части [стен] рыцари каждодневно бились [с неверными]; они приставляли лестницы к стенам города, но отпор язычников был таков, что никакого успеха наши не могли добиться. Наконец, Гуфье де Латур² первым кинулся по лестнице на стену; однако под тяжестью множества других лестница тотчас сломалась; все же вместе с несколькими воинами он влез на

¹ Греческий огонь — горючая смесь из селитры и нефти, ранее использовавшаяся лишь византийцами, притом — в морских сражениях: через особые трубы жидкость выбрасывалась на корабль неприятеля, который таким образом предавался пламени. Ко времени крестовых походов греческий огонь был уже известен сельджукам и арабам, применявшим его в сухопутных боях.

² Французский рыцарь из Лимузена, виконт.

гребень стены. Остальные разыскали еще одну лестницу, и поднялись по ней многие рыцари и пехотинцы; они взобрались на стену. Тогда сарацины ринулись на них и на [самой] стене, и [внизу] на земле с такой яростью, пуская стрелы и пронзая их прямо своими копьями, что многие из наших, охваченные страхом, попрыгали со стены.

В то время пока эти отважнейшие мужи, остававшиеся на гребне стены, принимали на себя их удары, другие, находившиеся внизу, под укрытием крепости, вели подкоп стены. Сарацины, увидев, что наши ведут подкоп, были объяты ужасом и принялись спасаться бегством в город.

Все это произошло в субботний день наступившего 11 декабря, в вечерний час, когда солнце садилось.

Боэмунд распорядился¹ через переводчиков передать начальникам сарацин, чтобы они сами вместе со своими женами, детьми и прочим достоянием собрались в одном дворце, что находится повыше ворот, самолично пообещав спасти их от смертной участи.

Все наши вступили в город, и какое бы добро ни находили в домах и погребях, каждый присваивал его в собственность. Когда наступил день, где бы ни встречали кого-либо из них [сарацин], будь то мужчина или женщина, — убивали. Не было ни одного закоулка в городе, где бы не валялись трупы сарацин, и никто не мог ходить по городским улицам иначе, как перешагивая через их мертвые тела. Боэмунд схватил и тех, которым приказал войти во дворец, и отобрал у них все, что имели, именно, золото, серебро и различные драгоценности [которые были при них]; одних он распорядился умертвить, других же приказал увести для продажи в Антиохию.

Франки пребывали в этом городе один месяц и четыре дня², — как раз в это время скончался епископ Оранжский³. Были среди наших такие, которые так и не нашли то, в чем испытывали нужду как вследствие продолжительности этой остановки, так и из-за трудностей с пропитанием, поскольку вне города они ничего [уж] не могли отыскать. И они вспарывали тела покойников, ибо в их

¹ Изложение здесь отрывочно, автор перескакивает от одного к другому, что наводит на мысль относительно дневниковой основы его беглых заметок.

² С 11 декабря 1098 г. по 15 января 1099 г.

³ Епископ Гийом из Оранжа, находившийся с ополчением провансальцев.

внутренностях находили безанты¹, которые те там прятали; а кое-кто сдирал с мертвецов кожу по кусочкам и варил ее в пищу...

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum, p. 172—178.

**Из хроники Раймунда Ажильского
«История франков, которые взяли Иерусалим»**

Приготовив необходимое, граф Сен-Жилль выступил в назначенный день и вместе со своей ратью двинулся прямо в Сирию, где они осадили Маарру, город богатейший и многонаселенный². Он находился в восьми милях от Барры³. А горожане Маарры настолько возгордились [оттого, что однажды в сражении погубили многих наших], что посылали в лицо нашему воинству брань и поносили князей; для того же, чтобы нас крайне раздражить, они подвешивали кресты на стены и подвергали их всяческому поруганию. По этой-то причине на второй день по нашем прибытии мы ринулись на сарацин с такой стремительностью, что будь у нас хотя бы четыре лестницы, город был бы взят; но поскольку мы имели лишь две, да и те короткие и непрочные, так что взбирались по ним с опаской, то было решено изготовить осадные орудия, щиты и башни с тем, чтобы установить их близ стены, произвести подкопы и сравнять [стену] с землей.

В это время подошел Боэмунд со своей ратью и осадил город с другой стороны; мы же хотели заполнить ров и обрушиться на стену при помощи изумительных орудий, о которых уже сказали, побудив [тем самым] к бою Боэмунда, который до того не участвовал в битве. Но старания эти⁴ были напрасны. Ибо сражение подвигалось куда хуже [для нас], чем раньше.

После этого в войске разразился такой голод, что горько сказать: ты мог бы видеть десятки воинов, которые подобно скоту, бродили от голода, роясь в земле и

¹ Здесь в смысле золотые монеты вообще.

² 23 ноября 1098 г.

³ Баррой хронист называет сирийский городок Аль-Барру, взятую крестоносцами немного ранее описываемых здесь событий.

⁴ То есть использовать осадные орудия.

разыскивая, не найдут ли случайно каких-либо хлебных зерен, или ячменя, или бобов, или каких-нибудь овощей. Пусть никто не сравнивает то, что мы сказали об орудиях, предназначенных для сражения, с тем, что [пишем] про наших, видя несчастное положение нашей рати, разuverившейся в милосердии божьем, и храбрость сарацин. Но бог, чья обязанность печься о своих чадах, не оставил в крайности свой несчастный народ, узрев его в столь тяжких бедствиях. Он поручил возвестить свое намерение в отношении нас своим блаженным апостолам Петру и Андрею, от которых мы его и узнали и сумели умили-вить бога¹...

И вот верные, у которых пробудилась великая надежда на взятие города, подавали щедрейшую милостыню и возносили моления всемогущему богу, чтобы он спас свой народ бедняков, бьющихся ради одного его имени. После того быстро изготовили лестницы, возвели деревянную башню, стали плести щиты, и в назначенный день приступ начался².

Те, кто находился в городе, бросали в нас, подкапывавших стену, камни из орудий, метали копья, кидали огонь³, стволы деревьев, соты с пчелами и всякие осколки. Но наши неустрашимые ратники подбирались к стене, пускали в ход камнеметательные орудия и [поднимались] по лестницам. И длился этот приступ от восхода до захода солнца, притом столь чудесным образом, что не давали никакого отдыха; а исход сражения все еще был сомнителен. И тогда все единодушно воззвали к господу, чтобы он пожалел свой народ и исполнил обещания [которые возвестил через своих] апостолов. И явился господь, и отдал нам город согласно словам апостолов, сказанным нам.

Первым взобрался [наверх] Гуфье де Тур; за ним последовали многие, они кинулись на стену и некоторые башни. И настала ночь, которая прекратила сражение.

До этого момента сарацины удерживали за собой кое-какие башни и часть города. Посему рыцари, надеясь, что сарацины сдадутся еще до наступления утра, охраняли стены снаружи, чтобы никто не убежал по стенам.

¹ Далее следует рассказ о явлении апостолов, который для краткости опускается.

² 11 декабря 1098 г.

³ То есть греческий огонь.

Те же, которым жизнь недорога и которых долгий пост приучил ставить ее ни во что, не побоялись напасть на сарацин даже во мраке ночи; таким-то образом бедняки забрали всю добычу в городе и овладели домами. Когда на утро в город вошли рыцари, они обнаружили лишь очень мало из того, что можно было присвоить. Сарацины попрятались в погреба; никто [не показывался] или показывались совсем немногие. И когда наши утащили все, что нашлось наверху, порешили огнем и дымом выкурить сарацин [из-под земли]; а так как [и в погребах] нашли немного добычи, то сарацин, у которых могли что-нибудь найти, замучивали до смерти. Когда сарацин некоторые наши вели по городу, чтобы заставить их выдать ценности, иные из них приводили наших к колодцам, [и сами] неожиданно кидались туда, предпочитая скорее умереть, чем выдать свое или чье-нибудь достояние. Потом все были убиты. Их скидывали со стен города, за стены. И в городе взято было мало добычи.

Между тем среди рыцарей Боэмунда и графа вспыхнули раздоры из-за того, что рыцари Боэмунда, не так уж сильно бившиеся в сражении, овладели, однако, большей частью башен, домов и пленников...

Raimundi de Aguiliers. Op. cit., p. 268—270.

Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси

Начался год 492¹. В месяце мухарраме² этого года франки подступили к городу Мааррат ан-Нуман с северо-восточной стороны. Они приставили осадную башню к городской стене, которая была ниже башни, и оттеснили мусульман со стен. Битва на стенах шла до захода солнца 14 мухаррама, и франки поднялись на стены, а жители города покинули стены и обратились в бегство, после того, как франки посылали к ним несколько раз, предлагая решить дело миром, сдаться и отдать выкуп³ за свою

¹ 492 год хиджры соответствует 1098/99 году христианского летоисчисления.

² Мухаррам — первый месяц лунного календаря.

³ В тексте употреблено арабское слово «аман» — буквально «безопасность», «охранная грамота», а также «выкуп за сохранение жизни».

жизнь и имущество и позволить войти их войскам в город. Но этому помешал раздор между горожанами и воля и решение аллаха. Франки захватили город после вечерней молитвы, и было убито множество с обеих сторон. Люди укрылись в своих домах в Мааррат ан-Нуман, чтобы защитить их. А франки заключили договор с жителями города, но обманули их, — они подняли свои кресты над городом¹ и определили выкуп с жителей, но не придерживались того, на чем порешили, а грабили все, что им удалось найти, и требовали у людей невозможного.

В четверг 16 сафара² они покинули город, направляясь в Куфр Таб.

Ibn al-Qualanisi. Op. cit.,
p. 136.

**Из «Полного свода всеобщей истории»
Ибн ал-Асира**

**Рассказ о захвате франками
Мааррат-ан-Нуман**

...После всего этого франки направились к Мааррат ан-Нуман, остановились там и осадили город. Жители города упорно сражались с ними. Франки увидели их силу и стойкость и испытали их самоотверженность в сражении. Тогда франки сделали деревянную осадную башню, которая была вровень с городской стеной, и на ней шел бой, но большого урона мусульманам не причинили.

Когда наступила ночь, некоторые мусульмане испугались, и ими овладело чувство бессилия. Они подумали, что если укрепиться в больших зданиях, то им удастся отбиться. Они ушли со стен и оставили свободным место, которое должны были охранять. Другие увидели это и поступили так же, и их место на стене также оказалось лишенным защитников. И так одни следовали за другими, пока вся стена не опустела. Тогда франки по лестницам поднялись на стену, и когда они оказались на ней, мусульмане растерялись и разбежались по домам, а франки предали их мечу и избивали мусульман три дня, перебив более 100 тысяч, и захватили множество пленных. Овладев городом, они оставались там 40 дней, а потом пошли

¹ То есть установили кресты на минаретах города.

² Сафар — второй месяц мусульманского календаря.

на Йрку и осаждали ее четыре месяца. Они пробили несколько брешей в городской стене, но не смогли взять город. Мункыз, правитель Шейзара, отправил к ним гонца и заключил мир. Тогда они направились в Химс и осадили город, но его правитель, Джанах ад-Даула, заключил с ними мир, и они отправились в Акку, но не смогли взять ее.

И б н а л-А с и р. Указ. соч.,
стр. 187—188.

VIII. ЗАВОЕВАНИЕ КРЕСТОНОСЦАМИ ИЕРУСАЛИМА (15 ИЮЛЯ 1099 г.)

Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»

Кн. X, гл. 37. И вот, захлестнутые радостью, мы подошли к Иерусалиму во вторник, за восемь дней до июньских ид¹, и чудесным образом осадили [город]. Роберт Нормандский осадил его с северной стороны, возле церкви первомученика св. Стефана, где тот был побит камнями за Христа; к нему [герцогу Нормандскому. — М. З.] примыкал граф Роберт Фландрский. С запада осаждали [город] герцог Готфрид и Танкред². С юга, укрепившись на горе Сион, близ церкви св. Марии, матери божьей, где господь был на тайной вечере со своими учениками, вел осаду граф Сен-Жилль.

На третий день под предлогом сразиться [с врагом] отделились от нашей рати Раймунд Пилэ, Раймунд Туреньский и многие другие; они повстречали две сотни арабов — и рыцари Христа бились против этих неверных и, с помощью божьей, одолели их, многих из них убили и захватили тридцать коней.

В понедельник мы отважно пошли на приступ; мы ринулись с таким порывом, что будь наготове лестницы, город был бы в наших руках³. Все же мы разрушили малую

¹ Здесь, по-видимому, у хрониста неточность, так как восьмой день до июньских ид — это 6 июня; однако вторник приходился на 7 июня, когда, следовательно, и началась осада города крестоносцами.

² Их отряды стояли против ворот и башни Давида, расположенной в западной части города.

³ Эти события происходили 13 июня.

стену¹ и подняли лестницу на главную стену, по ней полезли наши рыцари, завязав рукопашную с сарацинами и защитниками города, — они дрались [с ними] своими мечами и копьями; многие из наших, а еще больше из неприятелей нашли [здесь свою] смерть. Во время этой осады мы не могли почти десять дней достать и купить хлеба, пока не прибыл вестник с наших кораблей², и мы настолько нуждались [тогда] в воде, что с большим страхом отводили на водопой наших лошадей и прочий скот за шесть миль. Правда, нас выручал Силоамский источник, что у подножия горы Сион, но все-таки вода ценилась у нас дорого.

После того как прибыл вестник с наших кораблей, сеньоры наши держали совет между собой и постановили послать рыцарей, которые надежно охраняли бы моряков и суда в порту Яффа. На исходе дня от рати Раймунда Сен-Жилля отделилась сотня рыцарей, среди которых были Раймунд Пилэ, Ашар Монмерльский и Гийом де Сабран, и с уверенностью двинулись к порту. Затем тридцать рыцарей отделились от остальных и повстречали 700 арабов, турок и сарацин из воинства эмира³. Воины христовы смело ринулись на них; но превосходство неприятельских сил над нашими было таким, что они окружили их (т. е. крестоносцев. — М. З.) со всех сторон и убили Ашара Монмерльского и бедных воинов.

Наши полагали уже, что совсем отрезаны, все думали о своей [скорой] гибели, когда прибыл другой вестник, сказавший Раймунду Пилэ: «Что делаешь ты тут с этими рыцарями? Ведь наши застигнуты врасплох и тяжело бьются с арабами, турками и сарацинами, и может случиться, как раз в этот час все они уже мертвы: поспешайте же к ним на выручку, торопитесь!» Услыхав это, наши тотчас устремились со всей быстротой и, сражаясь, подоспели к тем.

Тогда языческая рать, завидев рыцарей Христа, разделилась и образовала два отряда. Но наши, воззвав к имени Христа, так стремительно обрушились на неверных,

¹ Малая стена находилась перед главной — на северной стороне города.

² Речь идет о генуэзских кораблях, прибывших в Яффу 17 июня.

³ Хронист имеет в виду «эмира Вавилонского», как он называет египетского султана, утвердившего свою власть над Иерусалимом в августе 1098 г.

что каждый рыцарь поразил своего противника. Удостоверившись, что им не одолеть доблесть франков, полностью объятые ужасом, они повернули спины; преследуя их почти четыре мили, наши многих из них прикончили, однако одного оставили в живых, чтобы получить от него [нужные] сведения; захватили также тридцать лошадей¹.

Во время этой осады мы так мучились от жажды, что шивали шкуры быков и мулов и приносили в них воду за шесть миль; из таких-то сосудов мы пили отвратительную воду², и точно так же, как от этой мерзкой воды, каждодневно страдали мы от ржаного хлеба. Сарацины же, конечно, расставляли нам тайные засады у окрестных источников и речушек; они везде убивали наших и рубали на части тех, кого встречали; а скотину уводили в свои пещеры.

Гл. 38. И призадумались тут наши сеньоры, каким же образом взять город, чтобы можно было войти в него и поклониться нашему спасителю: и вот воздвигли две деревянные башни и соорудили многие другие приспособления. Герцог Готфрид соорудил свою башню, снабдив ее разными ухищрениями, и точно так же поступил граф Раймунд. Деревья же им приволокли из дальних земель³. Сарацины, видя, как наши строят эти орудия, замечательнейшим образом укрепили город, нарастив ночью башни⁴.

Но наши сеньоры, разведав, где укрепления слабее всего, передвинули туда, в восточную часть, нашу деревянную крепость и осадные орудия: это было [совершенно] в субботнюю ночь⁵. На рассвете они их установили, а потом, в понедельник, вторник и среду, оснастили и подготовили башню⁶. А в южной части подготавливал свою башню граф Сен-Жильский. Между тем мы были доведены до такой мучительной жажды, что никто не мог за

¹ Эта схватка происходила 18 июня.

² Те же детали, но гораздо более четко описывает и Фульхерий Шартрский: «За водой они ходили далеко, за пять или шесть миль, и каждый день приносили ее оттуда в своих бурдюках».

³ В окрестностях Иерусалима леса не было.

⁴ То есть сделав их выше, следовательно, надежнее в обороне.

⁵ С 9 на 10 июля. С восточной стороны город до этого времени не осаждался. Башня, придвинутая в эту ночь, была установлена между церковью св. Стефана и Кедронской долиной.

⁶ Между 10 и 12 июля.

денарий получить воды в достаточном количестве, чтобы утолить свою жажду.

Ночью и днем, в среду и четверг¹, мы могучим усилием двинулись со всех сторон на приступ города; но прежде чем вторгнуться туда, епископы и священники, проповедуя и увещевая всех, повелели устроить бога ради крестное шествие вокруг укреплений Иерусалима, усердно молиться, творить милостыню и соблюдать пост².

В пятницу³, когда наступил день, мы ринулись на укрепления, но ничем не смогли повредить городу: и мы были все поражены [этим] и охвачены великим страхом. Затем, с приближением часа, когда господь наш Иисус Христос удостоился претерпеть за нас крестную муку⁴, наши рыцари, стоявшие на подвижной башне, жарко схватились [с неприятелем]; среди них [были] герцог Готфрид⁵ и граф Евстафий, брат его⁶.

В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, [преследуя] вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжки в крови.

И Раймунд⁷, сражаясь на южной стороне, тоже подвел свою рать и башню-крепость почти под самые стены. Но между башней и стеной был ров; бросили клич — если кто снесет в этот ров три камня, получит денарий. Три дня и три ночи длилось заполнение рва⁸. А те, кто оборонял город изнутри, бились против наших с удивительной отвагой, кидая огонь⁹ и камни. Наконец, когда ров был за-

¹ 13 и 14 июля.

² Хронология в этом месте довольно сбивчива: в действительности совет князей еще 6 июля постановил провести крестную процессию, о которой рассказывается в хронике, и она была проведена в пятницу 8 июля.

³ 15 июля.

⁴ Неясно, имеет ли в виду хронист час начала казни или час смерти Иисуса Христа, как они называются в евангельских повествованиях; согласно евангельской традиции, он был распят около 9 часов утра, а скончался около 3-х часов пополудни.

⁵ Готфрид Бульонский.

⁶ Граф Евстафий Булонский.

⁷ Раймунд Тулузский.

⁸ Засыпка рва начата была провансальцами 12 июля.

⁹ То есть греческий огонь.

полнен, башню подвинули к самой стене. Граф, прослышав, что франки вошли в город, закричал своим: «Что же вы задерживаетесь? Ведь все французы уже в городе».

[Тем временем] эмир, который оборонял башню Давида¹, сдался графу и открыл ему ворота, у которых паломники обычно уплачивали свою мзду². Войдя в город, наши пилигримы гнали и убивали сарацин до [самого] храма Соломонова, скопившись в котором, они дали нам самое жестокое сражение за весь день, так что их кровь текла по всему храму. Наконец, одолев язычников, наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена³. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая [себе] дома, полные всякого добра.

[Потом], радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг⁴. На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; иные [из них] сами кидались с кровли вниз. Видя это, Танкред впал в сильный гнев.

Гл. 39. После того наши [сеньоры] постановили в совете, что каждый подаст милостыню и сотворит молитвы, дабы бог избрал, кого пожелает, чтобы он царствовал над другими и правил городом. [Предводители] распорядились также убрать вон тела убитых сарацин, которыми был полон почти весь город и которые распространяли сильное зловоние; и оставшиеся в живых сарацины вытаскивали покойников за городские ворота и складывали их в кучи величиною с дом. Никогда и никто еще не слышал и не видел такого истребления язычников; и было приказано сложить костры, подобные пирамидам, и никто не

¹ Башня эта расплослена в западной части города.

² Имеются в виду так называемые Яффские ворота, через которые обычно паломники, прибывшие из Европы на кораблях, входили в город.

³ То есть в качестве охранного символа, в знак того, что они берут на себя защиту этих людей.

⁴ Подразумевается выполнение обета, принесенного теми, кто вступил «на стезю господню».

ведает их числа, кроме одного бога. Эмира же и других [сарацин], которые были с ним, граф Раймунд приказал вести к Аскалону живыми и невредимыми.

На восьмой день после того как город был взят¹, [сеньоры] избрали князем города герцога Готфрида², который одолел язычников и спас христиан. Точно так же в день св. Петра в цепях избрали патриархом мудрейшего и достопочтеннейшего мужа по имени Арнульф³. Этот город был взят христианами бога в пятницу 15 июля.

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum, p. 194—206.

Из хроники Раймунда Ажильского «История франков, которые взяли Иерусалим»

Когда все осадные приспособления были готовы и великие труды наши подошли к окончанию, князь устроили совет и сказали: «Пусть каждый человек приготовится к бою на 14-е⁴. Пока же пусть все пребывают на страже, молятся и творят милостыню. Повозки вместе с мастерами⁵ пусть будут впереди с тем, чтобы мастеровые снесли стволы, колья и жерди⁶, а девицы пускай плетут фашины из прутьев. Повелевается, чтобы [каждые] два рыцаря изготовили один плетеный щит, либо лестницу. Выкиньте прочь всякие сомнения насчет того, чтобы сразиться за бога, ибо в ближайшие же дни он завершит ваши ратные труды». Все это было тщательно выполнено. Затем постановили, кто из князей, действуя со своими людьми,

¹ 22 июля.

² По рассказам Раймунда Ажильского и Альберта Аахенского, корона была сперва предложена графу Раймунду Тулузскому, который отказался принять ее. Духовенство же вобще предприняло попытку первым избрать патриарха.

³ 1 августа. Латинский патриарх был избран, поскольку греческий патриарх Иерусалима Симеон, укрывшийся на Кипре, умер незадолго до этого. Арнульф был капелланом герцога Роберта Нормандского.

⁴ 14 июля 1099 г.

⁵ С крестоносной ратью были мастера-ремесленники, которые на месте изготовляли механизмы для метания камней, очищали деревья от сучьев, чтобы использовать их в качестве таранов, и пр. Большой частью то были итальянцы.

⁶ То есть материалы для осадных приспособлений.

какую часть города будет атаковать и в каких местах будут пущены в ход осадные орудия, а также какие именно.

Сарацины, видя, что у стен города расставлено множество осадных приспособлений, которые тут были изготовлены, так хорошо укрепили менее прочные места стен, что некоторым казалось безнадежным делом брать их. С наступлением дня, назначенного для приступа, герцог¹ и граф Фландрский, а также герцог Нормандский, удостоверившись, что сарацины готовят против наших осадных орудий столько оборонительных укреплений — и каких! — всю ночь перевозили свои орудия, тараны и подвижные башни к той части [укреплений] города, которая расположена между церковью св. Стефана и Иосафатской долиной². Вы, те, которые это читаете, не думайте, что это был маленький город и что тут не требовалось каких-либо особенных усилий. Ведь от того места, где все эти, разобранные на части, орудия были изготовлены, до того, где их собрали, была целая миля.

И когда занялась заря и сарацины увидели все орудия и палатки, перенесенные сюда под покровом ночи, они были поражены ужасом. Да это поразило не только сарацин, но и нас самих. Тут уж всякий из верных³ мог въяве убедиться, что с нами десница господня.

Все это перемещение произведено было потому, что место тут было ровным и подходящим для того, чтобы придвинуть осадные орудия [ближе] к стене, а сделать это нельзя было иначе, как на ровном месте; и еще по той причине, что эта часть города казалась менее укрепленной и находилась дальше всего от лагеря. Расположена она на севере.

С неменьшим усердием трудился граф и его люди на горе Сион, что к югу от города; и здесь было у него много помощников, именно, Гийом Эбриак, а с ним все генуэзские моряки, которые в Яффе потеряли свои корабли, как мы уже [о том] рассказывали⁴. Но им удалось прихватить

¹ Герцог Бульонский (Готфрид).

² К востоку от Иерусалима.

³ То есть католиков.

⁴ Несколько ранее хронист упоминает о морском сражении генуэзцев с египетским флотом; в результате этой битвы генуэзцы потерпели неудачу и вынуждены были, бросив свои суда, уйти под Иерусалим. Это произошло 19 июня 1099 г.

с кораблей веревки, а кроме того, сумели понаделать молоты, топоры, крючья, а также заступы и секиры, — все это нам было крайне необходимо. Но что же мы так затягиваем [повествование]?

И вот уже настал день, определенный для сражения¹, и завязался бой. Но прежде всего мы хотим заметить вот что: по нашему мнению, а также [по мнению] многих других, в городе было [тогда] до 60 тысяч мужчин, годных носить оружие, за вычетом малолетних и женщин, которым не было и числа. А из наших пригодными к оружию было, как мы считали, не более 12 тысяч; да к тому же у нас имелась масса калек и бедняков. Рыцарей же в нашей рати было 1200 или 1300 и, как я полагаю, не более. Мы говорим это затем, чтобы вы поняли: все, будь то малое или великое, что предпринимается во имя господне, делается не вотще, — об этом и будет рассказано на следующей странице.

Едва наши начали придвигать башни к стенам, со всех сторон полетели камни, пущенные из метательных орудий, и стрелы, бесчисленные, как град. Но слуги божьи терпеливо вынесли все это, порешив в своей вере либо погибнуть, либо уже теперь отомстить за себя неприятелю. Битва шла без каких-либо признаков победы; но когда наши пододвинули орудия к стенам, оттуда стали бросать не только камни и [пускать] стрелы, но и стволы деревьев и зажженные пуки соломы; потом они начали кидать в наши орудия просмоленные, намазанные воском и серой деревяшки, обертывая [их] в горящие тряпки. Я говорю, что они были со всех сторон обмазаны серою и еще утыканы гвоздями для того, чтобы куда бы ни попадали, цеплялись, и цепляясь, воспламеняли бы. Деревья же и солому кидали, чтобы хоть пламя остановило тех, кого не могли сдержать ни меч, ни высокие стены, ни глубокий ров. В тот день сражение длилось с рассвета до заката солнца — никогда, думается, не было содеяно ничего более изумительного. И все мы неустанно взывали ко всемогущему богу, величая его нашим предводителем и поводырем и полные веры в его милосердие.

Но пришла ночь² и удвоила страх в обоих вражеских лагерях. Сарацины боялись, как бы наши не овладели городом посреди ночи или как бы они хотя бы на следую-

¹ Этим днем был четверг 14 июля.

² Ночь с 14 на 15 июля.

ший день, уже взломав предстенные укрепления и засыпав ров, не одолели бы и внутреннюю стену. А наши опасались лишь одного: чтобы сарацины не подожгли каким-нибудь способом придвинутые к стенам орудия, упрочив тем самым свое положение. Потому-то обе стороны наблюдали друг за другом, трудились без усталы, в заботах никто не спал.

Здесь — твердая надежда, там — сомнение и страх. Одни, добровольцы, действовали именем бога, с намерением взять город; другие, вынужденные против своей воли сопротивляться, поступали сообразно законам [вере] Магомета. Вы сочтете чудом те усилия, которые были затрачены за ночь обеими сторонами... С наступлением утра¹ нашими овладел такой пыл, что они подошли к самым стенам и придвинули туда свои орудия. И сарацины [тоже] изготовили столько орудий, что каждому нашему противостояло девять или десять и таким путем понаделали множество помех нашим стараниям. Между прочим, этот день был как раз девятым, о котором некий священник предрекал, что город будет взят именно в этот день. — Но к чему так затягивать рассказ?

Уже наши орудия были разбиты ударами бесчисленных камней, и наши валились от усталости, многие были утомлены до крайности. И все же нам еще оставалось божье милосердие, никогда не победимое, никогда не одолимое, всегда ниспосылаемое среди величайших опасностей.

Поистине негоже обойти один случай [а именно тот], когда две женщины хотели околдовать одно из наших камнеметательных орудий: камень, с силою выпущенный из него, угодил в этих женщин, творивших чародейство, и убил наповал вместе с тремя малыми девочками; удар этот, исторгнув их души, отвратил чары колдовства.

Когда же около полудня все наши пришли в смятение — и от изнеможения, и от отчаяния — ведь каждому из наших противостояли многие противники, да и стена была прочна и высока, и у неприятеля всего было вдоволь, к тому же врагам благоприятствовали те самые обстоятельства, которые нам шли во вред, — посреди такого смятения в наших рядах и, напротив, подъема [в рядах] неприятелей, явилось нам божественное милосердие, которое превратило нашу печаль в радость, да не отвратит-

¹ 15 июля.

ся она от нас никогда. Уже было подействовали кое-чьи советы отвести орудия, часть коих [вовсе] сгорела, другая была разбита, — [и вот, в этот самый миг] некий рыцарь, стоявший на Масличной горе, стал размахивать своим щитом перед теми, кто был от воинства графа¹, и прочими, словно подавая тем самым знак, чтобы двинулись на город. Кто был этот рыцарь, мы так и не сумели разузнать. Ободренные этим знамением, наши, уже было изнемогшие, пустились бежать к стенам, другие начали приставлять лестницы и закидывать веревки. Какой-то молодой воин зажег стрелы и стал пускать их в мешки, которыми обкладывались укрепления, что сарацины сделали как раз с воздвигнутыми напротив деревянной башни герцога и обоих графов²; набиты же мешки были хлопком. Огонь, разгоревшись здесь, обратил в бегство тех, кто оборонял укрепление. Тогда герцог и находившиеся с ним быстро перекинули щитовое прикрытие из сплетенных прутьев, которое закрывало башню спереди — сверху до середины, и, сделав мост, неустрашимые, стали таким образом прорываться в Иерусалим.

Среди первых ворвались Танкред и герцог Лотарингский, — и сколько они пролили в тот день крови, едва ли можно поверить. Потом поднялись [на стены] и все остальные, и сарацины сникли. Удивительное, однако, дело: уже когда город был захвачен французами, тем, кто был с графом, сарацины все еще оказывали сопротивление, словно и не были разгромлены наголову. Но вот наши овладели укреплениями и башнями города, и тут ты увидел бы поразительное зрелище: одни из сарацин были с разбитыми головами, что являлось для них более легкой смертью; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были бросаться с укреплений; третьи долго мучились и погибали, сгорая в пламени. На улицах и площадях города можно было видеть кучи голов, рук и ног. Пешие и конные तो и дело натыкались на трупы, валявшиеся безо всякого.

Но все, о чем мы до сих пор повествовали, это еще самая малость. Пойдемте-ка ко храму Соломона, где сарацины отправляли обыкновенно свое богослужение и торжественно распевали гимны. Что было там содеяно? Если поведаем правду, превзойдем всякую вероятность.

¹ То есть Раймунда Тулузского.

² Имеются в виду Готфрид Бульонский, Роберт Фландрский, Евстафий Булонский.

Достаточно сказать, что в храме Соломоновом и в его портике передвигались на конях в крови, доходившей до колен всадника и до уздечки коней. По справедливому божьему правосудию то самое место истекало кровью тех, чьи богохульства оно же столь долго переносило. Когда город был переполнен трупами и кровью, некоторые [из неприятелей] искали убежище в башне Давида и своей десницей просили графа Раймунда сохранить им жизнь, и сдали ему эту крепость.

По взятии города драгоценным зрелищем было видеть благочестие пилигримов перед гробом господним и как они рукоплескали, ликуя и распевая новый гимн богу. Ибо [сама] душа их несла глас восхваления богу, победившему и торжествующему, глас, который не выразить словами... День этот прославлен навсегда, ибо это день погибели язычества и утверждения христианства.

В этот день многие лицезрели в городе Адемара, епископа Пюиского¹, и многие свидетельствуют, что он первым поднялся на стены и призывал своих и войско следовать за ним... Да будет превознесен этот день июльских ид² ко славе имени божьего...

Raimundi de Aguiliers. Op.
cit., p. 297—300.

**Из рифмованной хроники
Рауля Канского «Деяния Танкреда»**

...Едва они в город проникли, всюду рассеялись —
Там, здесь, направо, налево, внизу и поверху;
Кинулись в дома, на крыши, в сады, огороды — везде
Убивают, грабят и опустошают.
Скот хватает этот, врывается в дом другой,
Одни похищают золото, медь же — другие,
Прельстившись ее желтизной сверкающей...
Иные хватают серебро, драгоценные камни — другие,
Третьи — пурпур, кое-кто же — рабов.
Разграблению все предается.
Всякий рыщет за тем, в чем нужду имеет...
Одежды — нагой, жаждущий — чашу к вину добывает,

¹ Адемар Монтейльский, папский легат в войске крестоносцев, умерший еще за год до этого (1 августа 1098 г.).

² 15 июля 1099 г.

К сокровищам алчный торопится...
...Душит старцев один, другой отбирает младенцев,
Многих заботит (одно): повырывать из ушей украшения.

Radulphi Cadomensis. Gesta Tancredi. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. III, Paris, 1866, p. 694, 697.

**Из хроники Фульхерия Шартрского
«Иерусалимская история»**

...Не было места, где бы сарацины могли избежать меченосцев. Многие из них, спасаясь, взобрались на храм Соломона и были перестреляны и сброшены с кровли...
Мечи обнажив, рыскают франки по городу,
Они никого не щадят, даже тех, кто молит пощады...
Падал неверных народ под ударами их, как
Падают желуди с дуба гнилые, когда
Ветви его трясут...

Fulcherii Carnotensis. Op. cit., p. 359, 360.

Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси

...Затем они пошли на Иерусалим в конце раджаба этого года. Люди бежали от них, снимаясь со своих мест. А франки остановились сначала в Рамле и захватили ее как раз в то время, когда поспевают урожай зерна, потом они подошли к Иерусалиму, стали сражаться с его жителями и потеснили их. Они установили осадную башню и придвинули ее к городским стенам. Потом они узнали о том, что ал-Афдал вышел из Египта с многочисленным войском для сражения с ними и нападения на них, чтобы защитить город и спасти его от них. Они стали биться еще ожесточеннее и продолжали сражаться до конца дня. Потом они ушли, намереваясь вновь начать наступление на следующее утро. И люди сошли со стен только тогда, когда зашло солнце. А на следующий день франки снова подступили к городу, поднялись на осадную башню и оттуда хлынули на стены, и горожане обратились в бегство. А франки вошли в город и овладели им. Некоторые жители города бежали в михраб, и было убито великое мно-

жество. Иудеи собрались в своем храме, но франки сожгли их там. Потом они овладели михрабом, взяв выкуп, и это было 22 шаабана этого года. Франки разрушили святые места¹ и могилу Халилиа². В это время прибыл ал-Афдал с египетскими войсками, но было уже поздно. К нему присоединились войска береговых областей, и он остановился 14 рамадана³ неподалеку от Аскалона, ожидая прибытия морского флота и кочевых арабов. Но войско франков вышло против него, и франки напали на мусульман в великом множестве. Египетское войско бежало к Аскалону, и ал-Афдал вошел в город.

А франки предали мечу мусульман и стали избивать пеших воинов, ополченцев и горожан, а их было около 10 тысяч.

Египетский лагерь был разграблен, а ал-Афдал со своими приближенными вернулся в Египет. Франки осадили Аскалон, а потом было решено, что город выплатит им 20 тысяч динаров. Они начали собирать выкуп с жителей города, но в это время вспыхнул раздор среди предводителей франков, и они ушли, не получив ничего. А рассказывают, что в этом сражении было убито из жителей Аскалона — чиновников, ремесленников, купцов и юношей, не считая воинов, — 2700 человек...

Ibn al-Qualanisi. Op. cit.,
p. 137.

¹ Имеются в виду священные места мусульман.

² Библейский патриарх Авраам.

³ Рамадан — девятый месяц лунного календаря, месяц поста у мусульман.

ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

І. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ В ГОСУДАРСТВАХ КРЕСТОНОСЦЕВ. ОТНОШЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИРИИ И ПАЛЕСТИНЫ К ЗАПАДНЫМ ЗАВОЕВАТЕЛЯМ

Из «Книги назидания» Усамы ибн-Мункыза

...Аль-Малик ас-Салих¹ отправил мою семью на собственной барке в Дамьетту², снабдив их всем необходимым, деньгами и припасами, и дал своим распоряжения относительно их. От Дамьетты они отплыли на франкском судне. Когда они приблизились к Акке³, франкский король⁴, да не помилует его Аллах, послал в маленькой лодке отряд своих людей, которые подрубили корабль топорами на глазах наших людей. Король, приехавший верхом, остановился на берегу и приказал разграбить все, что было на корабле. Мой слуга добрался к королю вплавь, захватив с собой пропуск, и сказал ему: «О король, господин мой, не твой ли это пропуск?» — «Верно, — ответил король, — но обычай мусульман таков: когда судно потерпит крушение у берегов их страны, жители этой страны грабят его». — «Что же, ты возьмешь нас в плен?» — спросил мой слуга, и король отвечал: — «Нет». Он, да проклянет его Аллах, поселил их всех в одном доме и велел обыскивать женщин, пока у них не отобрали все, что с ними было. На судне они захватили украшения, сложенные там женщинами, платья, драгоценные камни, мечи и оружие, золото и серебро, приблизительно на тридцать тысяч динаров. Король забрал все это и выдал им пятьсот динаров со словами: «С этими вы доберетесь до вашей страны». А их было, мужчин и женщин, около пятидесяти душ. В то время я находился вместе с аль-Маликом аль-

¹ Египетский везир Ибн Руззик.

² Дамьетта — египетский порт в восточной части дельты Нила.

³ Акка — сирийский порт к северу от Яффы, известный по средневековым латинским хроникам под названием Сен-Жан д'Акр.

⁴ Иерусалимский король Балдуин III (1142—1162).

Адилем в земле царя Масуда¹ в Рабана и Кайсуне². Спасение моих детей, моего брата и наших жен облегчило мне пропажу погибшего имущества. Только гибель книг — а ведь их было четыре тысячи переплетенных великолепных сочинений — останется раной в моем сердце на всю жизнь.

...У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости. Одни только рыцари пользуются у них преимуществом и высоким положением. У них как бы нет людей, кроме рыцарей. Они дают советы и выносят приговоры и решения. Раз я просил у них суда относительно стада овец, которое захватил в лесу властитель Банияса³. Между нами и франками был тогда мир, а я находился в Дамаске⁴. Я сказал королю Фулько, сыну Фулько⁵: «Он поступил с нами несправедливо и захватил наших животных. А это как раз время, когда овцы приносят ягнят; ягнята умерли при рождении, а он вернул нам овец, погубив ягнят». Король сказал тогда шести-семи рыцарям: «Ступайте, рассудите его дело». Они вышли из его покоев и совещались до тех пор, пока все не сошлись на одном решении. Тогда они вернулись в помещение, где принимал король, и сказали: «Мы постановили, что властитель Банияса должен возместить стоимость их овец, которых он погубил». Король приказал ему возместить их цену, но он обратился ко мне, надоедал и просил меня, пока я не принял от него сто динаров. Такое постановление, после того как рыцари окончательно утвердят его, не может быть изменено или отменено ни королем, ни кем-нибудь из предводителей франков, и рыцарь у них — великое дело.

...Однажды Танкред⁶, первый властитель Антиохии

¹ Масуд — правитель из династии так называемых румских сельджуков, властвовал над некоторыми областями Малой Азии (приблизительно до 1156 г.).

² Две крепости — Рабан и Кайсун — находились около Самосаты, на границе между Киликией и Месопотамией.

³ Банияс — город в северной Палестине, на южных отрогах Антиливана, около истоков Иордана.

⁴ Пребывание Усамы в Дамаске относится к 1138—1144 гг.

⁵ Король иерусалимский Фулько V (1131—1142), сын Фулько IV, графа Анжуйского (Франция).

⁶ Танкред, племянник Бозмунда I, правил Антиохией в 1104—1112 гг., когда Бозмунд находился в Европе, и некоторое время после его смерти.

после Маймуна¹, пошел против нас². Мы сражались, а потом заключили перемирие. Танкред прислал гонца, желая получить лошадь одного слуги моего дяди Изз ад-Дина, да помилует его Аллах. А это была отличная лошадь. Мой дядя послал ее Танкреду с одним из наших товарищей, курдом, которого звали Хасанун, чтобы он принял участие в скачке перед Танкредом на этой лошади. Это был один из наших доблестных всадников, юноша приятной внешности, стройный станом; он скакал и опередил всех пущенных лошадей. Он явился к Танкреду, и франкские рыцари стали осматривать его руки и восхищаться его юностью и стройностью. Они убедились, что он доблестный всадник.

Танкред одарил его богатыми подарками, и Хасанун сказал ему: «О господин мой, я прошу у тебя обещания оказать мне милость — отпустить меня на свободу, если ты когда-нибудь захватишь меня в сражении». Танкред дал ему это обещание. Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят только по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят. После этого прошел год или больше, и время перемирия истекло. Танкред пошел на нас во главе антиохийского войска³ и мы сражались у стен города. Наша конница вступила в бой с передовыми отрядами франков. Некий Камиль аль-Маштуб, наш сотоварищ курд, бился особенно яростно. Он и Хасанун соперничали в доблести. Хасанун был с моим отцом, да помилует его Аллах, и сидел на какой-то кляче, ожидая, пока слуга приведет ему лошадь от коновала и принесет кольчугу. Слуга запоздал, и Хасануна стали волновать удары копьем Камиля аль-Маштуба. Наконец он сказал моему отцу: «О господин мой, прикажи дать мне хотя бы легкие доспехи». — «Вот стоят мулы, нагруженные оружием, — отвечал отец. — Что тебе годится, то и надень». Я стоял в это время сзади отца. Я был еще мальчиком⁴ и впервые в этот день видел сражение. Хасанун осмотрел кольчуги, уложенные в кожаные мешки и нагруженные на мулов, но ни одна не подходила ему. А он горел желанием выйти

¹ Маймун — Боэмунд I, один из предводителей Первого крестового похода и первый князь Антиохии (1098—1104). Умер во время поездки в Европу в 1111 г.

² Описываемый конфликт относился к 1108 г.

³ Весной 1110 г.

⁴ Усаме в 1110 г. было 15 лет.

в бой и действовать так же, как Камиль аль-Маштуб. На своей кляче он двинулся вперед, не надев доспехов. Один франкский рыцарь преградил ему дорогу и ударил его лошадь по крупу. Она, закусив узду, умчала Хасануна в самую середину франкского лагеря. Франки захватили Хасануна в плен и подвергли его разнообразным мучениям. Они хотели выколоть ему левый глаз, но Танкред, да проклянет его Аллах, сказал им: «Выколите ему правый глаз, чтобы он не мог ничего видеть, когда будет нести щит и закроет им левый глаз». Они выкололи ему правый глаз, как приказал Танкред, и потребовали с него тысячу динаров и караковую лошадь, принадлежавшую моему отцу. Это была лошадь породы хафаджи¹, одна из чистокровных прекрасных лошадей, и мой отец, да помилует его Аллах, выкупил его ценой этой лошади.

Из Шейзара в этот день выступило много пехотинцев. Франки бросились на них, но не могли выбить их с места. Тогда Танкред разгневался и сказал: «Вы — мои рыцари, и каждый из вас получает содержание, равное содержанию ста мусульман. Это «сердженды»² [он разумел пехотинцев], и вы не можете выбить их с этого места!» — «Если бы не это, мы бы их затоптали и переккололи копьями». — «Лошади мои, — сказал Танкред, — всякому, у кого будет убита лошадь, я заменю ее новою». Тогда франки несколько раз атаковали наших пехотинцев, и семьдесят лошадей у них было убито, но они не могли сдвинуть наших с места...

...Я часто ездил к королю франков³ во время перемирия между ним и Джемаль ад-Дином Мухаммедом ибн Тадж аль-Мулуком⁴, да помилует его Аллах, из-за долга моему отцу, да помилует его Аллах, лежавшего на короле Балдуине⁵, отце королевы, супруги короля Фулько, сына Фулько⁶. Франки сгоняли ко мне пленных,

¹ Бедуины племени Хафаджа ибн Амр славились разведением породистых лошадей.

² Слово в арабском тексте представляет, вероятно, простую транслитерацию (передачу знаками иноязычного алфавита) франкского термина «сержант», т. е. оруженосец.

³ Имеется в виду Фулько V Иерусалимский.

⁴ Правитель Дамаска (1139—1140), брат и преемник Шихаб ад-Дина Махмуда.

⁵ Балдуин II Иерусалимский.

⁶ За Фулько V была замужем старшая дочь Балдуина II — Мелисанда.

чтобы я их выкупил, и я выкупал тех из них, кому Аллах облегчал освобождение. Один из франков, дьявол по имени Кильям Джиба¹, выехал на своем корабле повоевать и захватил судно с магрибинскими паломниками, которых было около четырехсот душ мужчин и женщин. Ко мне приходили все новые пленные с их владельцами, и я выкупил тех, кого был в состоянии выкупить.

...У Кильяма Джиба оставалось тридцать восемь пленных, и среди них была жена одного из тех, кого великий Аллах освободил моими руками. Я купил ее у Кильяма, но не мог тогда заплатить за нее. Теперь я поехал к нему, да проклянет его Аллах, и сказал ему: «Продай мне еще десять из них». — «Клянусь истиной моей веры, — ответил он, — я продам только всех вместе». «У меня нет с собой денег, чтобы заплатить за всех, — возразил я. — Я куплю часть их, а в следующий раз куплю остальных». Но он ответил: «Я продам тебе только всех сразу», и я уехал, а Аллах, да будет ему слава, predetermined всем убежать в ту же ночь. Жители деревень вокруг Акки все были из мусульман, и когда к ним приходил пленный, они прятали его и доставляли в области ислама. Этот проклятый преследовал их, но ни один из них не попался ему в руки, и Аллах, да будет ему слава, благодетельствовал их освобождением.

...Антиохия принадлежала дьяволу из франков по имени Рожер. Он отправился в паломничество в Иерусалим, властителем которого был принц Балдуин². Балдуин был старик, а Рожер — юноша. Он сказал Балдуину: «Заклучим такое условие: если я умру прежде, чем ты, Антиохия будет твоя, а если ты умрешь раньше меня, Иерусалим будет принадлежать мне». Они заключили такой договор и обязали им друг друга. Аллах великий predetermined, чтобы Наджм ад-Дин Иль-

¹ Европейскую форму имени установить по этой искаженной передаче затруднительно (под именем «Кильям», вероятно, кроется Гильом, или Вильгельм).

² Балдуин II, король Иерусалимский (1118—1131) (его имя Усама воспроизводит транскрипцией титула «принц»). Рожер, князь Антиохийский (1112—1119), был женат на сестре этого государя (Однерце).

гази ибн Артук¹, да помилует его Аллах, встретил Рожера у Баданиса в четверг пятого числа первой джумады пятьсот тринадцатого года². Он убил его и перебил все войско, и в Антиохию вошло не больше двадцати человек из его бойцов. Балдуин отправился в Антиохию и вступил во владение городом.

Через сорок дней он дал бой Наджм ад-Дину... Второе сражение между ними шло с равным успехом. Отряды франков разбили отряды мусульман, а отряды мусульман разбили отряды франков; и с той, и с другой стороны было много убитых. Мусульмане взяли в плен Роберта, властителя Сыхьяуна³ и Балятунуса⁴ и всей соседней области. Роберт в то время был другом атабека Тугтегина, властителя Дамаска, и действовал заодно с Наджм ад-Дином Ильгази, когда тот соединился с франками в Апамее при приближении восточного войска под начальством Бурсука ибн-Бурсука⁵. Этот Роберт «прокаженный» сказал тогда атабеку Тугтегину: «Не знаю, как оказать тебе гостеприимство. Я отдаю тебе во власть мою страну. Пошли твоих всадников, пусть они проедут по ней и возьмут себе все, что найдут там, лишь бы не брали людей в плен и не убивали вьючных животных, а деньги и урожай пусть будут им, они могут их забрать с моего позволения».

Когда Роберт был взят в плен, атабек Тугтегин участвовал в сражении, помогая Ильгази. Роберт сам назначил за себя выкуп в десять тысяч динаров. «Отведите его к атабеку, — приказал Наджм ад-Дин, — может быть он испугает Роберта и тот назначит за себя больший выкуп». Роберта отвели к атабеку, который сидел в своей палатке и пил. Увидев приближавшегося Роберта, он встал, заткнул за пояс подол своего платья, взял меч и, выйдя к Роберту, отрубил ему голову. Ильгази послал к нему гонца, упрекая за это, и говорил: «Мы нуждаемся в каждом динаре для уплаты туркменам, а этот назначил за себя выкуп в десять тысяч ди-

¹ Основатель династии Артукидов в месопотамском Мардине, один из яростных борцов против крестоносцев (1108—1122).

² 14 августа 1119 г.

³ Сыхьяун — замок между Ладикией и Хомсом, к юго-востоку от первого из этих городов.

⁴ Балятунус (лат. Platanus) — замок между Ладикией и Антиохией.

⁵ Весной 1115 г.

наров. Я послал его к тебе, думая, что ты испугаешь его и он увеличит свой выкуп, а ты убил его». — «Я не умею лучше пугать, чем так», — отвечал атабек.

Тогда Антиохией стал владеть Балдуин, принц. Он был многим обязан моему отцу и дяде, да помилует их обоих Аллах. Когда он был взят в плен Нур ад-Даула Балаком¹, да помилует его Аллах, а после убийства Нур ад-Даула перешел к Хусам ад-Дину Тимурташу ибн Ильгази², тот отправил его к нам в Шейзар, чтобы мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, оказали посредничество в получении за него выкупа, и они хорошо обращались с ним. Когда Балдуин получил власть³, на нас лежал долг властителю Антиохии. Балдуин охотно сложил его с нас, и наши дела с Антиохией пошли успешно.

И вот, когда Балдуин находился в таком положении и у него был послом наш товарищ, к Сувайдии⁴ однажды приплыла лодка, в которой был юноша в лохмотьях. Он явился к Балдуину, и тот узнал в нем Ибн Маймуна⁵. Балдуин вручил тогда юноше власть над городом, а сам ушел и разбил свои палатки в окрестностях... Впоследствии Балдуин вернулся в Иерусалим.

...Народ перенес от этого дьявола Ибн Маймуна великие бедствия. Однажды он пошел на нас с войсками и стал лагерем. Мы сели на коней и построились против франков, но ни один из них не пошел на нас, и все оставались в своих палатках. Мы стояли на пригорке и смотрели на них; между нами была река аль-Аси. Мой двоюродный брат Лейс ад-Даула Яхья ибн Малик ибн Хумейд, да помилует его Аллах, спустился с этого пригорка и направился к реке. Мы думали, что он хочет напоить свою лошадь, но он переправился через реку около отряда франков, стоявшего близ палаток. Когда Лейс ад-Даула приблизился к франкам, к нему под-

¹ Нур ад-Даула Балак — владетель нескольких крепостей в области Малатии (Мслитены), один из ожесточенных противников крестоносцев; убит в 1124 г. Балдуин II был взят им в плен в апреле 1123 года.

² Хусам ад-Дин Тимурташ — сын и преемник мардинского Артукида Ильгази, к которому после смерти Балака перешел Халеб, где был заключен Балдуин II.

³ Он был отпущен из плена в августе 1124 г.

⁴ Сувайдия — порт Антиохии на Средиземном море.

✦ ⁵ Ибн Маймун — князь Боэмунд II Антиохийский (1126—1131), женатый на младшей дочери Балдуина II — Алисе.

скакал один из рыцарей. Оба противника бросились друг на друга, но каждый из них уклонился от удара другого. Тогда я поспешил к сражавшимся с моими молодыми сверстниками. Франкский отряд отступил, а Ибн Маймун сел на коня вместе с войсками, и они ринулись вперед, словно поток. Лошадь нашего товарища была рана.

Первые ряды франков столкнулись с нашими передовыми войсками. В наших войсках был один курд по имени Микаил, который попал, спасаясь бегством, в первые ряды франков. Один франкский рыцарь, преследуя Микаила, пронзил его копьем; курд, убегая от него, стонал и громко кричал.

Я догнал Микаила, а франк отвернулся от курда и свернул с моей дороги, направляясь к нашим всадникам, стоявшим толпой близ реки на нашем берегу. Я помчался за ним следом, погоняя лошадь, чтобы настичь его и ударить копьем, но лошадь не могла за ним поспеть. Франк не оборачивался ко мне, стремясь только к этим столпившимся всадникам. Наконец он достиг их, а я все следовал за ним. Наши товарищи нанесли его лошади несколько ран, но франкские воины уже устремились по следам рыцаря в таком множестве, что мы бы их не одолели. Франкский рыцарь повернул назад, и его лошадь была при последнем издыхании. Он поехал навстречу своим войскам, повернул их всех обратно и сам воротился с ними.

Этот рыцарь был Ибн Маймун, владыка Антиохии. Он был еще юноша¹, и его сердце наполнилось страхом, но если бы он оставил своих воинов действовать, они бы обратили нас в бегство и гнали бы до самого города.

...Слава творцу и создателю! Всякий, кто хорошо понимает дела франков, будет возвеличивать Аллаха и прославлять его. Он увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападении.

Я расскажу кое-что о делах франков и об их диковинном уме. В войсках короля Фулько, сына Фулько²,

¹ Боэмунд II стал князем в Антиохии, еще не достигнув двадцатилетнего возраста.

² См. стр. 142, прим. 5.

был всадник, пользовавшийся большим почетом, который прибыл из их страны, совершая паломничество, и возвращался туда. Он подружился со мной, привязался ко мне и называл меня «брат мой»; между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга. Когда он собрался возвращаться по морю в свою страну, он сказал мне: «О брат мой, я отправляюсь в свою страну и хотел бы, чтобы ты послал со мной своего сына». А мой сын был в это время при мне, и было ему от роду четырнадцать лет¹. «Пусть он посмотрит на наших рыцарей, научится разуму и рыцарским обычаям. Когда он вернется, он станет настоящим умным человеком».

Мой слух поразили слова эти, которых не мог бы произнести разумный; ведь даже если бы мой сын попал в плен, плен не был бы для него тяжелее, чем поездка в страну франков.

Я ответил моему другу: «Клянусь твоей жизнью, то же было и у меня в душе, но меня удерживает от этого лишь то, что его бабушка — моя мать — очень его любит и не позволила ему выехать со мной, пока не заставила поклясться, что я привезу его к ней обратно». — «Значит, твоя мать еще жива?» — спросил франк. «Да», — сказал я. «Тогда не поступай против ее желания», — сказал он.

...Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами.

Вот пример грубости франков, да обезобразит их Аллах. Однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть аль-Акса²; рядом с мечетью была еще маленькая мечеть, в которой франки устроили церковь. Когда я заходил в мечеть, а там жили храмовники—мои друзья,—они предоставляли мне маленькую мечеть, чтобы я в ней молился.

Однажды я вошел туда, произнес «Аллах велик» и начал молиться. Один франк ворвался ко мне, схватил меня, повернул лицом к востоку и крикнул: «Молись

¹ Вероятно, Мурхаф (1126—1216), любимый сын Усамы, сопровождавший отца почти во всех его скитаниях.

² Мечеть, построенная на месте Соломонова храма, напротив так называемой Омаровой мечети.

так!» К нему бросилось несколько человек храмовников и оттащили его от меня, и я снова вернулся к молитве. Однако этот самый франк ускользнул от храмовников и снова бросился на меня. Он повернул меня лицом к востоку и крикнул: «Так молись!» Храмовники опять вбежали в мечеть и оттащили франка. Они извинились передо мной и сказали: «Это чужестранец, он приехал на этих днях из франкских земель и никогда не видал, чтобы кто-нибудь молился иначе, как на восток». «Хватит уж мне молиться», — ответил я и вышел из мечети. Меня очень удивило выражение лица этого дьявола, его дрожь и то, что с ним сделалось, когда он увидел молящегося по направлению к югу¹.

Я видел, как один франк пришел к эмиру Му'ин ад-Дину², да помилует его Аллах, когда тот был в ас-Сахра³, и сказал: «Хочешь ты видеть бога ребенком?» — «Да», — сказал Му'ин ад-Дин. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Мариама, на коленях которой сидел маленький Мессия, да будет над ним мир. «Вот бог, когда он был ребенком», — сказал франк. Да будет превознесен великий Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту!

У франков нет никакого самолюбия и ревности. Бывает, что франк идет со своей женой по улице; его встречает другой человек, берет его жену за руку, отходит с ней в сторону и начинает разговаривать, а муж стоит в сторонке и ждет, пока она кончит разговор. Если же разговор затянется, муж оставляет ее с собеседником и уходит...

...Обратимся от рассказа об их привычках к чему-нибудь другому. Я присутствовал в Табарии при одном из франкских праздников. Рыцари выехали из города, чтобы поиграть копьями. С ними вышли две дряхлые старухи, которых они поставили на конце площади, а на другом конце поместили кабана, которого связали и бросили на скалу. Рыцари заставили старух бежать

¹ То есть в сторону Мекки, как этого требует мусульманский ритуал.

² Му'ин ад-Дин Апар — везир дамасских Буридов, покровитель Усамы.

³ Ас-Сахра (точнее, Куббет ас-Сахра — «Купол скалы») — так называемая Омарова мечеть, воздвигнутая в том месте, где, по преданию, была гора Мориа. В эпоху владычества крестоносцев эта мечеть была превращена в христианский храм.

наперегонки. К каждой из этих старух двигалось несколько всадников, которые их подгоняли. Старухи падали и подымались на каждом шагу, а рыцари хохотали. Наконец, одна из них обогнала другую и взяла этого кабана в награду.

Однажды в Набулусе я был свидетелем того, как привели двух франков для единоборства. Причина была та, что мусульманские разбойники захватили деревню около Набулуса. Франки заподозрили одного из крестьян и сказали: «Это он привел разбойников в деревню». Крестьянин убежал; король¹ послал схватить его детей. Тогда он вернулся и сказал королю: «Будь ко мне справедлив и позволь мне сразиться с тем, кто сказал про меня, что я привел разбойников в деревню». И король приказал владельцу разграбленной деревни: «Приведи кого-нибудь, кто сразится с ним».

Тот отправился в свою деревню, где был один кузнец, и он взял его и сказал: «Ты будешь сражаться на поединке». Ограбленный хозяин старался уберечь своих крестьян, чтобы ни одного из них не убили и хозяйство его не пропало бы.

Я видел того кузнеца: это был сильный юноша, но когда он шел, то часто останавливался, садился и просил чего-нибудь выпить. Другой же, который требовал поединка, был старик с твердой душой. Он произносил воинственные стихи и не думал о поединке. Виконт², правитель города, пришел на место битвы и дал каждому из сражавшихся палку и щит, а народ встал вокруг них, и они бросились друг на друга. Старик теснил кузнеца, а тот отступал, пока не оказывался прижатым к толпе. Потом старик возвращался в середину круга, и они бились до того яростно, что стали похожи на окровавленные столбы. Дело затянулось, и виконт торопил их и кричал: «Скорее!» Кузнецу помогло то, что он привык работать молотом. Старик устал, и кузнец ударил его. Старик упал спиной на свою палку, а кузнец стал над ним на колени, чтобы вырвать ему пальцами глаза, но не мог этого сделать, потому, что у него из глаз текло много крови. Тогда он поднялся и так ударил его палкой по голове, что убил. На шею старика сейчас же набросили веревку, потащили его и повесили. Хозяин

¹ Вероятно Фулько V Иерусалимский.

² В арабском тексте — транскрипция европейского титула.

этого кузнеца подарил ему поместье, посадил сзади себя на седло, взял с собой и уехал. Вот пример законов и суда франков, да проклянет их Аллах!

Однажды я отправился с эмиром Му'ин ад-Дином, да помилует его Аллах, в Иерусалим. По пути мы остановились в Набулусе. Там к Му'ин ад-Дину пришел один слепой юноша-мусульманин, хорошо одетый. Он принес Му'ин ад-Дину плодов и попросил разрешения поступить к нему на службу в Дамаске. Му'ин ад-Дин позволил ему, а я расспросил об этом юноше, и мне рассказали, что его мать была выдана замуж за франка и убила своего мужа. Ее сын заманивал хитростью франкских паломников и убивал их с помощью матери. В конце концов его заподозрили в этом и применили к нему франкский способ суда. Они поставили громадную бочку, наполнили ее водой и укрепили над ней деревянную перекладину. Затем подозреваемого схватили, привязали за плечи к этой перекладине и бросили в бочку. Если бы этот человек бы невиновен, он погрузился бы в воду, и его подняли бы с помощью этой веревки, и он не умер бы в воде. Если же он согрешил в чем-нибудь, то он не мог бы погрузиться в воду.

Когда этого юношу бросили в воду, он старался нырнуть, но не мог, и они его осудили, да проклянет их Аллах, и выжгли ему глаза.

Многие франки обосновались в наших землях и подружились с мусульманами. Эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще.

Вот пример. Однажды я послал своего товарища в Антиохию по делу. Главарем там был Теодор ибн ас-Сафани, с которым у меня была большая дружба. Он пользовался в Антиохии сильным влиянием. Однажды он сказал моему товарищу: «Один из моих франкских друзей пригласил меня к себе, ты пойдешь со мной, чтобы посмотреть на их обычаи».

«Я пошел с ним, — рассказывал мой товарищ, — и мы вошли в дом одного рыцаря. Это был один из старожилков, которые сюда прибыли во время первых походов франков¹. Его освободили от канцелярской и воен-

¹ Вероятно, речь идет о Первом крестовом походе и последовавших за ним в начале XII в. так называемых арьергардных крестовых походах.

ной службы, но у него были в Антиохии владения, доходами с которых он жил. Нам принесли прекрасно накрытый стол, чисто и хорошо приготовленные кушанья. Рыцарь увидел, что я воздерживаюсь от еды, и сказал мне: «Ешь, ублаготвори свою душу; я сам не ем ничего из франкских кушаний и держу египетских кухарок, я ем только то, что ими приготовлено, и в моем доме не бывает свиного мяса». Я стал есть, но был осторожен, а потом мы ушли. Однажды я проходил по рынку и ко мне привязалась какая-то франкская женщина. Она что-то бормотала на их языке, и я не понимал, что она говорила. Вокруг нас собралась толпа франков, и я убедился в своей гибели. Вдруг приблизился этот самый рыцарь... Он увидел меня, подошел ко мне и сказал, обращаясь к женщине: «Что у тебя с этим мусульманином?» — «Этот человек убил моего брата Урса!» — воскликнула она, а этот Урс был рыцарь в Апамее¹, которого убил кто-то из войска Хама. Рыцарь закричал на нее и сказал: «Этот человек бурджаси (т. е. купец), он не сражается и не принимает участия в бою». Он прикрикнул на собравшихся, и те рассеялись; тогда рыцарь взял меня за руку и пошел со мной. Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел...

...Я видел одного из крестьян аль-Джисра, когда он пришел к моему дяде. Он держал руку под платьем, и дядя сказал ему в шутку: «Что ты мне предназначаешь из добычи?» — «Я приготовил тебе лошадь с полным снаряжением, — ответил крестьянин, — кольчугу, щит и меч».

Он пошел и принес все это, и дядя взял снаряжение, а саму лошадь отдал крестьянину и спросил его: «Что с твоей рукой?» И крестьянин ответил: «О господин мой, я схватился с одним франком, но у меня не было ни доспехов, ни меча. Я опрокинул франка и так ударил его в лицо, покрытое стальным забралом, что ошеломил его. Тогда я взял его же меч и убил его им. Кожа у меня на пальцах полопалась, и рука так вспухла, что я не могу ею пользоваться».

Усама ибн-Мункыз. Книга назидания. М., 1958, стр. 81—82, 123—127, 145—147, 195—199, 208—209, 211—212, 215—218, 230.

¹ Апамея — город в 20 км к северу от Щейзара, принадлежавший франкам.

**ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
И ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
(1199—1204)**

**I. ПРОПОВЕДЬ И НАЧАЛО
ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА
ВО ФРАНЦИИ.
КРЕСТОНОСЦЫ И ВЕНЕЦИЯ**

**Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»**

1. Знайте, что в тысяча сто девяносто седьмом году¹ от воплощения нашего господина Иисуса Христа, во время Иннокентия III², апостолика Рима, и Филиппа³, короля Франции, и Ричарда⁴, короля Англии, был святой человек во Франции по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово божье во Франции⁵ и в других окрестных землях.

¹ См. прим. 5.

² Римский папа Иннокентий III (1098—1216). Виллардуэн, так же как Робер де Клари, называет его «апостоликом Рима».

³ Филипп II Август — французский король (1180—1223).

⁴ Ричард I Львиное Сердце — английский король (1189—1199).

⁵ То есть в Иль де Франс. Фульк, приходский священник в 1191—1202 гг., получил первоначальную известность в Париже, проповедуя против ростовщичества и разврата, о чем рассказывает французский хронист XIII в. Жак Витрийский. Называя 1197 год в качестве начальной даты проповеди крестового похода этим священником, автор придерживается счета времени по церковному календарю: в соответствии с ним год считался до праздника пасхи. Последняя приходилась тогда на 29 марта (1098). Поскольку Иннокентий III был избран папой 8 января, очевидно, что Фульк приступил к проповеди между 8 января и 29 марта 1098 г.

И знайте, что наш господь творил через него многие чудеса:

2. Знайте, что слава этого святого человека распространилась настолько, что дошла до апостолика Рима Иннокентия; и апостолик послал во Францию, и поручил [этому] благочестивому мужу, чтобы он проповедовал крест от его имени. И после того он отправил туда своего кардинала господина Петра Капуанского¹, принявшего крест; и поручил через него [давать] такое отпущение грехов, о котором я вам скажу: [те], кто возьмут крест и прослужат богу в войске один год, будут свободны от всех грехов, которые они совершили и в которых исповедовались. И так как это отпущение было весьма широким, то сердца людей сильно растрогались; и многие приняли крест потому, что отпущение было столь большим.

3. На следующий год² после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, звавшемся Экри³; и милостью божьей случилось так, что Тибо⁴, граф Шампани и Бри, принял крест, а также Луи, граф Блуасский и Шартрский⁵, и было это перед началом адвента⁶. Так вот, знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет,

¹ Петр Капуанский — папский легат при войске крестоносцев, кардинал-дьякон церкви св. Марии, позднее — кардинал-пресвитер церкви св. Марсилия. Иннокентий III направил его во Францию 14 августа 1198 г., одновременно распорядившись, чтобы духовенство содействовало сбросу денег на нужды крестового похода.

² То есть в 1199 г.

³ Экри на реке Эп, в Арденнах (в настоящее время — Асфельд Ла Виль, в 20 км к юго-западу от г. Ретеля).

⁴ Тибо III (род. в 1179 г.), граф Шампани и Бри, племянник Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце. Брат Тибо III — Генрих (Анри) II Шампанский занимал престол Иерусалимского королевства в 1192—1197 гг. Тибо III умер 25 мая 1201 г. Вместо него бароны избрали предводителем крестового похода маркиза Бонифация Монферратского.

⁵ Луи (род. в 1171 г.), граф Блуасский и Шартрский, один из предводителей крестоносцев, участвовавших в Четвертом крестовом походе. Его отец, граф Тибо V Блуасский, был участником Третьего крестового похода и умер под Акрой в 1191 г.

⁶ Адвент — в католицизме время приготовлений к рождественским праздникам (от лат. «адвентус» — «пришествие», т. е. «приход» в мир Иисуса Христа); описываемые события происходили 28 ноября 1199 г.

и графу Луи было не больше двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Филиппа¹, а также двоюродными братьями² и с другой стороны племянниками короля Англии³.

4. Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма высоких барона Франции, Симон де Монфор⁴ и Рено де Монмирайль⁵. Великая слава прошла по земле, когда эти два высоких мужа возложили на себя крест...

В гл. 5—7 перечисляются светские и церковные сеньоры, взявшие крест во владениях Тибо Шампанского, Луи Блуасского и в Иль де Франс.

8. В начале поста следующего года, в самый день пепла⁶, принял крест Бодуэн⁷, граф Фландрии и Эно — в Брюгге, и графиня Мария, его супруга, которая была сестрою графа Тибо Шампанского...

Далее в этой главе и в гл. 9—10 вновь перечисляются бароны и рыцари, изъявившие намерение идти в крестовый поход. В гл. 11—

¹ Тибо III — по линии своей матери Марии, Луи — по линии своей матери Аэль; обе были двоюродными сестрами Филиппа II Августа.

² Тибо III — со стороны своего отца Генриха Шампанского, Луи — со стороны своего отца Тибо V Блуасского; тот и другой — братья Алисы Шампанской, матери Филиппа II Августа.

³ Матери того и другого (Мария и Аэль) были двоюродными сестрами Ричарда Львиное Сердце. То есть Тибо и Луи были двоюродными братьями как по линии матерей, так и — отцов, ибо матери были сестрами, отцы — братьями между собой.

⁴ Симон IV, сеньор Монфора и Эпернона с 1181 г., вассал французского короля и родич Матье Монморанси.

⁵ Вассал французского короля.

⁶ В первую среду так называемого великого поста (ежегодный многодневный весенний запрет на употребление мясной, молочной и рыбной пищи) — 23 февраля 1200 г. По установлениям католицизма, во время богослужения в этот день священник осыпает головы верующих пеплом от сожженных верб, сопровождая сбряд произнесением библейской формулы, требующей от человека помнить, что он сотворен из праха и после смерти возвратится в прах («И возвратится прах в землю, чем он и был». — Екклесиаст, гл. 12, ст. 7).

⁷ Граф Бодуэн (Балдуин) IX (род. в 1171 г.), впоследствии — первый император Латинской империи (1204—1205).

14 автор мемуаров описывает организационную подготовку крестового похода видными французскими феодалами. Первое совещание собиравшихся отправиться на Восток состоялось в Суассоне и не дало результатов, второе — в Компьене, к северу от Парижа, на реке Уазе. Сам автор присутствовал на этих совещаниях. Чтобы заполучить корабли для переправы морем войска крестоносцев, сеньоры избрали в качестве послов в Венецию шесть знатных рыцарей (по двое — от Тибо Шампанского, Луи Блуасского и Бодуэна Фландрского), в их числе был и Виллардуэн. Ранней весной, в начале февраля 1201 г., посольство прибыло в Венецию, обладавшую самым большим на Западе морским флотом.

15. Дож Венеции, чье имя было Энрико Дандоло и который был мужем весьма мудрым и доблестным¹, оказал им большие почести, и он и другие горожане; и он принял их весьма доброжелательно. И когда они представили грамоты своих государей, он чрезвычайно изумился тому делу, по которому они прибыли в [его] страну. Грамоты были доверительные; графы просили верить им [послам] как лично им самим и обязывались исполнить все, что пообещают шестеро [послов].

16. И дож отвечал им: «Сеньоры, я ознакомился с вашими грамотами; мы удостоверились в том, что ваши сеньоры — самые знатные люди из тех, которые не носят короны², и они просят нас верить в то, что вы скажете, и [в то], что они твердо выполнят [условия], на которые вы пойдете. Ну, так скажите же, что вам угодно».

17. И послы отвечали: «Государь, мы хотим, чтобы вы созвали свой совет³, и завтра, если вам угодно, перед вашим советом мы вам скажем, о чем вас просят наши сеньоры». И дож им ответил, что он просит у них отсрочку на четыре дня; и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего добиваются.

18. Они переждали до четвертого дня, который он им установил; они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен, и нашли дожа и его совет [со-

¹ Речь идет, конечно, не о воинских доблестях престарелого дожа: Виллардуэн имеет в виду его выдающийся ум государственного деятеля.

² Корсну носили только короли и императоры, а герцоги, графы и бароны ее не имели.

³ Речь идет о «Синьории» — Малом, или частном, совете при доже, состоявшем из шести человек.

бравшимися] в особом покое и изложили свое поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от высоких баронов Франции, которые взяли знак креста, чтобы отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу, и отвоевать Иерусалим, если то соблаговолит бог. И поелику они знают, что никакой [другой] народ не имеет столь великого могущества, чтобы оказать им содействие, как вы и ваш народ, то они просят вас, бога ради, чтобы вы сжалились над Заморскою землею и [отомстили за] оскорбления [нанесенные] Иисусу Христу, и чтобы вы потрудились над тем, чтобы они могли иметь у вас корабли для перевоза и для войны».

19. «А на каком условии?», — произнес дож. — «На любых условиях, сказали послы, какие бы вы им ни предложили или присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». — «Конечно, сказал дож, это большое дело, которое они у нас попросили, и кажется, что они имеют в виду важное предприятие; мы вам дадим ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. И вы не удивляйтесь, если срок [так] велик; ибо следует много поразмыслить о столь великом деле».

20. В срок, который им назначил дож, они вернулись во дворец. Все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены, я не могу вам их передать; но заключение совещания было таково: «Сеньоры, сказал дож, мы сообщим вам решение, которое мы приняли, [прежде, чем] сумеем склонить наш Великий совет¹ и всю общину земли [нашей] одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, чтобы узнать, можете ли согласиться [на это].

21. Мы поставим грузовые суда² для перевоза четырех тысяч пятисот коней и девяти тысяч оруженосцев, а в кораблях³ — четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших воинов. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают про-

¹ Власть дожа контролировалась «Большим», или «Великим», советом, в ведении которого находились наиболее важные дела государственного управления, и «Малым» советом.

² Так называемые «юисье» — транспортные парусные корабли с глубоким трюмом, в который по перекидному мосту, через дверцы в задней части корпуса, можно было вводить коней прямо с причала.

³ Так называемые «нефы» — крупные вместительные суда, круглой формы, с несколькими мачтами и большими парусами; на передней и задней части палубы находились деревянные башни, «шато» («замки»). Нефы двигались медленно и отличались слабой маневренностью, неповоротливостью.

корм на девять месяцев. Вот что мы по меньшей мере сделаем на том условии, что нам заплатят с каждого коня четыре марки и с каждого человека две [марки].

22. И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить богу и христианству, в каком бы то месте ни было. Общая сумма этого расхода, только что указанного, составляет девяносто четыре тысячи марок.

23. А вот что мы сделаем сверх того: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер¹ из любви к богу², на условии, что до тех пор, пока наш союз будет существовать, от всех завоеваний, которые мы сделаем, будь то земли или деньги, на море или на суше, половину получим мы, а другую — вы. Теперь посоветуйтесь-ка, можете ли вы это выполнить и принять»³.

24. Послы вышли; и они сказали, что сообща переговорят об этом и ответят им назавтра. Они совещались и проговорили [всю] эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять [предлагаемые условия]; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он поговорит об этом со своими людьми, и к чему он придет, даст им о том знать.

25. На утро [следующего] третьего, дня⁴, дож, который был человеком мудрым и могущественным, созвал свой Великий совет; и совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим умом и талантом, который был у него весьма велик и весьма хорош, он склонил их [к тому, чтобы] одобрить и пожелать [выполнить] [его] предложение.

Сначала он их склонил таким образом, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласились и не одобрили. Наконец, он созвал, по крайней

¹ Галеры — длинные легкие гребные корабли (наподобие античных галер), оснащенные вместе с тем и парусами, которые, однако, имели для их движения второстепенное значение. Отличались большой подвижностью и маневренностью.

² То есть якобы безвозмездно.

³ Условия договора, как они переданы Виллардуэном, не вполне совпадают с содержанием самого текста договора, который сохранился. См. стр. 169 и сл.

⁴ То есть на следующий день после получения ответа послов и на третий день после того, как дож предложил им свои условия договора.

мере, сразу десять тысяч в церкви св. Марка¹, красивейшей из всех, какие только существуют; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню св. духа и молили бы бога просветить их насчет просьбы, с которой к ним обратились послы. И все весьма охотно исполнили это.

26. Когда окончилась обедня, дож отправил к послам и предложил им просить униженно весь народ, чтобы он согласился на утверждение этого договора. Послы явились в церковь. Их внимательно рассматривали многие люди, которые их никогда не видали.

27. Жоффруа Виллардуэн², маршал Шампани, по соглашению с другими послами и с их одобрения взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые высокие и могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинают вас проникнуться жалостью к Иерусалиму, находящемуся в порабощении у турок, и [они просят], чтобы вы, ради бога, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу. Обратились же они к вам, ибо знают, что ни один народ на море не имеет такого могущества, как вы и ваш народ. И они повелели нам припасть к вашим стопам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не сжалитесь над Святою землею за морем».

28. Тогда шесть послов склонились на колени, проливая обильные слезы, и дож и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздев высоко руки, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и грохот, что, казалось, проваливается земля.

29. И когда этот великий шум успокоился и [успокоилась] эта великая жалость, столь великая, что подобной никто не видал никогда, добрый дож Венеции, который был человеком мудрым и доблестным, взшел на кафедру, и говорил народу, и сказал ему [так]: «Сеньоры, посмотрите на честь, которую оказал вам бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей помощи, чтобы вместе [с вами] совершить столь великое дело, как освобождение нашего господ».

¹ Знаменитый собор, посвященный апостолу Марку, сохранился до настоящего времени.

² Автор говорит здесь о самом себе: он, вероятно, был главой посольства.

30. Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не умею вам их передать. Однако конец дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и переписаны. Когда они были изготовлены, на совете было разъяснено, что поход будет направлен в Вавилон¹, потому что с этой стороны турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А всем было объявлено, что отправятся за море². Тогда был великий пост³, [и постановили], что через год со дня св. Иоанна⁴, который был в 1202 году от воплощения Иисуса Христа, бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли [должны быть] готовы ко времени их прибытия [туда].

31. Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дожу в большой дворец, где находился Великий совет и Малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колено со слезами и клялся над святым Евангелием честно соблюдать соглашения, которые были [начертаны] в грамотах, и то же [сделал] его совет, который состоял из сорока шести особ⁵. И послы, в свою очередь, поклялись держаться своих грамот и что они доброй верой выполнят клятвы своих сеньоров и свои [собственные]. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих послов в Рим к папе Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно.

32. Тогда послы заняли в городе пять тысяч марок серебра и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они ехали несколько дней, от одного места к другому, пока не прибыли в Пьяченцу, [что] в Ломбардии. Там они разделились: Жоффруа Виллардуэн, мар-

¹ Имеется в виду египетский город Каир, на Западе называвшийся тогда Вавилоном.

² То есть конкретная цель похода присутствующим не была указана.

³ В 1202 г. великий пост был с 4 февраля до 21 марта.

⁴ 24 июня 1202 г.

⁵ Ранее, в гл. 25, автор указывает, что «Великий» совет состоял из 40 человек. Очевидно, здесь имеется в виду совместное заседание «Великого» и «Малого» советов.

шал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие пошли в Геную и в Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской Земле¹.

Geoffroi de Villehardouin. La conquête de Constantinople. T. I. Ed. E. Faral. Paris, 1939, p. 30—34.

Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»

I. Здесь начинается история тех, кто завоевал Константинополь; мы расскажем вам, кто они были и по каким причинам туда направились. Случилось так, что в это самое время святой отец Иннокентий был папой римским, а Филипп — королем французским²; был еще другой Филипп, который являлся императором Германии³, и от воплощения⁴ прошло тысяча двести три или четыре года. Жил в то время некий священник, — по имени Фульк, — он имел приход в Нейи, что в Парижской епархии⁵. Этот священник был человеком великого благочестия и превосходным церковнослужителем, и он ходил по стране⁶, проповедуя крестовый поход, и много людей следовали его проповеди, ибо он был столь благочестив, что господь бог творил через него много великих чудес. И этот священник собрал много денег, чтобы доставить их святой земле, что по ту сторону морей. И крест приняли тогда граф Тибо Шампанский, граф Фландрский...

¹ Послы отправились туда в расчете на то, что Пиза и Генуя, где еще раньше по указанию Иннокентия III была развернута проповедь крестового похода, окажут содействие крестоносцам. Однако, как известно из других источников, Генуя и Пиза, являвшиеся соперниками Венеции, отказались принять участие в крестовом походе.

² См. стр. 154, прим. 3.

³ Хронист именует императором германского короля Филиппа Швабского (Гогенштауфена) (1198—1208).

⁴ То есть рождества Христова, которое, по учению христианской церкви, представляло собой акт воплощения «слова божьего», или святого духа, в образ человека — Иисуса Христа.

⁵ См. стр. 154, прим. 5.

⁶ Имеется в виду Иль де Франс и другие области королевского домена во Франции.

Далее следует обстоятельный перечень известных автору светских сеньоров разного ранга и рыцарей, равно как и священнослужителей, изъявивших намерение по призыву Фулька из Нейи встать на «стезю господню»; мемуарист особо выделяет и поименно перечисляет баронов и рыцарей, принявших крест в его родной земле — Амьенуа, включая своего непосредственного сеньора Пьера Амьенского, «великолепного рыцаря, смелого и отважного».

...Ну, там было еще [то есть помимо упомянутых] столько других рыцарей — из Франции, и из Фландрии, и из Шампани, и из Бургундии, и из прочих земель, что мы не смогли бы перечислить вам всех рыцарей, смелых и доблестных; те, которых мы здесь назвали, были самыми богатыми людьми, и они носили знамя, и мы еще не назвали всех тех, кто носил знамя. А из тех, кто там совершил больше всего подвигов оружия и храбрости, — богатых или бедных, — мы сможем вам назвать некоторую часть.

Снова приводится перечень «богатых и бедных» рыцарей, причем вначале следуют имена знатных баронов, затем — простых рыцарей, среди которых находился, в частности, Айом де Клари, брат мемуариста...

...И те, коих мы здесь перечислили, это были те, кто там совершил более всего подвигов оружия и отваги; а многих других храбрых людей, конных и пеших, было столько тысяч, что числа их мы не ведаем.

II. Так собрались все графы и знатные бароны, которые приняли крест. Потом они созвали всех высоких сеньоров, взявших крест, и когда все собрались, посоветовались между собой, чтобы определить, кого они сделают своим предводителем и сеньором.

И они избрали графа Тибо Шампанского и поставили его своим сеньором; потом они разъехались, и каждый отправился в свою землю. А затем, не прошло и много времени, как граф Тибо скончался, и он оставил пятьдесят тысяч ливров крестоносцам и тому, кто после него станет предводителем и сеньором крестоносцев, дабы они [деньги] были употреблены, как того крестоносцы пожелают. А потом умер также господин Фульк, что причинило большое горе крестоносцам.

III. Когда крестоносцы узнали, что граф Шампанский, их сеньор, умер, и господин Фульк тоже, они были этим сильно опечалены, огорчены и обеспокоены, и однажды, собравшись в Суассоне, стали советоваться между

собой, что им делать и кого им поставить своим предводителем и сеньором. И они решили послать к маркизу Бонифацию Монферратскому в Ломбардию. Они направили туда добрых послов. Послы приготовились и поехали оттуда к маркизу. Когда они прибыли на место, то обратились к маркизу и сказали ему, что бароны Франции приветствуют его, [они] просят и умоляют его, во имя бога, явиться переговорить с ними в тот день, который они ему назначили. Услышав это, маркиз был сильно удивлен, что его пригласили бароны Франции. И он ответил послам, что посоветуется об этом [деле] и на завтра даст им знать, что он решил сделать по этому поводу. И он устроил послам пышное празднество. Когда наступил следующий день, маркиз сказал им, что он поедет переговорить с ними [баронами] в Суассон в тот день, который они ему определили. И послы распрощались и возвратились назад. А маркиз предложил им [взять] из его коней и из его сокровищ, но они ничего взять не захотели. И когда они воротились, то дали баронам знать, что содеяли. Итак, маркиз приготовился к поездке и перевалил через горы и Мон Жу¹ и прибыл в Суассон во Франции. Наперед он известил баронов о своем прибытии, и бароны встретили его и устроили ему пышное празднество.

IV. Когда маркиз прибыл в Суассон, он спросил у баронов, почему они его позвали. И бароны посоветовались и сказали ему: «Сеньор, мы позвали вас потому, что граф Шампанский, наш сеньор, который был нашим предводителем, умер; и мы пригласили вас как самого умудренного опытом и доблестного человека, какого мы [только] знаем, такого, который мог бы лучше всего подействовать в походе по стезе господней, предпринятом для служения богу. Мы все просим вас также, бога ради, быть нашим сеньором и из любви к богу, взять крест». И при этих словах бароны преклонили перед ним колени и сказали ему, чтобы он не утруждал себя изысканием денег, потому что они отдадут ему большую часть денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский. Маркиз сказал, что обсудит [предложение]; и когда он посоветовался, то ответил, что возьмет крест из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле. А епископ Суассонский² был уже наготове и дал ему

¹ Мон Жу — Сен-Бернарский проход в Альпах.

² Епископ Невелен Суассонский. В I главе Робер де Клари на-

крест. И когда он взял его, тогда ему вручили двадцать пять тысяч ливров из тех денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский.

V. Когда маркиз взял крест, он сказал баронам: «Сеньоры, — сказал маркиз, — куда желали бы вы направиться и в какую землю сарацин хотели бы пойти?» Бароны ответили, что они не хотят идти в страну Сирию, ибо не смогли бы там добиться ничего путного; они думают отправиться в Вавилон¹ или в Александрию, в самую сердцевину стран сарацин, туда, где они сумели бы причинить им наибольший вред; и они намерены нанять флот, который всех их перевез бы туда. Тогда маркиз сказал, что это хороший план, и что он охотно присоединяется к нему, и что нужно для этого направить добрых послов, выбранных из лучших [имеющихся] среди них рыцарей, в Пизу, в Геную и в Венецию; все бароны согласились с этим планом.

VI. Тогда они избрали своих послов; все решили, что туда должны отправиться мессир Конон Бетюнский и маршал Шампанский²; выбрав своих послов, бароны разъехались, и маркиз уехал в свою землю, и каждый из остальных тоже. А послам поручили нанять корабли для перевозки четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пеших воинов³. Послы приготовились к своей поездке и отправились в нее без промедления. Они прибыли в Геную и поведали генуэзцам [о своем деле] и сказали им, чего они добиваются, и генуэзцы сказали, что они никоим образом не могут прийти им на помощь в этом деле. Затем послы отправились в Пизу и обратились к пизанцам, и те ответили им, что у них не хватило бы достаточного количества судов и что они ничего не смогли бы сделать. Потом, наконец, они отправились в Венецию, и поведали дожу Венеции⁴ [о своем

зывает имя этого церковнослужителя первым в перечне французских и немецких князей церкви, изъявивших готовность отправиться в крестовый поход.

¹ То есть в Каир.

² Имеется в виду Жоффруа Виллардуэн, впоследствии — историк Четвертого крестового похода.

³ Первая цифра близка к той, которая фигурирует и в договоре крестоносцев с Венецией от 1201 г.: по договору она обязалась поставить флот для перевезки 4500 рыцарей. Вторая цифра — 100 тысяч пехоты — вымысел Робера де Клари: текст договора называет цифры в 9 тысяч щитоносцев и 20 тыс. пехоты.

⁴ Венецианский дож Энрико Дандоло (1193—1205).

деле] и сказали, для чего они приехали, [а именно], что они хотят обеспечить перевоз четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пехотинцев. Услышав то, дож сказал, что посоветуется об этом деле, ибо столь крупное предприятие нужно хорошенько обдумать. Итак, он созвал всех высоких советников города, и переговорил с ними, и поведал им, что у него попросили [послы]. И когда они хорошенько обсудили, дож тогда ответил послам и сказал им: «Сеньоры, мы охотно заключим с вами сделку, и мы поставим вам достаточный флот за сто тысяч марок, если вам угодно, договорившись, что вместе с вами отправлюсь и я, а также половина тех, кто во всей Венеции способен носить оружие, и на условии, что мы получим половину всех завоеваний, которые будут там добыты; и мы поставим вам, [кроме того], за наш счет пятьдесят галер, и в течение года с того дня, который мы вам назначим, мы перевезем вас в ту страну, какую вы пожелаете, будь то Вавилон или Александрия». Когда послы это услышали, они отвечали, что сто тысяч марок — это чересчур дорого; и они столь успешно поторговались, что заключили сделку за восемьдесят семь тысяч марок; дож, венецианцы и послы поклялись исполнить этот договор. Затем дож сказал, что хотел бы получить задаток в двадцать пять тысяч марок, чтобы начать постройку флота; и послы ответили, чтобы он направил вместе с ними во Францию [своих] послов и что они им охотно уплатят двадцать пять тысяч марок. После чего послы распрощались и уехали; дож же послал вместе с ними знатного мужа из Венеции для получения задатка.

VII. После того дож приказал огласить по всей Венеции свое распоряжение: пусть никакой венецианец никоим образом не осмеливается заниматься торговлей, но пусть все помогают строить флот; так они и сделали. Они начали сооружать самый богатый, какой когда-либо видели, флот.

VIII. Когда послы воротились во Францию, они дали знать, что вернулись. Тогда пригласили всех баронов-крестоносцев явиться в Корби. И когда все они там собрались, послы сказали, чего они добились. Когда бароны слышали их, они были этим сильно обрадованы, и целиком одобрили [то], что [послы] совершили, и оказали большие почести посланцам дожа Венеции, и вручили им деньги графа Шампанского и деньги, которые

собрал господин Фульк, а потом граф Фландрский добавил из своих денег, так что вышло двадцать пять тысяч марок. И их вручили послу дожа Венеции и дали ему добрую охрану для сопровождения его до его страны.

IX. Потом было велено всем крестоносцам из всех земель отправиться в дорогу на пасху с тем, чтобы прибыть в Венецию непременно между Пятидесятницей¹ и августом месяцем. Так они и поступили. И когда прошла Пасха, они прибыли все до одного. И много было отцов и матерей, сестер и братьев, жен и детей, которые сильно печалились из-за отъезда тех, кого они любили.

X. Когда все пилигримы собрались в Венеции и увидели богатый флот, который был построен, богатые нефы, большие галиоты и юисье для перевозки коней, и галеры, они сильно дивились [этому] так же, как и большим богатством, которое встретили в городе. Увидев, что не могут все в нем разместиться, они посоветовались между собой и решили расположиться на острове св. Николая², который целиком был окружен морем и находился на расстоянии одного лье от Венеции. Пилигримы отправились оттуда на остров — разбили там свои палатки и устроились наилучшим образом, как только могли.

XI. Увидев, что все пилигримы прибыли, дож Венеции созвал всех венецианцев. И когда они все явились, он распорядился, чтобы половина из них снарядилась и приготовилась погрузиться на корабли вместе с пилигримами. Когда венецианцы услышали это, одни возрадовались, другие сказали, что не могут идти [в поход]; и они не могли достигнуть согласия о том, как половина из них сумела бы отправиться [в поход]. Дело дошло до того, что бросили жребий...

[следует описание жеребьевки среди венецианцев].

Едва только пилигримы расположились на острове св. Николая, дож Венеции и венецианцы направились для переговоров с ними, и они потребовали уплаты обусловленной суммы за наем флота, который они снарядили. И дож тогда сказал им, что они поступили пло-

¹ Церковный праздник, иначе — Троица. См. стр. 178, прим. 1.

² Остров Лидо вблизи Венеции.

хо, ибо запрашивали через своих послов подготовить флот на четыре тысячи рыцарей с их снаряжением и на сто тысяч пеших воинов, а из этих четырех тысяч рыцарей пришло не более одной тысячи, потому что прочие отправились в другие гавани; что же до ста тысяч пеших воинов, то явилось не более пятидесяти или шестидесяти тысяч. «Вот почему мы хотим, — сказал дож, — чтобы вы уплатили нам деньги, о которых мы договорились». Услышав такое, крестоносцы стали совещаться и порешили между собой, что каждый рыцарь уплатит четыре марки [за себя] и за каждого коня — четыре, и каждый конный оруженосец — две марки, и что тот, кто даст самую малую сумму, даст одну марку. Собрав эти деньги, они уплатили их венецианцам, но еще осталось уплатить пятьдесят тысяч марок. Когда дож и венецианцы увидели, что пилигримы не заплатили им больше, все они были разгневаны, так что дож сказал им [крестоносцам]: «Сеньоры, сказал он, на наш взгляд, вы поступили худо, ибо как только ваши послы заключили сделку со мной и моим народом, я повелел, чтобы ни один купец во всей моей земле не занимался торговлей, но чтобы они пособляли подготовить флот, и с тех пор они приложили к этому [свои] старания и вот уже целый год с половиной и более ничего не заработали на этом. Мало того, они много израсходовали на это [дело]; поэтому мои люди желают, и я также, чтобы вы уплатили нам деньги, которые вы нам должны. Если вы этого не сделаете, то знайте, что вы не двинетесь с этого острова до того мгновения, пока мы не получим свое, более того, вы не найдете никого, кто бы принес вам питье и еду». Дождь был многоопытным человеком и потому не позволял доставлять им в достаточном количестве питье и еду.

XII. Когда графы и простые воины-крестоносцы услышали, что сказал дож, они весьма приуныли и почувствовали себя в весьма затруднительном положении, и тогда учинили вторичный сбор [денег] и заняли сколько могли у тех, у кого, как они считали, имеются деньги. Тогда они уплатили (собранную сумму) дождю и, когда произвели ее уплату, осталось недоплаченными еще тридцать шесть тысяч марок; и тогда они им (крестоносцы—венецианцам) сказали, что их [крестоносцев] дела плохи, и что войско сильно обеднело из-за этой уплаты, которую они произвели, и что у них больше нет денег для

уплаты, но что у них осталась лишь малая толика для содержания рати. Увидев, что они [действительно] не могут выплатить все деньги, но сильно огорчены этим, дож переговорил со своими и сказал им: «Сеньоры, если мы отпустим этих людей уйти восвояси, то навсегда прослышем дрянными обманщиками. Пойдемте-ка лучше к ним и скажем им, что если они хотят вернуть нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые они нам должны, из первых же завоеваний, которые они произведут и которые составят их долю, то мы перевезем их за море». Венецианцы согласились поступить так, как сказал дож. Они тотчас же направились к пилигримам туда, где те располагались. И когда они туда явились, дож сказал пилигримам: «Сеньоры, — сказал он, — мы, мои люди и я, рассудили таким образом, что если вы хотите законно гарантировать нам, что уплатите нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые вы нам должны, из первой же добычи, которую вы захватите как свою часть, то мы перевезем вас за море». Когда крестоносцы услышали, что им сказал и что определил дож, то они весьма возрадовались, и припадали к его стопам от радости, и клялись ему, что весьма охотно сделают то, что дож им определил. После чего они устроили столь большое веселье ночью, что не было ни одного бедняка, который не возжег бы большого факела, и они носили на остриях копий большие светильники вокруг своих палаток и внутри [них], так что казалось, что все войско объято пламенем.

Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Ed. Ph. Lauer. Paris, 1924, p. 1—12.

Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую землю (апрель 1201 г.)¹

Многokrатно сообщалось, что [некогда] земля Иерусалимская была захвачена язычниками и [затем], ког-

¹ Текст этого договора приводится в хронике венецианского историка XIV в. Андреа Дандоло. Автор сообщает вначале о том, как на десятом году правления дожа Энрико Дандоло в Венецию прибыли послы крестоносцев, которые вступили с ним в переговоры;

да и как то было угодно господу, освобождена во хвалу [его] и к его славе¹. В наше время, однако, население этой страны вновь впало в столь плачевное состояние, что Иерусалим, где покоилось [когда-то] почитаемое тело [господа], взят врагами креста Христова, приумножающими тьму нечестивых деяний, причиненных ему; взяты [также] другие города и крепости, так что сохранилось лишь немного таких мест, которые не попали бы под их владычество². Мы не должны думать, что это произошло в силу несправедливости разящего судии³, но вернее [это случилось, как надо считать], из-за несправедности провинившегося народа, ибо читаем [в книгах], что когда народ обращался к господу, то один человек заставлял отступать тысячу, а двое гнали (перед собой) десять тысяч⁴. Ибо если бы господь хотел, то [своим] бесценным приговором он покарал бы [за] причиненное ему зло; но он весьма желал испытать христиан и показать им, что коль скоро находится кто-либо, кто разумеет бога или устремляется к нему [душой], то такой человек с радостью восприимлет ниспосланную ему в определенное время кару, и берет меч и щит, и поднимается на подмогу [всевышнему]. Многие князья, а именно римский император⁵, короли Франции⁶ и Англии⁷, герцоги, маркизы, графы и бесчисленные бароны, а так-

затем, передав вкратце основное содержание соглашения, заключенного Венецией с предводителями крестоносцев, и отозвавшись в похвальном тоне о твердом исполнении условий этого договора со стороны дожа, отметив также, что во время отсутствия последнего в Венеции его заменял сын — Райнерий Дандоло, хронист помещает самый текст договора.

¹ Имеется в виду завоевание Иерусалима крестоносцами, участниками Первого похода, в 1099 г.

² Речь идет об успехах арабов в борьбе против завоевателей-крестоносцев, в особенности об успехах, одержанных после разгрома сил Иерусалимского королевства в битве при Хаттине и захвата Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г.

³ То есть бога.

⁴ Авторы этой преамбулы договора имеют в виду, в первую очередь, библейские легенды подобного рода, но, возможно, также и гиперболизированные хронистами XII в. известия о подвигах «святых» рыцарей, участников Первого крестового похода. «Героические» сказания об их деяниях, о победах немногих крестоносцев над целыми армиями «неверных» и пр. получили в XII в. широкое распространение на Западе.

⁵ Фридрих I Барбаросса.

⁶ Филипп II Август.

⁷ Ричард I Львиное Сердце.

же прочие, опоясавшись силой меча, поспешили на освобождение Святой земли, но поскольку они не были вполне единодушны в [деле] служения [богу], то мало [в чем] преуспели в этих краях¹.

Итак богу угодно было в настоящее время внушить вам, светлейшим князьям, графам Балдуину Фландрскому и Эно², палатину Теобальду Труасскому³, Людовику Блуасскому и Клермонскому⁴ и другим мужам [столь же] благородной крови, дабы, осененные знаменем креста, подняли меч во служение ему⁵, против нечестивых деяний варваров. Посему, зрело поразмыслив и не видя, что иное могло бы оказать столь серьезную помощь Святой земле и обуздать врагов, кроме того, чтобы волей божьей вы соединились с нами и мы совместно предприняли бы это служение [богу], — вы направили к нам весьма благородных мужей Конона Бетюнского, маршала Гауфреда⁶, Иоанна де Фригес⁷, Аларда Макерельского, Милона де Провэн и Гвальтера де Гаудонвилла со смиренной мольбой, чтобы мы, руководствуясь божественным милосердием, дали вам совет и помощь⁸ в этом деле; [и было заявлено], что вы полностью изложите ваши пожелания и намерения и что вы пожелаете сделать все согласно нашей воле и [нашему] совету, который будет дан.

Выслушав [все] это, [что было говорено] послами и сказано во врученных нам с вашей стороны грамотах, мы, Энрико Дандоло, милостью божьей дож Венеции, Далмации и Кроации, приняв, что следовало, с [подобающими] почестями и быстротою, возрадовались во глубине души нашей и вспомнили наших предшественни-

¹ Здесь подразумеваются события Третьего крестового похода 1189—1192 гг., завершившегося полупоражением крестоносцев, которое было обусловлено, главным образом, взаимной враждой крупнейших западных государств, выславших крестоносные армии на Восток.

² Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно, с мая 1204 г. — первый государь основанной крестоносцами Латинской империи.

³ Граф Тибо Шампанский.

⁴ Граф Луи Блуасский.

⁵ То есть богу.

⁶ Так в латинской транскрипции именуется здесь маршал Жоффруа Виллардуэн из Шампани.

⁷ Латинская транскрипция имени Жаана Фриэзского, упоминаемого в мемуарах Жоффруа Виллардуэна.

⁸ «Дать совет и помощь» — традиционная формула обращения в практике взаимоотношений между феодалами.

ков¹, которые в надлежащее время великодушно приходили на помощь Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения господина, удостоились славы и почета. Мы тщательно выслушали ваши просьбы, почитая господина и следуя движению сердца и всей души, еще и вследствие обращения верховного понтифика², который весьма часто с отеческой заботливостью увещевал нас об этом, а также потому, что мы не сомневаемся [в том], что вы хотите потрудиться [ради дела бога] преданно, с чистыми помыслами и верностью.

Итак, названные выше послы просили, чтобы мы предоставили вам флот для перевоза четырех тысяч пятисот хорошо вооруженных рыцарей и стольких же коней, и девяти тысяч щитоносцев (притом, если этих щитоносцев не достанет, то сумма денег, названная ниже, не должна быть уменьшена), и двадцати тысяч хорошо вооруженных пехотинцев, со съестными припасами, [сроком] на один год, что мы и обещали им предоставить.

Продовольствие на одного человека будет [таково]: каждому — шесть секстариев хлеба, и мукой, и зерном, и овощами, и пол-амфоры вина. А на каждого коня — три венецианской меры модия [корма], воды же — сколько потребуется. Для перевоза указанных выше коней мы должны поставить столько уссериев³, сколько соответственно будут необходимы. [Что же касается] судов для перевоза людей, [то] мы дадим [их] столько, сколько сообразно определению нашему и баронов наших, сделанному по совести, будет достаточно.

И этот вышеупомянутый флот должен быть поставлен в течение одного года, начиная с праздника святых апостолов Петра и Павла⁴, грядущего к чести бога и блаженного апостола и евангелиста Марка⁵ и [все-го] христианства, если это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится только нашей и вашей общей волей.

¹ Имеются в виду прежние венецианские дожи.

² Так в средние века именовали папу римского (здесь имеется в виду Иннокентий III).

³ Уссерии (соответствуют «юсье» французских авторов) — корабли, в трюмах которых перевозились лошади.

⁴ 29 июня 1201 г.

⁵ Апостол Марк, которому церковь приписывает авторство одного из евангелий, считался покровителем Венеции. Последняя поэтому нередко именуется в источниках городом или республикой св. Марка.

Сверх того, однако, и мы [сами] по собственному желанию должны выставить для служения божьего пятьдесят вооруженных галер, которые точно так же будут [находиться] на службе господа в течение года, коль скоро это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится лишь нашей и вашей волей.

За это вы обязуетесь уплатить нам восемьдесят пять тысяч марок чистого серебра кельнской меры, которая употребляется в нашей земле; из этой суммы мы должны получить пятьдесят тысяч марок к августовским календам¹; другие десять тысяч — между этим сроком и праздником всех святых²; еще десять тысяч — ко дню очищения блаженной [девы] Марии³. Остальные пятнадцать тысяч марок мы должны получить, начиная с этого дня и в течение всего ближайшего месяца апреля⁴. А в течение всего этого месяца и люди и кони со всем необходимым снаряжением должны прибыть в Венецию для перевоза; и они должны отправиться [в поход] и находиться на службе бога один год, если будет сочтено целесообразным и [условие это] сохранится только нашей и вашей волей.

Не следует упускать из виду [и то], что вы не должны приобретать съестное [где-либо] между Кремоной и Венецией, а также между Болоньей, Иммолой, Фавенцией и Венецией иначе как с нашего согласия.

И между нами и вами должно быть такое прочное сдвинение, что мы должны хорошо обходиться с вами, а вы — с нами.

Если же по соизволению божьему мы сообщаем или порознь добудем что-либо силою или по договору, то из всего этого мы должны получить половину, а вы — другую половину.

Все выше изложенное послы ваши, упомянутые [ранее], от своего имени, а также за ваши души скрепили клятвою на святом Евангелии божьем; [они поклялись], что вами и ими [все это] будет соблюдено, что и вы сами таким же образом поклянетесь в том, что выполните [упомянутые условия], и заставите поклясться ваших баронов в том, что они [их] выполняют, и всю рать,

¹ К 1 августа 1201 г.

² 1 ноября 1201 г.

³ 2 февраля 1202 г.

⁴ То есть в течение апреля 1202 г.

которая будет выставлена с вашей стороны, если [на то] сохранится наша воля. Если сможете, вы склоните также поклясться в том же господина короля Франции¹.

Мы же [со своей стороны] поклялись в том, что исполним все, что обязались дать вам согласно сказанному выше о флоте, если будет соблюдено то, что было нам обещано с вашей стороны, и все прочее, записанное в этом соглашении; равным образом в этом поклянутся и наши бароны. А если мы не явимся с упомянутым выше войском, [тогда] те, кто заменят нас², в этом предприятии, поклянутся выполнить [договоренное] и заставят поклясться [в этом] всех прочих, кто будет с нашей стороны в этом войске, коль скоро [на то] будет ваша воля.

Относительно же нашей воли и воли ваших послов насчет [всего] сказанного постановлено, что надлежит избрать по шесть мужей с каждой стороны с тем, чтобы в случае возникновения какого-либо осложнения между нашей и вашей ратью, да отвратит его бог, они уладили бы [споры], приведя [всех] к согласию; и это они также будут совершать под клятвою и по совести.

Вы добьетесь также того, чтобы получить от господина папы грамоту об этом соглашении, заключенном подобным образом, с тем, чтобы, если какая-либо из сторон отступит от этого договора, на нее была бы возложена та доля наказания, которую она по справедливости должна нести.

Для того же, чтобы все написанное обрело прочность, мы повелели скрепить этот текст печатью, выдавленной нашей свинцовой буллой.

Акт совершен в Венеции, в Риво Альто, во дворце упомянутого господина дожа. Писано рукой Андреа Конрадо, пресвитера и канцлера нашей курии, в год от воплощения господа тысяча двести первый, месяца апреля, четвертого индикта³.

¹ Имеется в виду Филипп II Август, который, однако, как известно, не принял непосредственного участия в Четвертом крестовом походе.

² То есть другой дож, который сменит престарелого Энрико Дандоло (ему было тогда за 90 лет).

³ Индикт — средневековая мера отсчета годов по пятнадцатилетним циклам. Система индиктов была введена в период Позднеримской империи. В разных христианских странах начальная дата индикта была неодинаковой. В Риме до 1087 г. ею считалось 1 сентября, затем — 1 января или 25 декабря («рождество Христово»).

Я, Вивиан, пишец-нотарий и судья господина Генриха, римского императора, видел и читал подлинник этого [договора], ничего не добавил и не сократил, сохранив лишь то, что нашел, доподлинно скопировал это в сию книгу, собственноручно скрепил и подписал.

Pactum domini Balduini comitis Flandrensis, et Theobaldi comitis Trecensis, et Lodovici comitis Blesensis, factum cum praefato domini Henrico Dandulo, Duce Venetiae pro passagio Terre Sanctae. — В кн.: G. L. Tafel, G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Aufziehung auf Byzanz und die Levante. Amsterdam, 1964, S. 362—368.

II. ПРОПОВЕДЬ И НАЧАЛО ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского

II. ...В то самое время, когда сей достоправный французский проповедник по имени Фулько Парижский побуждал своими проповедями все племена франков, всю Фландрию, Нормандию и Бретань, а также другие области к оказанию помощи Святой земле и прежде всего прекрасному граду Иерусалиму, долго находившемуся под владычеством варваров, жил в Верхней Германии некий муж Мартин, аббат цистерцианского монастыря, что расположен в Базельском епископстве и называется также Пэрисским¹. Уже по самому началу два эти обстоятельства, казалось, заключали [в себе] нечто чудесное: ибо как тот, кто уже проповедовал слово креста, так и тот, кто спустя некоторое время должен был стать его проповедником, оба эти мужа, говорю я, равные по выполняемому [ими] служению, имели и одина-

¹ Имеется в виду монастырь Пэрис в Вогезах (совр. Эльзас). Оба названия — «Париж» и «Пэрис» — на латинском языке имеют одинаковое начертание: «Parisius».

ковое прозвание — «из Парижа»; только один [получил его] по имени своего города, откуда был родом, а другой — по имени обители, которую возглавлял как духовный отец. Ибо каждое из этих мест, то есть и упомянутый монастырь.., и прославленный город франков, именуется Парижем.

...Ныне эта церковь¹, милостью господ, который из праха подымлет своих бедняков², пользуется известностью, богата землями и добром, украшена строениями и, что важнее всего, ночью и днем верно служит богу.

Аббат же, о котором мы говорим, хотя и являлся мужем пожилым, но обладал приятным лицом, был умен в совете, общителен, красноречив, кроток и полон смирения среди своей братии и, подобно каждому из монахов, имел немалое влияние на мирян, и, доступный [в обращении], был чтим и любим теми и другими³.

Аббат сей получил поручение от верховного понтифика⁴ Иннокентия, который стоял тогда во главе святой римской церкви, будучи третьим под этим именем, самому, не колеблясь, принять крест⁵ и [взяться] всенародно проповедовать его другим в своей округе. Аббат в том и другом повиновался папскому повелению. Он тотчас ревностно и с полной убежденностью приступил к проповеди — всем на диво, ибо его считали человеком хилого сложения, непригодным к таким трудам. Так держал он речь перед духовенством и народом в своем городе, называемом греческим словом Басилей⁶, что значит королевский город, а именно в знаменитом храме святой девы Марии, куда, возбужденная новыми слухами, собралась масса людей из обоих сословий⁷. Ведь они уже давно прослышали⁸ [о том], что другие окрест-

¹ Монастырь Пэрис.

² Цитата из Библии: I книга Царств, гл. 2, ст. 8.

³ То есть духовенством и мирянами.

⁴ См. стр. 172, прим. 2.

⁵ То есть принять обязательство (обет) отправиться в крестовый поход.

⁶ То есть Базель. По-гречески «басилейя» — царская.

⁷ Хронист имеет в виду духовенство и мирян.

⁸ Послание Иннокентия III с призывом к крестовому походу было направлено в разные страны еще 31 декабря 1199 г. Проповедь аббата Мартина относится, видимо, к лету 1201 г.

ные земли побуждаются [собирающими множество народа] проповедями [ко вступлению] в воинство христово; в сей же местности еще никто не обмолвился об этом ни [единым] словом. Потому-то и столь многие из них ожидали такого призыва с горячим желанием, готовые душой вступить в рать христову. Так стояли все они с разверстыми ушами, устремив прямо на него свои взоры, и весьма жадно вслушивались [в его слова, ожидая], что он повелит, или в чем будет увещевать, и что из божественной благодати пообещает тем, кто изъявит охоту [последовать его велениям].

III. ...Слушая эти слова достопочтенного мужа, все присутствовавшие были сильно взволнованы. Ты мог бы увидеть слезы, обильно текущие как по его лицу, так и по лицам всех прочих; услышал бы стенания, рыдания, вздохи и прочее в подобном же роде, которые были знаком внутреннего потрясения.

В гл. IV повествуется о том, как аббат Мартин, взяв на себя не только заботу о душах будущих крестоносцев, но и руководство ими, назначил срок выступления из Базеля — сборного пункта — и продолжил проповеди в других, прежде всего многонаселенных, местах. Затем, в сентябре 1201 г., аббат отправился в Сито — главную резиденцию монашеского ордена, получил у его аббата и капитула дозволение идти в поход и вернулся восвояси, где вновь стал вести проповедь крестового похода. В начале гл. V хронист говорит о выступлении в поход отряда крестоносцев, предводительствуемых Мартином, которые весной 1202 г., выйдя из Базеля, избрали дорогу, требовавшую наименьших усилий и самую краткую — она вела через узкие проходы в Альпах к итальянскому городу Вероне.

V. ...Их опережала такая громкая, шумная молва, что навстречу им толпами поспешали не только те [люди], через чьи земли проходил их путь, но и жители [других] деревень и городов, [которые] принимали их весьма благосклонно и с дружелюбием, доставляя им по умеренным ценам необходимые съестные продукты. Особенно поражались они Мартину, потому что этот человек, одетый в монашеское платье и живший исключительно духовной жизнью, вел вооруженную рать и сам с таким пылом отдавался столь утомительным трудам...

...Когда [они] прибыли в Верону, воины-пилигримы вместе со своим предводителем были с величайшей ра-

Достью встречены как населением города, так и массой других крестоносцев, множество которых собралось сюда со всех концов света.

Пробыв в Вероне около двух месяцев, воины-пилигримы направились к Венеции.

Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana. — В кн.: P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, t. I. Genevae, 1877, p. 60—65, 67—70.

III. КРЕСТОНОСЦЫ В ВЕНЕЦИИ. ЗАВОЕВАНИЕ ЗАДАРА. ПОЗИЦИЯ ПАПСТВА

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»

47. После Пасхи, около Пятидесятницы¹, пилигримы начали отправляться из своих земель. И знайте, что много было пролито слез жалости, когда они покидали свои края, их люди и их друзья... Так отправились они через Бургундию и горы Монжьо², через гору Сенис³ и Ломбардию. И таким образом начали они собираться в Венеции и размещались на некоем острове, который именуется островом св. Николая⁴ [и находится] в гавани...

Далее автор рассказывает о тех отрядах крестоносцев, которые, сев на корабли во Фландрии, поплыли было в Венецию через Гибралтар, но не сдержали слова, данного сеньорам — графу Бодуэну Фландрскому и Генриху д'Эно, — и, убоявшись опасностей, которым подверглись те, кто связал себя с Венецией, направились в Сирию, минуя этот город⁵.

¹ Пятидесятница, иначе Троица, — церковный праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи. В 1202 г. этот день приходился на 2 июня.

² Монжьо — см. стр. 164, прим. 1.

³ Гора в Альпах, через которую шла дорога ст Лиона до Туринна.

⁴ См стр. 167, прим. 3.

⁵ Они предполагали попасть в порт Бриндизи, откуда обычно паломники отплывали в Палестину.

51. Больше мы не станем говорить вам о них и расскажем о пилигримах, большая часть которых уже прибыла в Венецию. Там уже был граф Бодуэн Фландрский¹ и многие другие. Тут к ним пришло известие, что многие пилигримы направились другими дорогами в другие гавани; и они были весьма встревожены [этой новостью], ибо [вследствие этого] не могли бы выполнить договора и заплатить венецианцам деньги, которые были им должны.

52. И они порешили, посоветовавшись друг с другом, отправить надежных послов навстречу пилигримам, навстречу графу Луи Блуасскому² и Шартрскому, который еще не прибыл, чтобы ободрить их и умолить их сжалиться над святою Заморскою землею, и напомнить им, что им невыгодна никакая другая дорога, кроме как через Венецию.

53. Для этого посольства были избраны граф Юг де Сен-Поль и Жоффрау, маршал Шампани; и они шли до Павии в Ломбардии³. Там они застали графа Луи с большим числом добрых рыцарей и пеших воинов. Их увещевания и их мольбы склонили отправиться в Венецию многих людей, имевших намерение пойти другими путями в другие гавани.

54. Тем не менее из Пьяченцы много добрых людей пошли другими дорогами в Апулию (следует перечень имен рыцарей, среди которых упоминается Жилль де Тразеньи, вассал Бодуэна Фландрского: последний дал ему из своих денег пятьсот ливров, чтобы он шел с ним в поход). Вместе с ними отправилось множество рыцарей и пеших людей, имена которых не записаны.

55. Это обстоятельство нанесло большой ущерб тем, которые отправились в Венецию, и было причиною большого для них несчастья, о чем вы можете скоро услышать.

56. Таким образом, граф Луи и другие бароны отправились в Венецию; и они были приняты там с великим торжеством и с великой радостью и расположились на острове св. Николая вместе с прочими [пилигримами]. Сколь прекрасно было это войско и какие превос-

¹ Еще в апреле 1202 г. граф Фландрский проходил через Клерво.

² Луи Блуасский отправился в путь несколько позднее Бодуэна — 4 мая 1202 г. он был еще в Шартре.

³ Павия расположена на дороге от горы Сенис к Венеции.

ходные [это были] люди; никогда никто не видел ни столько-то воинов, ни такого отличного войска; и венецианцы продавали им [все] в таком изобилии, что хватало всякого добра, которое нужно было для коней и для людей; и корабли, изготовленные ими, были столь богаты и прекрасны, что никогда еще ни один христианин не видел ничего более богатого и прекрасного; галер и грузовых кораблей было в три раза больше, нежели сколько требовалось для пилигримов.

57. Ах! Как было жаль, что прочие, те, кто отправились в другие гавани, не явились сюда! Христианство непременно восторжествовало бы и земля турок понесла бы урон. Венецианцы превосходно выполнили перед ними [крестоносцами] все свои обязательства и даже сверх того; и они требовали теперь от графов и баронов сдержать условия и с их стороны, и требовали произвести уплату денег; ибо они были готовы к отплытию.

58. В войске пилигримов потребовали собрать деньги в уплату за перевоз; и нашлось довольно таких, которые говорили, что не могут оплатить свой перевоз, и бароны собрали с них столько, сколько те могли [дать]. Таким образом, они внесли сколько смогли, денег. Когда же произвели сбор всей суммы в уплату перевоза и когда уплатили, то денег оказалось недостаточно — менее половины.

59. Тогда бароны сошлись вместе и рассудили так: «Сеньоры венецианцы очень хорошо выполнили свои обязательства и даже сверх того; но нас собралось здесь не столько, чтобы, оплатив наш перевоз, мы выполнили бы наши обязательства; и это случилось из-за отсутствия тех, кто отправился в другие гавани. А посему бога ради пусть каждый из нас выложит все свое имущество с тем, чтобы мы могли выполнить заключенные условия; ибо лучше уж оставить здесь все свое достояние, нежели потерять то, что мы уже внесли, и нарушить наши соглашения; ведь если это войско не отбудет [отсюда], то не удастся и отвоевание Заморской земли».

60. Тогда произошло великое разногласие, исходившее от большей части баронов и остальных [пилигримов], которые говорили: «Мы заплатили за свой перевоз и охотно отправимся, если они хотят нас везти; если же не хотят, то мы соберем деньги и отправимся ис-

катель перевоза в другие места». Коль скоро они рассуждали таким образом, то потому, что им очень хотелось, чтобы войско распалось. А другая часть¹ говорила: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедными, нежели видеть войско распавшимся, ибо, если богу будет угодно, он вернет нам [наше]».

61. Тогда граф Фландрии начал отдавать все, что имел, и все, что смог занять², и то же сделал граф Луи, и маркиз³, и граф де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Вы могли бы увидеть тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасных золотых и серебряных сосудов, чтобы произвести уплату. И когда они уплатили, все же тридцать четыре тысячи марок серебра не достало до обусловленной суммы. Этим [обстоятельством] были весьма обрадованы те, которые скрыли свое имущество и не пожелали из него ничего платить: они полагали, что войско распадется и рассеется. Но бог, который подает советы лишенным совета, не пожелал, чтобы они так страдали.

62. И тогда дож говорил своему народу и сказал ему: «Сеньоры, эти люди не могут больше платить; а то, что они уже заплатили, мы все это заработали в силу соглашения, которое они не в состоянии выполнить. Однако наше право не будет признано повсюду, и мы, и наше государство навлекли бы на себя сильное порицание. Потребуем-ка у них [полюбовного] соглашения».

63. Король Венгрии отнял у нас Задар⁴ в Славонии⁵, который является одним из укрепленнейших городов на свете; при всем нашем могуществе, он никогда не сможет быть завоеван без помощи этих людей. Предложим им, чтобы они нам помогли его завоевать, и мы предоставим им отсрочку для уплаты тридцати четырех тысяч марок серебра, которые они нам должны, до тех пор,

¹ То есть, по Виллардуэну, меньшинство.

² Сохранился документ о том, что в октябре 1202 г. он занял 118 марок.

³ Бонифаций Монферратский.

⁴ Задар — крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря в Далмации. В начале XIII в. принадлежал Венгрии. В течение предшествующего столетия между Венецией и Венгрией шла упорная борьба за овладение городом, во время которой он переходил из рук в руки. Последний раз Венеция потерпела неудачу в 1192 г.

⁵ Славония — Далмация.

пока бог дозволит нам заработать их вместе, нам и им». Это предложение было внесено [крестоносцам]. И выступили против него многие из тех, кто хотел, чтобы войско рассеялось, но, несмотря на все, соглашение было заключено и утверждено.

64. В воскресенье все собрались в церкви св. Марка. Это было великое торжество; там было много местного люда и большая часть баронов и пилигримов.

65. Перед началом большой обедни¹ дож Венеции, по имени Энрико Дандоло, взошел на кафедру и говорил народу и сказал ему: «Сеньоры, вы вступили в союз с лучшими людьми во вселенной и ради самого высокого дела, какое когда-либо предпринималось. Я уже стар и слаб, и нуждаюсь в покое, и страдаю телесными недугами², но, тем не менее, я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы предводительствовать и руководить вами, как я, ваш правитель. Если вы дадите свое согласие, чтобы я взял знак креста, дабы охранять вас и править вами, и чтобы на моем месте остался мой сын и охранял бы страну, тогда я пойду жить или умирать вместе с вами и с пилигримами».

66. И когда они [крестоносцы] его услышали, то вскричали в один голос: «Мы вас молим богом, чтобы вы согласились и сделали бы это, и чтобы вы отправились вместе с нами».

67. Весьма велика была тогда жалость народа той земли и пилигримов, и много было пролито слез, ибо этот мудрый и добрый старец имел такие большие основания оставаться дома: ведь он был в преклонных годах и на его прекрасном лице были очи, коими он не видел ни капли, ибо он потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великого сердца! Ах! как мало походили на него те, которые, дабы избежать опасности, отправлялись в другие гавани!

68. Итак, он сошел с кафедры, и направился к алтарю и встал на колени, сильно плача; и ему нашили крест

¹ Торжественное богослужение по воскресеньям и праздничным дням.

² Согласно рассказу венецианской хроники Андреа Дандоло, еще в бытность свою послом в Константинополе Энрико Дандоло был ослеплен по приказу императора Мануила. Французские хронисты приводят иные версии причин слепоты дожа.

на его большую шапку¹ из бумажной материи, спереди, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест. И многие венецианцы начали также в большом числе и в великом множестве принимать крест; а до этого дня их взяло крест весьма немного. Наши пилигримы были весьма обрадованы и сильно тронуты тем, что дож возложил на себя крест, как по причине его мудрости, так и присущей ему доблести.

69. Таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест. Тогда венецианцы начали готовить корабли, и галеры, и грузовые суда, чтобы принять на них баронов для отплытия; и уже так много времени прошло после назначенного срока, что приближался сентябрь².

70. А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес и самом неожиданном происшествии, о каком когда-либо вы могли слышать. В это время был в Константинополе император по имени Исаак³; и у него был брат, которого звали Алексей⁴, которого он выкупил у турок из плена. Этот Алексей схватил своего брата императора и выколол у него глаза прочь и сделался императором вследствие этой измены, как вы [только что] слышали⁵. Он долго держал его в темнице вместе с его сыном по имени Алексей. Этот сын убежал из темницы и на корабле прибыл в один приморский город, называвшийся Анкона⁶. Оттуда он направился к королю Германии Филиппу⁷, который был женат на его сестре⁸. И он явился в Верону, в Ломбардии, и остановился в этом городе, и нашел довольно пилигримов и другого народа, отправлявшихся в войско [крестоносцев]⁹.

71. И те, которые помогли ему убежать и которые были с ним, говорили ему: «Государь, близ нас в Венеции находится войско, состоящее из лучших людей и лучших рыцарей в мире, которые отправляются за море; обратись

¹ Дожи носили высокую шапку. Обычно крест нашивался на плечо.

² Сентябрь 1202 г.

³ Исаак II Ангел (1185—1195 и 1203—1204).

⁴ Алексей III (1195—1203).

⁵ Речь идет о дворцовом перевороте в Константинополе в 1195 г.

⁶ Время бегства царевича точно не известно, но скорее всего, оно произошло весной 1202 г.

⁷ Король Филипп Швабский (1198—1208) из династии Гогенштауфенов, четвертый сын Фридриха I Барбароссы.

⁸ С 1197 г. он был женат на дочери Исаака II — Ирине.

⁹ Это были немецкие крестоносцы.

к ним; пусть они сжалятся над тобою и над твоим отцом, который так претерпел и вы лишились своего наследия. И если они согласятся тебе помочь, ты сделаешь им все, что они тебе выскажут. Быть может, они сжалятся». И он сказал, что исполнит это весьма охотно, и что совет этот хорош.

72. Таким образом, он выбрал послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому¹, который был предводителем войска, и к другим баронам. И когда бароны увидели их, то весьма изумились и сказали послам: «Мы хорошо понимаем, что вы говорите; мы отправим вместе с ним посольство к королю Филиппу, туда, куда он отправился²; если он хочет помочь нам в отвоевании Святой земли, то и мы ему поможем возвратить его землю; ведь мы знаем, что она несправедливо отнята у него и его отца». Таким образом, были отправлены послы в Германию, к константинопольскому царевичу и к королю Филиппу.

73. Прежде чем случилось то, о чем мы рассказали, в войско пришло известие, которым бароны и другие люди были сильно опечалены, а именно, что скончался и умер мессир Фульк, добрый, святой человек, который первым проповедовал крестовый поход³.

74. А после этого происшествия⁴ к ним присоединился отряд весьма доблестных людей из Германской империи, которым они были очень рады [следует перечень имен немецких сеньоров, рыцарей и священнослужителей].

75. И тогда нефы и грузовые суда были распределены баронами⁵. Ах! Боже [мой], [какие] туда были введены превосходные боевые кони! И когда суда были нагружены оружием и съестными припасами, и [сели на них] рыцари и оруженосцы, вдоль бортов и корабельных башен были повешены щиты и флаги, которых там было столько и таких прекрасных⁶.

¹ То есть в Венецию, вероятно, в сентябре 1202 г.

² Царевич Алексей успел побывать в Риме, о чем Виллардуэн не знает, откуда и уехал ко двору Филиппа Гогенштауфена.

³ Фульк умер в мае 1202 г.

⁴ Имеются в виду завязавшиеся тогда разговоры предводителей крестоносцев с царевичем Алексеем и германским королем Филиппом.

⁵ Галеры оставались под командованием дожа и венецианцев.

⁶ Флажки обычно помещали на корабельные «башни».

76. И знайте, что они везли на кораблях камнеметательницы и тараны числом до трехсот и более, и в большом количестве всякие приспособления, которые пред назначаются для взятия города. И никогда еще более прекрасный флот не отплывал из какой-либо гавани; и это было на восьмой день праздника св. Ремигия¹, в год одна тысяча двести второй от воплощения Иисуса Христа. Так они отбыли из гавани Венеции, о чем вы [только что] слышали.

77. Накануне дня святого Мартина² они появились перед Задаром в Славонии и увидели город, укрепленный высокими стенами и высоким башнями; и тщетно стали бы вы искать более прекрасный, более укрепленный и более богатый город. И когда пилигримы увидели его, они сильно изумились, и один говорил другому: «Каким образом можно силой взять такой город, если этого не содеет сам бог?»

78. Первые корабли, которые подошли к городу, бросили якоря и стали ожидать других. И утром была прекрасная, ясная погода, и все галеры прибыли вместе с грузовыми судами и прочими кораблями, которые плыли сзади; и они ворвались в гавань силою, и разорвали цепь, которая была очень прочна и хорошо скована; и они спустились на сушу таким образом, что гавань была между ними и городом. И вы могли бы увидеть тогда многих рыцарей и многих оруженосцев, выходящих из кораблей и выводивших оттуда добрых коней, и много богатых палаток и шатров. Так расположилось войско, и в день святого Мартина Задар был осажден³.

79. К этому времени прибыли не все бароны; так, еще не явился маркиз Монферратский, который остался позади по делу, что у него имелось. Этьен Першский остался больной в Венеции, а также Матье Монморанси; и когда они выздоровели, то Матье Монморанси прибыл и присоединился к войску в Задаре. Однако с Этьеном Першским случилось совсем по-другому: ибо он оставил войско и отправился в Апулию. С ним поехали Ротру де

¹ Праздник св. Ремигия приходится на 1 октября, следовательно, флот отплыл из Венеции 8 октября 1202 г.

² Праздник св. Мартина приходится на 11 ноября, следовательно, флот появился перед Задаром 10 ноября 1202 г.

³ 11 ноября 1202 г.

Монфор, и Ив де Жай, и многие другие, которых за это сильно хулили, и еще в марте [они] направились [прямо] в Сирию.

80. На другой день после св. Мартина¹ из Задара вышли люди, и они явились переговорить с дожем Венеции², который был в своем шатре, и сказали ему, что они готовы сдать город и все свое добро на его милость, чтобы спасти свою жизнь. И дож сказал, что не заключит ни такого, ни другого договора, пока не посоветуется с графами и баронами, и что он им скажет об этом.

81. В то время как он пошел говорить [об этом] графам и баронам, та часть [пилигримов], о которой вы уже слышали раньше, те, кто хотел, чтобы войско разошлось, завязала переговоры с задарскими послами и сказала им [так]: «Почему вы хотите сдать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если уж вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойны». И они взяли одного из них, по имени Робер де Бов, который подошел к городским стенам и сказал [горожанам] то же самое. Так послы [Задара] вернулись в город, и договор не состоялся.

82. Когда дож Венеции явился к графам и баронам, он им сказал: «Сеньоры, жители города хотят сдать его, сохранив свою жизнь, на мою милость; но я не заключу ни такого, ни другого договора без вашего совета». И бароны ему ответили: «Государь, мы советуем вам принять [предложение задарцев] и [даже] просим вас об этом». И он сказал, что сделает это; и все они вернулись в шатер дожа, чтобы заключить договор; и они увидели, что послы удалились по совету тех, кто хотел роспуска войска.

83. Тогда встал аббат Во³ из цистерцианского ордена и сказал им: «Сеньоры, именем папы римского я запрещаю вам нападать на город; ибо это христианский город, а вы — пилигримы». И когда дож это услышал, он был сильно разгневан и возмущен. и сказал графам и баронам: «Сеньоры, я имел договор, что этот город сдается на мою милость, а ваши люди разорвали его; вы же обещали мне помочь в его завоевании, и [теперь] я требую от вас выполнить это».

¹ 12 ноября 1202 г.

² Энрико Дандоло, находившимся среди крестоносцев.

³ Гюн, аббат монастыря Во де Серней.

84. Тогда графы и бароны и те, кто держал их сторону, заговорили разом все вместе и сказали: «Они нанесли великое оскорбление, те, кто не допустил этого договора, и не было дня, чтобы они не старались добиться роспуска войска. Таким образом мы будем унижены, если не поможем взять город». И они приходят к дожу и говорят ему: «Государь, мы поможем вам взять город — наперекор тем, которые хотят помешать этому».

85. Так было принято решение; и утром¹ они расположились перед гаванью города, и поставили свои каменостательницы и другие свои орудия, которых у них имелось довольно; а со стороны моря они установили на кораблях лестницы. И каменостательницы начали стрелять по городским стенам и по башням. Приступ этот длился так пять дней; и тогда они послали своих людей для подкопа к одной башне, и они стали вести подкоп стены. И когда увидели это те, кто находился в городе, они тотчас попросили заключить такой договор, в котором отказали было по совету тех, кто хотел роспуска войска.

86. Так город сдался на волю дожа Венеции, и жизни [горожан] были спасены. И тогда дож явился к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, милостью божьей и вашей мы завоевали этот город. [Уже] пришла зима, и мы не можем больше двинуться отсюда вплоть до Пасхи, ибо мы не нашли бы в каком-нибудь другом месте рынка, а этот город весьма богат и хорошо обеспечен всяким добром. Разделим его надвое: половину мы возьмем себе, а вы себе — другую».

87. Сказано — сделано. Венецианцы получили часть близ гавани, где стоят корабли, а французы получили другую. И тогда были каждому распределены здания в это месте, как это и подобало. И войско разбило лагерь и стало располагаться в городе.

88. И когда все они расположились, спустя три дня в войске случилась очень большая неприятность: ибо между венецианцами и французами вспыхнула распря, весьма крупная и весьма жестокая; и со всех сторон прибегли к оружию. И распря была столь велика, что мало было лиц, где бы не происходила великая баталия мечами, и копьями, и арбалетами, и дротиками; и много людей было ранено и убито.

¹ 13 ноября 1202 г.

89. Венецианцы, однако, не могли выдержать сражение, и они начали нести большие потери. И знатные люди, которые не хотели зла, вооруженные, ворвались в гущу сражавшихся и начали их разнимать. И когда их разнимали в одном месте, бой возобновлялся в другом. Дело продолжалось так почти до самой ночи; и все же ценой больших усилий и с большим трудом они разняли их. И знайте, что это было самое большое горе, которое случалось когда-либо в каком-либо войске; и недоставало малого, чтобы все войско было погублено. Но бог не захотел, чтобы оно так пострадало.

90. Весьма большие потери понесли обе стороны. Там был убит один знатный барон из Фландрии, по имени Жиль де Ланда; и он был поражен в глаз, и от этого удара был убит в схватке, и многие другие, о которых столько не говорилось [нами]. После этого дож Венеции и бароны были сильно заняты целую неделю примирением участников баталии; и они старались там до тех пор, пока мир, благодарение богу, не был установлен...

105. Посовещавшись друг с другом, бароны порешили отправить [посольство] в Рим к [папе], ибо он выказал им свое неудовольствие за взятие Задара; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, тех, кого сочли вполне пригодными для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суассонский, а другой — мэтр Жан Нуайонский, канцлер графа Бодуэна Фландрского; а из рыцарей — один был Жан де Фриез, а другой — Робер де Бов. И они поклялись над Евангелием, что честно исполнят поручение и что возвратятся в войско¹.

106. Трое прекрасно сдержали свою клятву, а четвертый, поступил дурно: это был Робер де Бов. Ибо он выполнил поручение так плохо, что хуже не мог, и нарушил клятву, и по стопам других отправился в Сирию. Однако остальные трое действовали очень хорошо и выполнили свое посольство, как это поручили бароны, и они сказали папе: «Бароны умоляют вас простить [их] за взятие Задара, ибо они поступили как люди, которые не могли поступить лучше, по вине тех, кто отправились в другие гавани, и потому что в ином случае они не могли сохра-

¹ Посольство отправилось в Рим в декабре 1202 г.

нить войско. И поэтому [они] просят вас, как своего доброго отца, чтобы вы дали им свои предписания, которые они готовы выполнить».

107. Папа сказал послам, что он хорошо знает, что если им пришлось совершить большое злодеяние, то это было из-за отсутствия других, и что он сожалеет об этом. И тогда он сказал, что дает свое благословение баронам и пилигримам и разрешает их как своих сынов; и он посоветовал им и просил их, чтобы они удержали войско вместе; ибо хорошо знал, что без этого войска невозможно послужить богу. И он дал полномочие Невелону, епископу Суассонскому и Жану Нуайонскому вязать и решить пилигримов¹, пока в войско не прибудет его кардинал².

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., t. I, p. 50—90, 104—106.

**Из записок Робера де Клари
«Завоевание Константинополя»**

XIII... Дож явился к ним [крестоносцам]³ и сказал им: «Сеньоры, сейчас зима: мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не удержало бы, потому что я уж взялся вас перевезти, если бы только это вас не удержало. Однако давайте-ка сделаем доброе дело!» Сказал дож: «Недалеко отсюда есть город под названием Задар. Жители этого города причинили нам великое зло, и я и мои люди, мы хотим отомстить им, если сможем. И, поверьте мне, мы отдохнем там эту зиму, примерно, до пасхи. А к тому времени мы подготовим наш флот и тогда уже с помощью господа бога поплывем за море. Город же Задар очень хорош и весьма богат всяким добром». Бароны и знатные крестоносцы дали свое

¹ «Вязать и решить» — евангельское выражение, применяемое в церковной практике для обозначения права священника прощать грехи или права епископа снимать отлучение.

² Сообщение Виллардуэна не вяжется с данными папской переписки. Только позднее кардиналу Петру Капуанскому было вменено в обязанность снять отлучение — при условии, если крестоносцы клятвенно изъявят готовность повиноваться папе. Возможно, что Невелон Суассонский и Жан Нуайонский были уполномочены папским легатом осуществить это поручение.

³ Робер де Клари рассказывает о пребывании крестоносцев на острове Лидо осенью 1202 г.

согласие на то, что предложил дож; но все остальные в войске не знали об этом решении: там присутствовали только люди самого высокого положения. Итак, все они сообща приготовились к своему походу, приготовили свой флот и вышли в море. И у каждого из знатных людей был свой неф — для него и его вассалов, и свой юисье — для его коней, и у дожа Венеции было пятьдесят галер, поставленных целиком за его счет. Галера, на которой находился он сам, вся была алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый стяг; здесь стояли четыре трубача, трубившие в серебряные трубы, и находились кимвалы¹, которые гремели, выражая большое торжество. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было видано. Пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они там пели *Veni creator spiritus*². И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали. И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые корабли и столько других судов — это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было, по крайней мере, сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков, и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо. Они плыли по этому морю, натянув паруса и с поднятыми на корабельных башнях стягами и флажками, и можно было сказать, что все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали. Так достигли они города под названием Пола. Они причалили туда, подкрепились и побыли там потом немного, пока хорошенько не освежили свои силы и не пополнили съестные припасы, которые закупили и погрузили на свои корабли. Затем они снова вышли в море. Если они ликовали и радовались великой радостью уже до того, то в это мгновение они тоже переживали радость и даже еще большую, так что жители города надивиться не могли на

¹ Большие барабаны.

² Лат.: «Приди, о дух всевидущий» — начальные слова из литургического песнопения.

такое их торжество, и на их огромный флот, и на их великую знатность; они говорили, — и то была сущая правда, — что никогда и ни в какой стране не видано было такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV. Венецианцы и пилигримы держали курс так, что прибыли к Задару в ночь на праздник святого Мартина¹. Жители города Задара, увидев эти суда и этот огромный флот, затрепетали от страха. Они заперли все городские ворота и вооружились самым лучшим образом, как люди, решившие защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатым [людям] в войске. Он сказал им: «Сеньоры, сей город причинил нам много зла, мне и моим людям: я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас также быть мне в помощь». И все бароны и люди высокого положения ответили ему, что охотно ему помогут. Ну, а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы ненавидели их. И они [жители Задара] запаслись также грамотами из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-либо вред, будут отлучены [от церкви]². С добрыми посланцами они переслали эти грамоты дожу и крестоносцам, которые туда причалили. Когда послы явились в войско, грамоты папы римского были прочитаны дожу и пилигримам. Когда грамоты читали и дож услышал их, он сказал, что не откажется отомстить жителям города из-за папского отлучения. После этого послы удалились. Дож вторично обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни при каких обстоятельствах [букв.: ни за какую цену] не откажусь отомстить им, даже папы ради!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны ответили, что они охотно пособят ему; остались в стороне только граф Симон де Монфор и мессир Ангерран де Бов³. Последние сказали, что не пойдут против воли папы, ибо не желают быть отлученными; и тогда они собрались и уехали на всю зиму в Венгрию. Когда дож

¹ 10 ноября 1202 г.

² Иннокентий III действительно в особом послании к крестоносцам, направленном им через аббата де Лочедио, запретил им «нападать на христианские земли».

³ Это был клирик, младший из братьев де Бов: старшими были рыцари Робер и Юг де Бов. Мемуарист упоминает их в I гл. Записок, перечисляя участников похода из области Амьенуа.

увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города; жители города увидели тогда, что долго им не продержаться, и они сдались на милость [крестоносцам] и сдали им город. Пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины: пилигримы получили одну половину, а венецианцы — другую.

XV. А потом случилось так, что вспыхнула распря между венецианцами и меньшим народом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и еще полдня. И эта распря была столь великой, что рыцари лишь с большим трудом могли разнять их. Разняв их, они установили столь добрый мир между ними, что с того времени они никогда уже не препирались друг с другом.

Потом знатные крестоносцы и венецианцы советовались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город. И они порешили между собой направить в Рим гонцов, чтобы добиться снятия отлучения: туда послали епископа Суассонского и монсеньора Робера де Бов, которые испросили у папы грамоты, гласившие, что отлучение снято со всех пилигримов и всех венецианцев. Получив эти грамоты, епископ по возможности раньше вернулся; монсеньор же Робер де Бов не воротился вместе с ним, а отправился прямо из Рима за море.

XVI. Между тем, пока крестоносцы и венецианцы пребывали там в течение зимы, они призадумались о том, что сильно поиздержались. Они совещались об этом и решили, что не могут плыть ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, с помощью которых они могли бы двинуться туда, поскольку они почти все истратили, как на текущие расходы, которые им пришлось производить, так и на то, чтобы заплатить большую сумму за наем флота. Они сказали, что не могут больше плыть дальше, а если и направятся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни продуктов питания ни денег, которыми смогли бы продержаться.

Robert de Clari. Op. cit.,
p. 12—15.

VI. ...Там [в Венеции] они решили сесть на корабли и плыть оттуда прямым путем к египетскому городу Александрии, поскольку в заморских землях¹ в то время между нашими и варварами царил мир², который наши не должны были нарушать, [чтобы] не изменять данному слову. В войске крестоносцев находились очень многие славные и могущественные мужи — как миряне, так и духовного звания: среди них особенно выделялись влиянием, силой и мудростью граф Балдуин Фландрский и маркграф Бонифаций Монферратский. Все они единодушно сошлись на том, чтобы двинуться прямо к Александрии, смело осадить ее и скорее не столько попытать свое счастье в войне, сколько [испробовать] силу божьего могущества.

Если бы они сделали это, то можно было сильно надеяться, что и сам великолепный [этот] город, и большая часть всего Египта очень легко перешли бы под их власть; потому что почти все население страны погибло [тогда] от голода или пребывало в страшной нужде вследствие бесплодия почвы, которой Нил, как говорят, уже пять лет отказывал в своих, несущих плодородие водах, коими он обычно ее напояет. Однако осуществлению этого достойного всяческой похвалы совета [намерения] наших князей помешали коварство и подлость венецианцев, которые как хозяева кораблей и владыки Адриатического моря чуть не отказали им в переправе, если они до того не завоюют вместе с ними прославленный город Далмации, принадлежавший, между тем, к области венгерского права, — Задар. Они [венецианцы] говорили, что он всегда поступал вразрез с их интересами, и дело доходило до того, что часто жители этого города пиратскими нападениями грабили их груженные товарами корабли. Вся эта затея показалась нашим столь богобоязненным предводителям жестокой и преступной; [они сочли ее недостойной] и потому что город был христианским по населению, и потому, что принадлежал венгерскому коро-

¹ То есть в Палестине.

² Мир между Иерусалимским королевством и мусульманами на Востоке был подписан 21 июня 1198 г. сроком на пять с половиной лет.

лю¹, который, взяв крест, тем самым, согласно обыкновению, препоручил себя и свое достояние покровительству верховного понтифика.

Пока венецианцы неуклонно настаивали [на своем], а наши упорно отвергали [их предложения], в этих несогласиях и раздорах прошло очень много времени. Ибо они [князья] считали совершенно недостойным и недопустимым для христиан, чтобы воины креста Христова обрушивались на христиан же убийством, грабежами и пожарами, что обычно часто бывает при завоевании городов. Вот почему и многие бедняки, у которых с собой было мало [денег] и которые, израсходовав это, не имели средств для продолжения пути, оставив войско, повернули стопы свои назад и возвратились восвояси; так же [поступили] и некоторые богатые и могущественные мужи — [они], почти вопреки своему желанию, повернули в родные края, будучи побуждаемы не столько нуждой в чем-либо, сколько объятые ужасом оттого, что им придется совершить злодеяние. Некоторые из них направились в Рим, однако, лишь с трудом сумели добиться они от верховного понтифика дозволения вернуться [домой], притом на условии, что выполнят свой обет паломничества по прошествии нескольких лет.

Возвращение этих пилигримов причинило ущерб нашему войску не только из-за их [собственного] ухода, но и вследствие того, что охладило воодушевление многих [из тех], кто, охваченные [им] в Германии и других землях, торопились было последовать [за крестоносцами], так что они остались у себя [дома].

В это время к нашему войску был послан некий кардинал — Петр Капуанский², которого верховный понтифик отрядил для того, чтобы уладить упомянутый раздор³ и переговорить с венецианцами, дабы они обеспечили счастливое предприятие, то есть скорейшую переправу воинства Христова в Александрию. И поелику он никак не мог заставить их [сделать это], прежде чем наши не выполнят поставленное им [крестоносцам] условие, то порешили, что простительнее и менее позорно искупить малое зло великим благим деянием, нежели оставить обет крестового похода невыполненным и вернуться на родину, принеся с собой вместе с грехами [еще] и бесславие.

¹ Король Имрэ (1196—1205).

² Легат Иннокентия III. См. стр. 189, прим. 2.

³ Между венецианцами и князьями крестоносцев.

Они [крестоносцы] обещали исполнить, что те [венецианцы] столь настойчиво требовали, однако, заручившись предварительно от них вернейшим обещанием, что перевезут наших в Александрию и, вооружившись сами, отправятся [с ними].

Глава заканчивается рассказом о том, как аббат Мартин, в смутении от предстоящего пролития крови христиан, попытался получить у папского легата освобождение от крестоносного обета, и о постигшей его неудаче.

VII. Так флотилия поплыла по Адриатическому морю, называемому также Далматинским морем... В быстром плавании¹, но с тяжким сердцем и удрученные, достигли наши ратники берега страны, лежащей на противоположной стороне. И для того, чтобы долго не тянуть с [этим] делом, неприятным и ненавистным им самим, осадили названный город² с большой силой и ужасающим шумом. Три дня они осаждали его, нападая не столько с враждебными [намерениями], сколько скорее угрожаючи, и принудили город к сдаче без убийства и кровопролития. Однако вскоре после того, как город сдался своим победителям, венецианцы в своей неистребимой ненависти разрушили его до основания³.

Так как своим деянием наши подпали под отлучение — ведь они подняли руку на достоинство короля венгерского, которое он, приняв знамение креста, препоручил покровительству святого Петра⁴ и верховного понтифика, — было сочтено [нужным] послать гонцов к верховному понтифику, чтобы он, милосердно снизойдя к их вынужденной войне, снял бы с них отлучение.

Следуют имена гонцов, направленных в Рим⁵ для того, чтобы добиться снятия церковной кары; далее сообщается о благополучном исходе их миссии: папа снял отлучение с крестоносцев, приняв во внимание, что их уступчивость венецианцам и согласие завоевать Задар извинялись обстоятельствами. В связи с этим хронист характеризует Иннокентия III.

¹ Флотилия отбыла из Венеции 8 октября и прибыла к Задару 10 ноября 1202 г.

² Задар.

³ С этим сообщением хрониста не вяжется пребывание крестоносцев в Задаре в течение всей зимы 1202/03 г.

⁴ Апостол Петр считается в католицизме основателем христианской церкви и ее первым главой.

⁵ Гонцы, в их числе аббат Мартин, прибыли в Рим в начале 1203 г.

...Он был мужем глубокого разума и исполненный бла-
гости: молодой годами¹, но седой благоразумием, зре-
лый духом, муж достойного образа жизни..., он любил
[творить] добро и справедливость, был врагом подлости
и низости, так что не столько в силу случайности, сколь-
ко по заслугам звался он Иннокентием².

Guntheri Parisiensis. Op.
cit., p. 70—75.

**Из хроники Анонима Гальберштадтского
«Книжица о паломничестве в Грецию и о реликвиях,
доставленных из Греции»**

...Достопочтенный священник господин Фулько, дер-
жавший в землях Галлии слово проповеди, [сам] взял
крест, а равно побудил и многих отправиться с кресто-
носцами на подмогу Святой Земле. Приняв крест, в по-
ход этот направились знатные мужи Франции: господин
епископ Нивелон Суассонский и господин Генрих, епис-
коп Труа, а также граф Теобальд из Шампани, граф
Людовик со своим братом, [оба] из Блуа, и граф Балдуин
и его брат Генрих из Фландрии, также и граф Сен-Поль
и граф Першский, и многие другие знатные [люди], и
бесчисленный народ. Посовещавшись в совете, они вместе
с господином маркграфом Бонифацием Монферратским,
который также стал крестоносцем, направили своих пос-
лов в Венецию. [Послы] заключили с венецианцами такой
договор, [по которому] они [венецианцы] должны были
обеспечить всем пилигримам корабли для плавания и в
течение года оказывать содействие войску из тридцати
тысяч вооруженных ратников, а те [крестоносцы] обеща-
ли уплатить им за такую услугу сто тысяч марок, что
было скреплено заложниками и клятвой. Пока венециан-
цы великолепно подготовлялись к этому делу, неся боль-
шие расходы и тратя немалые деньги, скончались госпо-
дин Фулько, и граф Шампани, и граф Першский, которые
были особенно ревностными споспешниками этого похо-
да. В назначенный день, когда все пилигримы сошлись
в Венеции, они, оценив всю свою наличность в деньгах
и серебре, в конях, в снаряжении и утвари, не сумели

¹ Иннокентий III вступил на папский престол в 37 лет.

² По-латыни «инноценс» — «невинный».

уплатить даже половину той суммы, которую должны были венецианцам. Поэтому венецианцы держали их словно пленников на острове блаженного Николая и не позволяли даже вернуться назад, пока не уплатят сполна долг. После многих пререкательств с той и с другой стороны, порешили, наконец, что венецианцы, согласно обещанному, отправятся вместе с пилигримами, и пилигримы помогут венецианцам отмстить свои обиды, а то, что смогут нажить, разделят между собой поровну, и из доли пилигримов венецианцам будет уплачена остающаяся по договору часть.

Однако господин епископ Конрад¹, оставшийся в стороне от условий [этого уговора], обратился к легату апостольского престола господину Петру Капуанскому за советом, [спрашивая], что ему надлежит делать при таком положении. Тот [легат] прямо ответил, что папа предпочитает лучше скрыть от них [крестоносцев] что-либо неподобающее, чем освободить их от обета этого похода, и дал ему окончательный совет, чтобы он [епископ Конрад] никоим образом не отъезжал из войска, а постарался бы сделать, что сумеет, дабы вынести их [крестоносцев] гнусности, которые они могут совершить. И он примкнул [к соглашению], так же, как и четыре аббата цистерцианского ордена, которых папа специально назначил, чтобы они словом и примером возглавляли войско крестоносцев.

Итак, в октябрьские календы 1202 года² от воплощения Христа все войско, взойдя на корабли, пустилось в плавание, и при попутном ветре в ночь праздника блаженного Мартина³ достигло гавани Задара. Задар, богатейший город, метрополия Далмации и Кроации, расположен на море, искусно укреплен препрочной стеной и превысокими башнями. Некогда [город] был покорен венецианцами, но освободился от их владычества и отдался под юрисдикцию венгерского короля⁴. Венецианцы озлобились [на него за это] и теперь, получив благоприятную возможность, при помощи крестоносцев осадили город с

¹ Епископ Конрад Гальберштадтский, участник похода: именно с его слов писал всю хронику неизвестный автор.

² На самом деле 8 октября 1202 г.

³ 10 ноября 1202 г.

⁴ Задар в течение XII в. неоднократно поднимался против покорявших его венецианцев. Их последняя и безуспешная попытка завоевать город была предпринята в 1192 г.

моря и с суши и принудили его к сдаче. Правда, тут появились какие-то апостолические грамоты¹, которые под угрозой отлучения запрещали делать это.

Итак, в день блаженного Хрисогона², чье тело покоится в этом городе, город этот был занят ратью, и, после того, как распределили между собой добычу, он был поделен посредине на две части, так что в одной разместились пилигримы, в другой же — венецианцы. Некоторые из аббатов, присутствовавшие тут, открыто заявили, что отступаются от венецианцев из-за совершившегося, и, увлекши за собой как можно больше пилигримов, направились в Венгрию. Они были хорошо приняты венгерским королем, который благожелательно обошелся с ними, и, с его помощью переплыв [море], счастливо исполнили обет своего паломничества.

Пилигримы же, оставшиеся в Задаре, послали своих послов в Рим, которые объяснили господину папе, какая необходимость попутала [их] с венецианцами, и просили простить их за содеянное с Задаром. Папа отослал их [послов] к войску и распорядился снять с него отлучение, выказав надлежащую осмотрительность, которая подобает апостольским повелениям, [а именно]: если венецианцы испытывают на себе благо отлучения, то они [крестоносцы], тем не менее, должны [продолжать] общаться с ними; ибо пилигримы, находясь на кораблях венецианцев, пребывают как бы в их жилищах, а приговор отлучения, коему венецианцы подвергнуты [лишь] как отцы семейств, не распространяется на пилигримов, состоящих членами этих семейств³.

Anonymi Halberstadensis. De peregrinatione in Greciam et adventu reliquiarum de Grecia libellus. — В кн.: P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae. T. I. Genevae, 1877, p. 10—13.

¹ То есть грамоты папы Иннокентия III.

² 24 ноября 1202 г.

³ Изложение хронистом позиции Иннокентия III в данном случае воспроизводит в несколько измененном виде подлинное содержание папской грамоты об отлучении венецианцев: папа дозволил крестоносцам пользоваться услугами венецианцев, не смотря на отлучение последних от церкви.

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»

91. Пятнадцать дней спустя прибыл [в лагерь] маркиз Бонифаций Монферратский, который [до того] еще не явился, и Матье Монморанси, и Пьер де Брасье, и многие другие знатные люди. А еще через пятнадцать дней прибыли также послы из Германии — они были от короля Филиппа и от константинопольского наследника [престола]. Бароны и дож Венеции собрались во дворце, где разместился дож. И тогда послы говорили им и сказали: «Сеньоры, нас послал к вам король Филипп и сын константинопольского императора, брат его жены»¹.

92. «Сеньоры, — сказал король, — я пошлю к вам брата моей жены; и я отдам его в руки бога (да хранит он его от смерти) и в ваши руки. Так как вы идете походом ради бога, во имя права и справедливости, то вы должны, если можете, возратить наследие тем, кто лишен его без всякой вины, а он предложит вам условия самые выгодные, какие когда-либо предлагались кому-либо, и самую могущественную помощь для завоевания Заморской земли.

93. Во-первых, если бог поможет вам возратить его наследие, то всю Романскую империю² он подчинит Риму, от которого она давно отложила³. Потом он знает, что вы истратили свое добро и что вы бедны; и он даст вам двести тысяч марок серебра и съестные припасы для всего войска, малым и великим. И он собственной персоной отправится с вами в Вавилонскую землю⁴, или, если вы сочтете то за лучшее, пошлет туда десять тысяч человек на свой счет. И эту службу он будет оказывать в течение года; а все дни своей жизни он будет содержать в Заморской земле на свой счет пятьсот рыцарей, которые станут ее оборонять».

¹ Ирина, дочь Исаака II, была, как уже указывалось, замужем за королем Филиппом Гогенштауфеном.

² То есть Византию.

³ Разделение церковей произошло еще в 858 г., а окончательно — в 1054 г.

⁴ То есть в Египет.

94. «Сеньоры, — сказали послы, — мы имеем полномочие заключить этот договор, если вы хотите заключить его со своей стороны. И знайте, что столь прекрасный договор еще никогда и никому не предлагался, и что тот, кто откажется от него, у того вообще нет большой охоты к завоеванию». И они [крестоносцы] сказали, что потолкуют об этом; и на следующий день созвана была сходка, и когда они собрались вместе, им был предложен этот договор.

95. По-разному было там говорено. Говорил аббат монастыря цистерцианского ордена из Во и сторонники тех, которые желали роспуска войска; и они сказали, что никогда не согласятся; что это значило бы выступить против христиан и что они отправились в поход совсем не для этого, а хотели итти в Сирию.

96. Другая же сторона отвечала им: «Добрые сеньоры, в Сирии вы ничего не можете сделать; вы убедитесь в этом по [опыту] тех, которые оставили нас и отправились в другие гавани. И знайте, что, если Заморская земля когда-нибудь будет возвращена, то не иначе, как со стороны Вавилонии или Греции. И если мы откажемся от этого договора, то навсегда покроемся позором».

97. Таким образом, как вы слышали, войско пребывало в раздоре. И не удивляйтесь, если в раздоре находились миряне, ибо и белые монахи цистерцианского ордена также были в войске несогласны между собою. Аббат Лоосский, муж весьма святой и мудрый, а также другие аббаты, державшие его сторону, проповедовали повсюду и увещевали всех именем бога держаться вместе и заключить этот договор; ибо этим средством можно лучше всего отвоевать Заморскую землю. А аббат Во и его сторонники, в свою очередь, также то и дело вели проповеди, и говорили, что все это — плохо; что лучше бы отправиться в Сирию и сделать то, что можно.

98. Тогда явились маркиз Бонифаций Монферратский, и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, и граф Луи, и граф Юг де Сен-Поль, и те, которые стояли на их стороне; они сказали, что заключат этот договор, ибо были бы опозорены, если бы отказались от него. Так они отправились в дом дожа и призвали послов; и они заключили договор, о котором вы слышали ранее, подтвердили [его] клятвою и скрепили грамоты печатями.

99. И со стороны французов, сообщает вам книга, было только двенадцать человек, которые принесли клятву;

а больше того не могли найти. Среди них были Маркиз Монферратский, граф Бодуэн Фландрский, граф Луи Блуасский и Шартрский, и граф де Сен-Поль, и восемь других, которые держались их стороны. Так был заключен договор; и были изготовлены грамоты, и установлен срок, когда придет константинопольский наследник [таким сроком был определен] пятнадцатый день после Пасхи.

100. Так всю эту зиму войско французов пребывало в Задаре, против короля Венгрии. И знайте, что сердца воинов не были в согласии; ибо одна часть усердствовала [в том], чтобы войско разделилось, а другая — [в том], чтобы оно держалось вместе.

101. Многие из меньшого народа убегали на купеческих кораблях. На одном корабле убежало почти пятьсот человек; и все они утонули и погибли. Еще одна группа ушла сушей и собиралась двинуться через Славонию; а местные крестьяне напали на них и многих поубивали, другие же спаслись бегством и вернулись в войско. Так шли дела в войске, уменьшая его с каждым днем.

Далее автор в осуждающем тоне перечисляет ряд видных французских и немецких феодалов, уехавших в Сирию.

104. И вот, сеньоры, вы можете узнать, что если бы бог не возлюбил это войско, оно не смогло бы сохраниться, когда столько людей желали ему зла.

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., p. 91—100, 105.

Из «Истории» Никиты Хониата

...Также и сыну Исаака Алексею¹, освободив его из заключения, император² предоставил полную свободу и даже, собираясь в поход против протостратора³, взял его с собой, остановившись на пути в Дамокранию. Алексей же (разумеется, по совету своего отца) договорился с одним пизанцем, командовавшим большим купеческим кораблем, о бегстве и ждал только удобного случая, что-

¹ Впоследствии император Алексей IV Ангел (1203—1204).

² Император Алексей III Ангел (1195—1203).

³ Ок. сентября 1201 г. Протостратор — один из высших византийских титулов в это время. Имеется в виду протостратор Мануил Камница, поднявший мятеж против Алексея III Ангела.

бы ускользнуть морем и скрыть свои следы водою¹. Как только наступило благоприятное для отплытия время, корабль, распустив паруса, отправляется с попутным ветром и благополучно пристает в Авлонии на Геллеспонте. С корабля была послана в Афиру за Алексеем лодка, а чтобы скрыть истинное намерение, ее загрузили песком для балласта, будто бы необходимого судну после разгрузки товаров. Бежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на лодку и переправился на корабль. Когда же о бегстве его стало известно, василевс послал обыскать корабль, но посланные не смогли найти Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой латинян и укрылся, таким образом, от разыскивавших его. Приехав в Сицилию, Алексей дает знать об этом своей сестре. Она же, выслав ему навстречу сильную охрану, приняла брата с расprostертыми объятиями и стала просить своего мужа Филиппа² сделать все возможное, чтобы защитить ее отца, лишённого своими близкими не только власти, но и зрения³, и помочь брату, блуждающему, подобно звезде, без крова и отечества и ничего не имеющему при себе, кроме собственной особы...

...Едва лишь флот латинян приготовился к отплытию, как к одной беде для ромеев присоединилась другая, по пословице — беда за бедой, как волна за волной: появился Алексей⁴, сын Исаака Ангела, снабженный грамотами папы Древнего Рима⁵ и Филиппа, короля Алемании, обещавших щедро отблагодарить эту пиратскую шайку, если она примет Алексея и поможет ему вернуться в отцовскую империю. Вскоре с величайшим удовольствием он был принят флотом, в надежде на то, что Алексей не только даст разбойничьей экспедиции против ромеев удобный повод и придаст ей благовидную внешность, но и удовлетворит их алчность и корыстолюбие несметными богатствами. Приняв к себе Алексея, мальчишку сколько по летам⁶, столько же и по уму, все эти ловкие и ис-

¹ Образное выражение, навеянное автору Библией (Псалом 76, ст. 20).

² См. стр. 199, прим. 1.

³ Исаак II был ослеплен после свержения с престола в 1195 г.

⁴ Алексей прибыл в Задар, захваченный крестоносцами, 25 апреля 1203 г.

⁵ Иннокентий III (1198—1216).

⁶ Алексею было 12 лет.

кушенные в делах мужи уговорили его поклясться в том, чего он не в состоянии был исполнить никогда. В самом деле, этот ребенок согласился на их требование не только дать им море денег, но и предоставить помощь для похода на сарацин ромейскими воинами и пятьюдесятью трехгрешными кораблями...

Nicetae Choniatae Historia, Rez. I. A. Van Dieten, Berolini, 1975, p. 536—537, 539—540.

У. ПЛАНЫ ПОХОДА НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПОЛИТИКА ИННОКЕНТИЯ III

Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского

VIII. Случилось так, что пока наши послы еще пребывали в курии, разнесся верный слух, будто в лагерь [крестоносцев] явился юноша Алексей¹, родом грек, сын константинопольского царя Исаака, посланный германским королем Филиппом², с [его] послами и [имея] грамоты, в которых тот [Филипп] настоятельно просил войско оказать названному молодому человеку содействие в его восстановлении в [собственном] царстве... Тайно и быстро бежав, Алексей подался в Германию³: он явился к королю Филиппу, который был женат на его сестре, и, истекшая слезами, плакался ему о несчастьях, постигших его и его отца, и о жестокости его дяди⁴. Король Филипп принял юношу с великими почестями, на некоторое время удержал его у себя, проявив большую привязанность, и щедро предложил ему [всяческую] поддержку и услуги. Когда же он услышал, что наше войско, завоевав Задар, находится близ границ Греции, то направил молодого человека вместе со своими послами и [снабдив] грамотами к князьям, чтобы они поразмыслили о том, как бы, по возможности, возвратить его в отчее царство. Немцам

¹ Византийский царевич Алексей прибыл в Задар, где зазимовали крестоносцы, 25 апреля 1203 г. Переговоры с ними он завязал, однако, еще во время их пребывания в Вероне.

² См. стр. 183, прим. 7.

³ До того как отправиться ко двору Филиппа, молодой Алексей побывал в Риме, где просил о помощи папу Иннокентия III.

⁴ Алексей III ослепил низложенного им Исаака II.

же, поскольку они были его [Филиппа] подданными, он изложил дело еще более откровенно и в повелительной форме. Маркграфу, своему родичу¹, он напомнил об их родстве; [король] настоятельно просил также фламандцев, французов и венецианцев, и людей из других стран и самым верным образом обещал, что если их содействием Алексей обретет свой престол, то всем паломникам будет постоянно обеспечен безопасный и свободный проход как через Германию, так и через всю Грецию.

Сюда присоединилось еще и то, что юноша этот надежнейше обещал выдать им всем вкупе триста тысяч марок серебром, если он будет восстановлен [на престоле] их содействием.

В силу всех этих причин, слившихся воедино, большая часть нашего войска стала уже склоняться на сторону молодого человека... После того как эта молва, о чем я начал было рассказывать, дошла до Рима², господин папа со всем своим духовенством, нашими послами и очень многими другими [людьми] испытал сильное замешательство, опасаясь, не замышляет ли коварство лукавого врага³ гибель всего нашего войска, [не собирается ли] воспрепятствовать делу креста. Однако верховный понтифик с давних пор ненавидел этот город⁴ и сам он, и его предшественники, ибо он [Константинополь] давно уже отложился от римской церкви.

...Да, он ненавидел его, как мы сказали, и очень хотел, чтобы этот город, если возможно, был завоеван без кровопролития католическим народом, — только бы это не угрожало поражением нашему войску. Он [однако] не надеялся на то, что наши в состоянии будут совершить это, и говорил, что один только рыбацкий флот Константинополя более многочислен, чем все их [крестоносцев] суда. Ибо у него было тысяча шестьсот рыбацких судов,

¹ Маркиз Бонифаций Монферратский приходился (по линии своей матери Юдифи) внуком Агнесе, дочери германского императора Генриха VI.

² То есть не только вести о дипломатических переговорах короля Филиппа и царевича Алексея с предводителями крестоносцев в Задаре (папа знал о них еще с октября 1202 г.: его уведомил об этом обеспокоенный возможными последствиями сделки царевича с крестоносцами константинопольский узурпатор Алексей III): в Риме были получены известия и о склснности крестоносцев выступить в поддержку беглого царевича.

³ «Лукавый враг» — дьявол.

⁴ Речь идет о Константинополе.

из коих каждое в году, в двухнедельный срок, доставляло царской казне золотую монету, называемую перпером и равную четвертой части марки¹; военных же и торговых кораблей у них несметное множество, и к тому же [имеется] вполне надежная гавань.

По мнению верховного понтифика, который был крайне озабочен делом креста², наши должны были плыть прямо к Александрии. Он разрешил им, тем не менее, забирать без [каких-либо] денежных затрат [и] в умеренном количестве съестное в морских местах Романии³..., так, чтобы [продуктов] могло достать им на полгода. Папа боялся, как бы его совет не был неверно понят, и земные обстоятельства не повредили бы течению дел крестового похода: всякие новые известия тревожили его и всех остальных — и не без основания.

Guntheri Parisiensis. Op.
cit., p. 76—79.

**Из хроники Анонима Гальберштадтского
«Книжица о паломничестве
в Грецию и о реликвиях,
доставленных из Греции»**

В то время как пилигримы почти всю зиму пребывали в Задаре, светлейший король Филипп, знавший об их нужде и о том, что они поизрасходовались, и что из денег, которые [они] должны были венецианцам, большая часть еще осталась до сих пор [неуплаченной], и что уже миновал год, в течение которого венецианцы обязались служить им кораблями и своим войском, мудро заметил, что было бы весьма полезно для Святой земли, если бы его зять Алексей, царь греков, мог быть с их помощью восстановлен в своем царстве, [с престола] которого он был прогнан насильственным путем. Он [Филипп] направил своих послов к войску и высказал им [крестоносцам] свою волю, и [подал свой] совет: если бы они восстановили его зятя в его царстве, то он взял бы на себя обязательство выплатить им двести тысяч марок и доставлять пилигримам в течение года корабли и пропи-

¹ Хронист имеет в виду налог, взимавшийся с рыбацких судов в Византии.

² То есть судьбами крестового похода.

³ См. стр. 48, прим. 1.

тание. Увидев, что по причинам, о которых уже сказано, это сулит немалую выгоду войску, они, склоненные как просьбами, так и ценой¹, единодушно согласились на это дело, то есть чтобы [выступить] за молодого человека, зятя короля Филиппа, и сразу же отпустили [с тем] упомянутых послов.

Когда в майские иды² пришел срок отплытия и все пилигримы вышли из города, венецианцы до основания разрушили его со [всеми] стенами и башнями, а также дворцами и всеми строениями.

Anonymi Halberstaden-
sis. Op. cit., p. 13—14.

VI. ПОВОРОТ КРЕСТОВОГО ПОХОДА
НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
ПУТЬ К ВИЗАНТИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ.
РАЗДОРЫ В ВОЙСКЕ КРЕСТНОСЦЕВ

Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»

XVII. Дождь Венеции хорошо видел, что пилигримы находятся в стесненном положении, и вот он обратился к ним и сказал им: «Сеньоры, в Греции имеется весьма богатая и полная всякого добра земля; если бы нам подвернулся какой-нибудь подходящий случай отправиться туда и запастись в этой земле съестным и всем прочим, пока мы не восстановили бы наши силы, то это казалось бы мне неплохим выходом — в таком случае мы сумели бы отправиться за море». Тогда поднялся маркиз и сказал: «Сеньоры, на последнее рождество я был в Германии, при дворе монсеньора императора³. Ну, так вот, там я видел одного молодого человека — брата жены императора Германии⁴. А молодой человек этот — сын императора Исаака Константинопольского, у которого один

¹ Непереводаемая игра слов: *precibus* — просьбами, *precio* — ценой (в данном случае — величиной компенсации за услугу царевичу Алексею).

² 15 мая 1203 г.

³ Бонифаций Монферратский находился при дворе германского короля Филиппа Швабского в Гагенау с конца декабря 1201 г., приблизительно, в течение одного месяца.

⁴ Имеется в виду византийский царевич Алексей. Сведения автора записок в этом пункте, однако, неточны: находясь в Германии, Бонифаций Монферратский мог в лучшем случае узнать о готовившемся побеге царевича.

из его братьев¹ предательски отнял Константинопольскую империю. Тот, кто смог бы заполучить себе этого молодого человека, сказал маркиз, тот легко сумел бы двинуться в Константинопольскую землю и взять там съестные припасы и прочее, ибо молодой человек является ее законным наследником...».

XXX. Когда маркиз сказал крестоносцам и венецианцам, что тот, кто заполучит это дитя, о коем мы вам уже говорили, тот займет благоприятный случай двинуться на Константинополь и повести войну против его жителей, крестоносцы снарядили надлежащим и вполне одинаковым образом двух рыцарей и послали их в Германию сообщить этому молодому человеку, чтобы он прибыл к ним и что они помогут ему отвоевать то, на что он имеет право. Прибыв ко двору императора Германии, туда, где находился молодой человек², послы передали ему то, что им было поручено сообщить. Когда молодой человек, выслушав сообщение, с которым знатные крестоносцы направили к нему послов, узнал об этом, он весьма обрадовался и потому устроил большое торжество и выказал знаки полного расположения и дружбы по отношению к послам. Затем он сказал, что посоветуется с императором, своим деверем³. Когда император его выслушал, он ответил молодому человеку, что это — прекрасный случай, представляющийся ему; он рекомендовал ему живехонько отправиться туда и, кроме того, сказал, что он [Алексей] никогда не получит ни малейшей доли своего наследства иначе, как с помощью бога и крестоносцев.

XXXI. Молодой человек хорошо понял, что император дает ему добрый совет. Он немедленно снарядился как можно более великолепно, после чего уехал вместе с послами. А еще до того, как молодой человек и послы прибыли, флот [крестоносцев] отбыл на остров Корфу, потому что пасха уже миновала⁴. Однако, когда флот дви-

¹ Алексей III (1195—1203).

² Царевич Алексей, высадившийся (вероятно, весной 1202 г.) в Италию, отправился в Германию (видимо, в конце лета 1202 г.) после встречи с Иннокентием III в Риме.

³ То есть с германским королем Филиппом Швабским. Имея смутное представление о закулисной дипломатии предводителей крестоносцев, Робер де Клари по-своему переиначивает ход событий, в общем и целом верно улавливая их смысл.

⁴ В конце апреля 1203 г.

Нулся туда, [крестоносцы] две галеры [все же] оставили [в Задаре] в ожидании послов и молодого человека. Крестоносцы пребывали на острове Корфу, пока не прибыли послы и молодой человек. Когда послы и молодой человек прибыли в Задар, они нашли там эти две галеры, оставленные для них. И они вышли в море, и пустились в путь, и приехали на Корфу, туда, где находился флот. Увидев, что молодой человек прибыл, все крестоносцы вышли ему навстречу, приветствовали его и устроили ему торжественный прием. Увидев, что знатные люди оказывают ему такие почести, так же, как и все находившееся там войско, молодой человек возрадовался так, как никто другой. И тогда маркиз вышел вперед, взял молодого человека и увел его с собой в свою палатку.

XXXII. В палатке маркиза собрались все знатные бароны и дож Венеции. Они судили и рядили по-всякому, и, в конце концов, спросили у него [царевича Алексея], что он сделает для них, если они посадят его на императорский трон и возложат ему на голову корону в Константинополе. Он ответил им, что сделает для них все, что они только пожелают. И они рассудили так, что он выдаст войску двести тысяч марок, и что он будет на свой счет содержать флот в течение одного года, и что он отправится с ними за море с наилучшим образом вооруженной ратью, и что до конца своих дней он будет содержать за морем десять тысяч вооруженных ратников, и что всем, кто покинет Константинополь, чтобы отправиться за море, он обеспечит пропитание сроком на один год.

XXXIII. Тогда пригласили всех, без исключения, баронов воинства, равно как и венецианцев, и когда все они собрались, дож Венеции встал и произнес такую речь: «Сеньоры, — сказал дож, — теперь нам представляется благоприятный случай двинуться на Константинополь, ежели вы это одобрите: ведь с нами — законный наследник [трона]». Ну, правда, нашлись и такие, которые не одобрили поход на Константинополь, говоря: «Ба! Что нам делать в Константинополе? Нам нужно совершить наше паломничество, и мы собираемся [ведь] идти на Вавилон или Александрию, да и флот наш должен быть с нами всего лишь один год, а уж прошло полгода». Другие, однако, им возражали: «Что делать нам в Вавилоне или Александрии, когда у нас нет ни продовольствия, ни денег, с помощью которых мы могли бы туда от-

правиться? Лучше, прежде чем мы пойдем туда, воспользоваться благоприятным случаем и приобрести съестное и деньги, нежели итти туда погибать от голода. Тогда мы сможем действовать победоносно, а ведь он [Алексей] предлагает нам итти вместе с нами и в течение года содержать наш флот и всех нас на свой счет». И маркиз Монферратский ратовал больше всех прочих за то, чтобы итти на Константинополь, потому что он жаждал отомстить за зло, некогда причиненное ему императором Константинополя (тем, который тогда был императором). Теперь мы прервем свой рассказ и поведаем вам о кознях, из-за которых маркиз ненавидел императора константинопольского.

Далее автор, возвращаясь к более ранним временам, повествует о внутриполитической борьбе в Византии в 1186 г. (мятеж Враны), когда маркиз Конрад Монферратский, брат Бонифация, предводителя рыцарства в IV крестовом походе, якобы оказавший Псааку II Ангелу поддержку против мятежников, сам едва не стал жертвой коварства василевса. Рассказ наполнен историческими несообразностями и домыслами.

XXXIX. Теперь мы поведали вам о кознях, вследствие которых маркиз Монферратский ненавидел императора константинопольского, и о том, почему он особенно старался и советовал больше, чем кто-либо другой, двинуться на Константинополь. Вернемся же к нашему прерванному ранее рассказу.

Когда дож Венеции заявил баронам, что теперь им представляется подходящий случай направиться в землю Константинопольскую и что он стоит за это, все бароны выразили согласие и одобрили такой план. Затем запросили епископов, будет ли грехом итти туда, и они ответили и сказали, что это не только не явится грехом, но, напротив, актом благочестия, ибо с того момента, как с ними находится законный наследник, лишенный [своего] наследия, они вправе оказать ему помощь для отвоевания его [законного] права и отмщения его врагам. После чего молодого человека заставили поклясться на Евангелии, что он исполнит условия соглашения, заключенного ими ранее.

XI. Итак, все пилигримы и венецианцы согласились принять план отправиться к Константинополю. Они подготовили свой флот, собрались сами и вышли в море. Плыли они так хорошо, что [вскоре] прибыли к гавани,

называемой Бук д'Ав¹ и лежащей в сотне миль от Константинополя.

Эта гавань расположена на месте, где некогда стояла Великая Троя², при входе в рукав Святого Георгия³. Отсюда они двинулись дальше по рукаву Святого Георгия и достигли одного лье от Константинополя. Здесь они обождали остальных, пока не собрались вместе все корабли. Когда вся флотилия, все суда съехались, они [крестоносцы] украсили свои корабли столь прекрасно, что это было самое великолепное зрелище на свете. Жители Константинополя, увидевшие эту, столь прекрасно украшенную флотилию, сочли ее за чудо: они взбирались на стены и на крыши домов, чтобы поглядеть на это чудо. А те, кто находились на кораблях, рассматривали величину города, который был столь длинен и столь широк, и дивились этому. После этого они поплыли дальше и вошли в гавань Халкедон, что по ту сторону рукава Святого Георгия.

Robert de Clari. Op. cit.,
p. 30—40.

**Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»**

108. Между тем прошло уже столько времени, что наступил великий пост; и они стали готовить свои корабли, чтобы отплыть к пасхе. Когда корабли были нагружены, на следующий день после пасхи⁴ крестоносцы вышли из города и расположились в гавани; а венецианцы разрушили и город, и башни, и стены.

109. И тогда произошел случай, который очень плохо сказался на войске: ибо один из высоких баронов, по имени Симон де Монфор, заключил договор с королем Венг-

¹ В переводе буквально означает «горловина воды» (Boux d'Ave—Vouche d'Eu). Робер де Клари, используя своеобразную народную этимологию, переводит таким образом на французский язык греческое название гавани Авидос, расположенной при входе в Дарданелльский пролив.

² Это известие Робера де Клари почти соответствует действительности.

³ Дарданелльский пролив.

⁴ В 1203 г. этот церковный праздник приходился на 6 апреля. Следовательно, крестоносцы ушли из города 7 апреля.

рии, врагом крестоносцев, и поехал к нему, покинув войско. С ним отбыли его брат, Гюи де Монфор, Симон де Нофль и Робер Мовуазен, и Дрэ де Крессонак, аббат де Во, который был монахом цистерцианского ордена, и многие другие. А вскоре не замедлило последовать и то, что к королю венгерскому отправился другой высокий сеньор из войска [крестоносцев], по имени Ангерран де Бов, и его брат Юг, и те из их вассалов, которых они смогли увести¹.

110. И они оставили войско, как вы это слышали: это был великий урон войску и большой позор для тех, кто так поступил. Тогда начали выходить в море² корабли и юисье³, и было постановлено, что они отправятся к гавани Корфу, острова Романии, и что [те, кто прибудут] первые обождут последних, пока не соберутся [все] вместе; так они и сделали.

111. Прежде чем дож. и маркиз, и галеры отплыли из гавани Задара⁴, [сюда] прибыл Алексей, сын императора Сурсака⁵ константинопольского. А он был послан Филиппом, королем Германии, и он был принят с великой радостью и великими почестями; и дож дал ему столько галер и кораблей, сколько ему было нужно. И таким образом они отплыли из гавани Задара, и был попутный ветер; так плыли они, пока не достигли гавани

¹ Относительно времени этих событий сведения хронистов расходятся. Если, по сообщению Виллардуэна, данная группа рыцарей и церковников покинула войско уже после того как крестоносцы собрались отплыть из Задара, то, согласно Роберу де Клари, Симон де Монфор и Ангерран де Бов покинули войско еще накануне осады Задара, т. е. в ноябре 1202 г. Ко времени после взятия города относит отъезд части крестоносцев Аноним Гальберштадтский; автор «Константинопольского опустошения» связывает это событие с заключением договора крестоносцев с царевичем Алексеем, т. е. датирует его январем 1203 г.

² По известию автора одной из «малых» хроник — «Константинопольского опустошения», 20 апреля 1203 г.

³ Галеры, на которых находились дож Дандоло и маркиз Бонифаций Монферратский, оставались в арьергарде и вышли позднее.

⁴ По сведениям Робера де Клари (гл. 31) и Анонима Гальберштадтского (стр. 14), Алексей прибыл в Задар после отплытия основной части флота. Последний хронист датирует прибытие царевича 25 апреля 1203 г.

⁵ Исаака II.

Диррахий¹. Жители его, увидев своего сеньора², весьма охотно сдали ему город, и поклялись ему в верности.

112. И, отплыв оттуда, они прибыли на Корфу и нашли там войско, расположившееся возле города³; крестоносцы раскинули палатки и шатры, и вывели коней из юисье, чтобы они попаслись. И когда они услышали, что в гавань прибыл сын императора константинопольского, видели бы вы, как множество добрых рыцарей и множество добрых оруженосцев вышли ему навстречу, ведя множество прекрасных коней. Так приняли они его с великой радостью и великими почестями⁴. И он приказал поставить свою палатку посреди войска; а совсем рядом была раскинута палатка маркиза Монферратского, под чье покровительство отдаться советовал ему король Филипп, женатый на его сестре.

113. Крестоносцы оставались три недели на этом острове⁵, который был весьма богат и покрыт [щедрой] растительностью. И во время этого пребывания с ними приключилась беда, огорчительная и тяжкая; а именно, большая часть тех, кто хотел, чтобы войско распалось, и тех, кто в свое время воспротивился этому, заявили все вместе, что им это дело кажется слишком долгим и чересчур опасным, и что они останутся на острове, а войско пусть отплывает; и что с помощью жителей Корфу они пошлют к графу Готье Бриеннскому, который владел тогда Брандисом, чтобы он прислал им корабли, на которых они могли бы отправиться в Брандис⁶.

¹ Отсюда открывалась главная сухопутная дорога из Адриатики в Константинополь; более чем за сто лет до описываемых событий здесь высадился Боэмунд Тарентский.

² Имеется в виду царевич Алексей.

³ Очевидно, крестоносцы прибыли на Корфу еще в первых числах мая 1203 г.

⁴ Вероятно, теплый прием оказали царевичу Алексею (как здесь, так и еще в Задаре) далеко не все крестоносцы.

⁵ По рассказу Анонима Гальберштадтского, население на Корфу встретило крестоносцев враждебно. Архиепископ, пригласивший на обед некоторых церковнослужителей, иронически заметил по поводу первенства римского престола, что для него имется лишь одно оправдание, заключающееся в том, что Иисуса Христа подняли на крест римские воины. Жители острова, узнав о прибытии царевича Алексея, забросали флот камнями, и тогда остров был предан разграблению. Обо всем этом Виллардуэн умалчивает.

⁶ Брандисом Виллардуэн называет Бриндизи в Италии. Выше, в гл. 33, мемуарист упоминает о том, что во время своего возвра-

114. Я не могу назвать вам всех тех, кто споспешествовал этому делу, но перечислю вам только часть наиболее видных предводителей (следует перечень 14 баронов)... И многие другие втайне обещали принять их сторону, не решаясь из чувства стыда сказать об этом открыто. Книга [эта] свидетельствует, что более половины войска было в согласии с ними.

115. И когда об этом услышали маркиз Монферратский и граф Бодуэн Фландрский, и граф Луи, и граф Сен-Поль, и бароны, находившиеся заодно с ними, они были в сильном смятении и сказали: «Сеньоры, дела наши плохи. Если эти люди уедут от нас, последовав за теми, которые уже многожды от нас отделялись, то наше войско будет погублено и мы не сумеем произвести никаких завоеваний. Так пойдем же к ним и припадем к их стопам и возопим к ним о милосердии; пусть они бога ради сжалятся над собой и над нами, и пусть не обесчестят себя, и пусть не лишат нас [возможности добиться] освобождения Заморской земли».

116. Так решено было устроить совет; и они отправились все вместе в некую долину, где те собрались на свою сходку, и привели с собой сына императора константинопольского и всех епископов, и всех аббатов войска. И когда они пришли туда, то слезли с коней. А те, увидев их, [тоже] сошли со своих коней и двинулись им навстречу. И бароны припали к их стопам и сильно восплакали; и сказали, что не сойдут с места, пока остальные не дадут обещания не покидать их.

117. И когда те это увидели, они прониклись великой жалостью, и разрыдались, узрев своих сеньоров, и родичей своих, и своих друзей припавшими к их стопам. И они сказали, что посоветуются, и отошли в сторону, и посоветовались между собою. А результат их совета был таков, что они останутся еще вместе с крестоносцами до праздника св. Михаила¹ при условии, что им законно поклянутся на Евангелии, что, начиная с этого времени, им пре-

шения из Венеции в 1201 г. он повстречал графа Готье Бриеннского, направлявшегося в Апулию отвоевывать землю своей жены, дочери Танкреда, наследницы трона Сицилийского королевства, перешедшего в 1197 г. к сыну германского императора Генриха VI — Фридриху (II).

¹ 29 сентября 1203 г., дата окончания срока догсвора крестоносцев с Венецией.

доставят — в любое время, как только они того потребуют, и без обмана, — в течение 15 дней флот, на котором они смогли бы отплыть в Сирию.

118. Так было постановлено и скреплено клятвой; и тогда во всем войске разлилось великое ликование. И крестоносцы взошли на корабли, а кони были введены в юисье.

119. Так отплыли они из гавани Корфу накануне Троицы¹ 1203 года от воплощения господина нашего Иисуса Христа. Там были все нефы, и все юисье, и все галеры войска, и довольно торговых кораблей, которые держали путь вместе с ними. И стоял ясный день, и дул тихий и добрый ветер; и они подставили ветру паруса.

120. Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал это произведение (и который ни разу ни словом не солгал с умыслом, а это был человек, присутствовавший на всех советах), свидетельствует вам, что никогда не было видано столь прекрасного зрелища. Казалось, что этот флот должен непременно завоевать землю; ибо насколько далеко схватывал взгляд, только и виднелись паруса нефов и кораблей, так что сердца людей были преисполнены радости.

В последующих главах рассказано о дальнейшем пути крестового флота, прошедшего через острова Негропонте и Андрос и затем по рукаву св. Георгия (Дарданеллы) — к Константинополю, который крестоносцы впервые увидели 23 июня 1203 г., когда корабли бросили якорь в гавани св. Стефана, что в трех лье от византийской столицы.

Geoffroi de Villehardouin.
i n. Op. cit., t. I, p. 110—129.

ВИИ. ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ В 1203 г.

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»

128. Так вот, знайте, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел; ибо они не могли и вообразить себе, что где-либо на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены и эти богатые башни, которыми весь кру-

¹ 24 мая 1203 г.

гом он был обнесен, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто и представить себе не мог, если б не видел их собственными глазами¹, и длину и ширину города, который главенствовал между всеми городами. И знайте, что не было столь храброго человека, чье сердце не дрогнуло бы; и это не было чудом; ибо никогда и никаким народом не предпринималось столь огромное дело с тех пор, как сотворен мир...

Далее, в гл. 129—140, повествуется о том, как по совету дожа Дандоло решено было сперва в целях обеспечения войска хлебом и прочими припасами пристать к островам вблизи Константинополя, но 24 июня флот, пройдя мимо города, остановился у Халкедона, на азиатском берегу Босфора, а затем через несколько дней пристал к Скутари, близ императорского дворца; рассказывается также о первых стычках с отрядами Алексея III.

141. ...На другой день император Алексей [III] послал своего вестника к графам и баронам со своими грамотами². Вестника этого звали Никола Ру³, и он был уроженцем Ломбардии. Он нашел баронов в богатом дворце Скутари, где они держали совет, и приветствовал их от имени императора Алексея Константинопольского, и предъявил его грамоты маркизу Бонифацию Монферратскому; тот принял их. Грамоты были прочитаны перед всеми баронами. И в грамотах этих было столько обходительных слов, что [моей] книге этого не передать; а после всех других слов там были доверительные слова о том, чтобы верить тому, кто доставил эти грамоты и чье имя Никола Ру.

В гл. 142—144 рассказывается о переговорах баронов с послом Алексея III. Во время переговоров Конон Бетюнский, отличавшийся красноречием, выступил от имени баронов: он отверг предложения Алексея III, изъявившего готовность оказать крестоносцам помощь продовольствием на условии, что они тотчас отправятся в Святую Землю; бароны потребовали отречения Алексея III от престола в пользу законного государя. С тем императорский посол и возвратился в Константинополь.

¹ По свидетельству хрониста Альбрика де Труафонтэн, в Константинополе в начале XIII в. насчитывалось около 500 церквей и монастырей.

² Об этом посольстве упоминает также, хотя и менее подробно, Робер де Клари.

³ Латинянин, проживавший в Константинополе; подобно другим, его использовали время от времени для услуг императорскому двору.

145. На следующий день бароны, переговорив между собой, решили показать Алексея, сына императора константинопольского, жителям города¹. Они собрали все галеры. На одну вошли дож Венеции и маркиз Монферратский; они взяли с собой Алексея, сына императора Исаака; на другие галеры сели рыцари и бароны, кто хотел.

146. Так они продефилировали совсем близко от стен Константинополя и показали юношу народу греков, говоря: «Вот ваш прирожденный сеньор; и знайте, что мы прибыли не для того, чтобы содейть вам зло; нет, мы прибыли, чтобы оградить и защитить вас, если вы сделаете то, что должны [сделать]. Ибо тот, кому вы повинуетесь как своему сеньору, правит над вами преступно и содейв грех против бога и против разума. И вы хорошо знаете, как незаконно поступил он по отношению к своему сеньору и брату; он выколол ему глаза и отнял у него власть посредством преступления и прегрешения.

Вот настоящий наследник; если вы примете его сторону, вы сделаете то, что должны сделать; а если вы это не сделаете, мы сотворим вам самое худшее, что только сможем».

Ни один грек из города не дал понять, что он склоняется на его сторону², — из страха и боязни перед императором Алексеем. Так они вернулись в лагерь и каждый ушел в свою палатку.

147. На следующий день они [крестоносцы], отслушав обедню, собрались на совет; и совещались они, сидя верхом на конях посреди поля. Вы могли бы видеть там множество прекрасных скакунов и множество добрых всадников на них. А совет был о том, как построить боевые отряды, сколько и какие именно. Говорили также и о разных других делах; заключение же совета было таково, чтобы командование авангардом было предоставлено графу Бодуэну Фландрскому, потому что у него было

¹ После легкого подчинения Дирахия бароны были обескуражены враждебной встречей в Константинополе. Они, вероятно, предполагали, что царевича там ждут как желанного человека. Этим объясняется намерение, исходившее, как отмечает Робер де Клари, от дожа Дандоло, обратиться к грекам — в надежде, что народ, вопреки императору, выразит благоприятное отношение к «законному наследнику», узрев его воочию.

² То есть на сторону царевича Алексея.

большое число добрых воинов, и лучников, и арбалетчиков, больше, чем у кого-нибудь другого.

148. Потом было постановлено, что второй боевой отряд составят его брат Анри и Матье де Валанкур, и Бодуэн де Бовуар со множеством других добрых рыцарей из их земли и из их страны, что находились вместе с ними.

149. Граф Юг де Сен-Поль вместе со своим племянником Пьером Амьенским, Евстафием де Канлье, Ансо де Кайэ возглавит третий боевой отряд из многих добрых рыцарей из их земли и из их страны.

Далее в гл. 150—153 названы участники и предводители остальных четырех отрядов; седьмой, арьегардный отряд, в который входили ломбардцы, тосканцы, рыцари из южнофранцузских областей, надлежало возглавить Бонифацию Монферратскому.

154. Был назначен [также и] день, когда они погрузятся на корабли, чтобы силой взять землю, и либо жить, либо умереть; и знайте, что это было одно из самых грозных и опасных дел, какое когда-либо предпринималось. После того епископы и духовенство говорили народу и увещевали его исповедаться и чтобы каждый составил свое завещание; ведь они не знали, какова будет воля божья по отношению к ним. И во всем войске они это выполнили весьма охотно и весьма благочестиво.

155. Так наступил срок, который был установлен. И все рыцари находились на юисье со своими конями; и все они были вооружены, на шлемах опущены забрала; лошади были покрыты и оседланы. А прочие, кто не был столь привычен к военному делу, все сели на большие корабли; галеры также были все вооружены и изготовлены.

156. И стояло прекрасное утро, солнце только что взошло; а император Алексей ждал их со множеством воинов, выстроенных надлежащим образом на противоположном берегу. И вот трубят в трубы. И каждая галера была связана с юисье, чтобы легче было переплыть [на другую сторону]. Никто не спрашивал, кому итти вперед первому. Кто мог раньше, раньше и причаливал. И рыцари выходили из юисье и прыгали в море [погружаясь] по пояс в полном вооружении, с опущенными забралами и с копьем в руке; также и добрые лучники, оруженосцы и арбалетчики; и каждый со своим отрядом, там где ему случилось пристать [к берегу].

157. Греки притворились, будто намерены сопротивляться; но когда были пущены в ход копья, они [греки] повернули тыл; они отступили бегом и предоставили им берег. И знайте, что никогда еще никакая гавань не была взята с такою славою. Тогда моряки стали открывать дверцы юисье и перебрасывать мостики; и начали выводить коней. А рыцари начали взбираться на своих коней, и боевые отряды начали строиться, как было должно.

158. Бодуэн, граф Фландрии и Эно, предводительствовавший авангардом, выступил вперед, а за ним другие боевые отряды, каждый на своем месте; и так они скакали до того самого места, где стоял лагерем император Алексей; а он повернул в Константинополь и побросал свои палатки и шатры раскинутыми; и наши воины нашли там довольно добычи.

159. Совет баронов решил, что они [крестоносцы] расположатся у гавани перед башнею Галатой, у которой кончалась цепь, шедшая из Константинополя. И знайте поистине, что только разорвав эту цепь, можно было войти в гавань Константинополя. И наши бароны видели, что если они не возьмут эту башню и не разорвут эту цепь, то они погибли, и участь их будет худой. Потому они расположились на ночь перед башнею и в еврейском квартале, называемом Эстанор, где они нашли много хороших и богатых домов.

160. Ночью они выставили добрую стражу; а на утро, с третьим криком петуха, находившиеся в башне Галата и прибывшие к ним на подмогу из Константинополя в лодках произвели вылазку; наши же тотчас схватились за оружие. Там раньше всего ввязался в бой Жак д'Авень вместе со своими пешими воинами. И знайте, что ему пришлось туго и что он был ранен копьем в лицо и чуть не погиб. И один из его рыцарей, по имени Никола де Жанлэн вскочил на коня; и он отлично выручил своего сюзерена; он выказал себя так доблестно, что заслужил великий почет.

16. И в лагере поднялся крик; и со всех сторон бежали наши; они одним ударом отбросили их прочь, так что были там весьма многие убиты и взяты в плен; и немало было таких, которые не возвратились в башню, а на своих барках отплыли туда, откуда прибыли; и довольно много было утонувших, и никто не вышел целым и невредимым. Те же, которые повернули назад к башне, были преследуемы столь близко, что не успели запереть

за собою ворота. У ворот произошел самый большой бой; и они [крестоносцы] взяли их силою и проникли внутрь, многие были там убиты и пленены.

162. Так захвачен был замок Галата и взята силою Константинопольская гавань. Велика была радость воинов, и они восхваляли бога; жители же города были расстроены. И на следующий день в гавань были введены корабли, суда и галеры. Тогда предводители войска держали совет о том, что делать дальше: напасть ли на город с моря или с суши. Венецианцы горячо ратовали за то, чтобы на кораблях были устроены лестницы, и чтобы весь приступ был произведен со стороны моря. Французы же говорили, что они не умеют действовать на море столь хорошо, как на суше, — но зато, сидя на лошади со своим оружием, они сумеют лучше помочь себе на суше. Конец совета был таков, что венецианцы пойдут на приступ с моря, а бароны и их войско — со стороны суши.

163. Так пребывали они [там] четыре дня. На пятый день весь лагерь взялся за оружие. И боевые отряды выступили в назначенном порядке и двинулись от гавани до самого Влахернского дворца, а корабли шли [вдоль берега] гаванью напротив них и доплыли до самого конца гавани. Там есть река, которая впадает в море и которую нельзя перейти иначе, как по каменному мосту. Греки сломали мост, и по распоряжению баронов войско трудилось целый день и целую ночь, чтобы починить мост. Наконец, мост был восстановлен и боевые отряды перешли по нему утром один за другим в установленном порядке. Так они подступили к городу; и никто не выступил из города против них. И это было великим чудом: ведь на одного человека в войске [крестоносцев] приходилось двести в городе.

164. Потом совет баронов решил, что они расположатся между Влахернским дворцом и замком Боэmunда, который представлял собой аббатство, обведенное стенами. И тогда были раскинута палатки и шатры; и это зрелище вызывало чувство гордости: ибо все войско могло осаждать Константинополь, который на суше тянулся на три лье в ширину, лишь у одних ворот. А венецианцы находились в море, на кораблях и на судах; и они соорудили лестницы, и поставили камнеметательницы, и отлично приготовились к приступу. А бароны также приготовились к своему приступу с суши: изготовили орудия и камнеметательницы...

В гл. 165—169 рассказывается о происходивших в течение десяти дней, которые предшествовали общему приступу, мелких стычках с греками, о потерях крестоносцев, подвигах отдельных рыцарей, вроде Пьера де Брасье, особенно отличившегося в схватках у ворот Влахернского дворца.

170. Эти опасности и эти ратные труды продолжались почти десять дней, пока, наконец, однажды к утру четверга¹ приступ был подготовлен и их лестницы тоже; и венецианцы изготовились к своему приступу с моря. Приказ был отдан о приступе таким образом, что три из семи боевых отрядов должны были защищать лагерь, а четыре остальных производить приступ. Маркиз Бонифаций Монферратский охранял лагерь со стороны полей с отрядами бургундцев, шампанцев и Матье Монморанси. А Бодуэн, граф Фландрский и Эно, пошел на приступ со своими воинами, также и его брат Анри; и пошли на приступ граф Луи Блуасский и Шартрский, и граф Юг де Сен-Поль, и те, кто был вместе с ними...

В гл. 171—172 повествуется о первых неудачных как для французов, так и для венецианцев попытках штурмовать стены Константинополя с суши и моря.

173. А сейчас вы услышите о странной доблести; ибо дож Венеции, который был старым человеком и не видел ни капли, в полном вооружении стоял на носу своей галеры со знаменем св. Марка; и он кричал своим, чтобы они высадили его на землю, иначе он их покарает. Так они и поступили; ибо галера причалила, и они выпрыгнули, и они понесли перед ним знамя св. Марка...

174. [Воодушевленные дожем, венецианцы, увидев знамя св. Марка, храбро кинулись с кораблей в бой на сушу]. И тогда вы увидели бы великий и чудесный приступ; и, что свидетельствует Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампанский, который сочинил это произведение, и об этом ему говорили поистине более сорока человек, они увидели знамя св. Марка водруженным на одной из башен, но не знали, кто его туда водрузил...

В гл. 175—176 рассказано о взятии венецианцами 25 башен, о том, как венецианцы, чтобы удержаться против превосходящих сил греков, подожгли город.

¹ 17 июля 1203 г.

177. Тогда император Алексей Константинопольский вышел со всеми своими войсками из города, через другие ворота, которые отстояли на одно лье от лагеря; и он начал выводить столько народу, что казалось, будто это был весь мир. Он приказал построить свои боевые отряды на равнине, и они стали приближаться к лагерю; и когда наши французы увидели их, они со всех сторон кинулись к оружию. В тот день Анри, брат графа Бодуэна Фландрского и Эно, нес дозор у [осадных] орудий, поставленных перед Влахернскими воротами, вместе с Матье де Валанкур и Бодуэном де Бовуар, и их ратниками, которые были с ними. И вот император Алексей расположил своих людей в большом числе как раз напротив них, чтобы они вышли из трех ворот, в то время, как [сам] он атаковал бы лагерь с другой стороны.

178. И тогда вышли шесть боевых частей, которые были созданы [раньше], и они [рыцари] построились перед своими [участками] частокола [ограждавшего лагерь]; и позади коней стояли пешие оруженосцы и щитonosцы, а перед ними [конными рыцарями] — лучники и арбалетчики; они составили единый боевой отряд со своими пешими рыцарями, а таких рыцарей, у которых не было коня, имелось около двухсот. Так держались они перед своими [участками] частокола; и в этом заключался большой смысл, ибо если бы они выступили в атаку в открытом поле, то у противника было столько воинов, что все наши были бы поглощены ими.

179. Казалось, будто вся равнина покрыта ратниками; они продвигались мелкой поступью в строгом порядке. Казалось, [нам] грозила большая опасность; ибо у нас было всего шесть боевых подразделений, а у греков чуть ли не сорок; и среди них не было ни одного, которое не превосходило бы [любой] наш [отряд]. Однако наши расположились таким образом, что подступиться к ним можно было только спереди. И император Алексей [со своими] приблизился уже настолько, что одна сторона стреляла в другую. Услышав об этом, дож Венеции приказал стянуть своих воинов, чтобы они покинули башни, которыми овладели; он заявил, что желает жить или умереть вместе с пилигримами. Так он подошел [на кораблях] к лагерю, и сам первый спустился на сушу с теми, кого сумел привести с собой.

180. Так долгое время войска пилигримов и греков стояли друг против друга; ибо греки не отваживались

ринуться на линию их [крестоносцев] отрядов, а/ они не хотели удаляться от своего частокола. Когда император Алексей это увидел, он начал стягивать своих людей, а собрав их, отступил. Увидев это, войско пилигримов двинулось на него легкой рысью; а войска греков припустили и отступили к дворцу Филопатион.

181. И знайте, что никогда еще бог не избавлял какой-либо народ от большей опасности, как он это сделал в тот день с войском крестоносцев; и знайте, что не было такого храбреца, который бы не почувствовал великой радости.

Так обстояло дело со сражением в этот день, ибо не совершилось ничего больше того, что было угодно господу богу. Император Алексей возвратился в город, а крестоносцы удалились в свои палатки; они скинули свое оружие, так как сильно утомились и устали; и они малость поели и попили, ибо съестного у них было немного.

182. Ну, а теперь послушайте о чудесах господних, которые столь прекрасны везде, где ему угодно их творить! В эту же ночь император Алексей Константинопольский взял из своих сокровищ, сколько мог унести, и увел с собою всех тех, которые пожелали уйти; он убежал и оставил город. Жители же города были весьма поражены; и они отправились к темнице, где находился император Исаак, у которого были выколоты глаза. Его облачили в императорские одежды, и отнесли в главный Влахернский дворец, и посадили на высокий трон, и подчинились ему как своему сеньору. И тогда по совету императора Исаака назначили послов и отправили их в лагерь [крестоносцев]; и возвестили сыну Исаака и баронам, что император Алексей бежал и что они восстановили на престоле в качестве императора Исаака.

183. Когда юноша узнал об этом, он сообщил [полученное им известие] маркизу Бонифацию Монферратскому, а маркиз — баронам по всему лагерю. И когда они собрались в шатер сына императора Исаака, он рассказал им эту новость; и, услышав ее, они выразили такую радость, что и не рассказать, ибо такой никогда не видывали в мире. И все благочестиво воздали хвалу господу богу за то, что он столь быстро помог им, и за то, что из такой глубины падения, в которой они находились, он вознес их столь высоко. И потому можно справедливо сказать: «Тому, кому бог хочет помочь, повредить никто не в состоянии».

184. Между тем начинало рассветать, и лагерь взялся за оружие; и они вооружились все, ибо не слишком доверяли грекам. А тем временем являются новые вестники, по двое, или по трое вместе, и рассказывают те же самые новости. Совет баронов и графов, а также и дожа решил отправить в город послов, чтобы разузнать, в каком положении находятся дела. И если бы то, что им сообщили, было верно, то потребовать от отца подтверждения тех условий, которые с ними заключил сын, иначе они не отпустят царевича вступить в город. Были избраны послы: одним из них был Матье Монморанси, а другим Жоффруа, маршал Шампани, а со стороны дожа Венеции — два венецианца.

185. Таким образом, послы были отведены к воротам, и им открыли ворота, и они пошли пешком. А греки расставили от ворот до Влахернского дворца англичан и датчан, вооруженных секирами. Так послов провели до главного дворца; там они нашли императора Исаака [одетым столь богато, что напрасно кто-нибудь захотел бы видеть человека одетого с большею роскошью], а подле него императрицу, его жену, — это была весьма красивая дама, сестра короля Венгрии. Других же знатных людей и знатных дам было такое множество, что нельзя было пошевелить ногой; и дамы были украшены столь богато, что более пышно и [представить себе] невозможно. И все те, которые за день перед тем выступали против него [Исаака], теперь явились к его услугам.

186. Послы предстали перед императором Исааком; император и все прочие оказали им большие почести. И послы сказали, что они желают переговорить с ним наедине от имени его сына и от лица баронов войска. И он встал и пошел в отдельный покой и взял с собою только императрицу, и своего канцлера, и своего драгомана¹, и четырех послов. По согласию с остальными послами слово взял Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и он сказал императору Исааку:

187. «Государь, ты видишь, какую услугу мы оказали твоему сыну и как мы выполнили пред ним заключенный с ним договор. Однако он не может вступить в город, пока сам не обеспечит выполнения условий, которые подписал с нами. Он просит теперь, как твой сын, чтобы ты подтвердил его договор с нами в той форме и тем же спо-

¹ Драгоман — переводчик.

собою, как он то сделал сам». — «Каков же договор?» — спрашивает император. «Таков, как я вам [сейчас] поведаю», — отвечает посол.

188. «Прежде всего, поставить всю Ромейскую империю в подчинение Риму, от которого она давно отделилась; потом, выдать войску двести тысяч марок серебра и съестных припасов на год, всем малым и великим; и отправить в землю Вавилонскую десять тысяч человек, пеших и конных [столько пеших, сколько мы пожелаем, и столько конных, сколько мы захотим], на своих кораблях и на свой счет, и содержать их там в течение года; и держать в Заморской земле на свой счет пятьсот рыцарей, которые охраняли бы ее в течение всей своей жизни. Таково соглашение, которое ваш сын заключил с нами; и он нам его скрепил клятвою и грамотами с подвесными печатями [также] и от имени Филиппа, короля Германии, вашего зятя. Мы желаем [теперь], чтобы и вы также подтвердили этот договор».

189. «Конечно, — сказал император, — условия договора весьма велики, и я не вижу, как он может быть выполнен: но, тем не менее, вы оказали ему такую услугу, и мне и ему, что если бы вам отдать всю империю, то и тогда вы заслуживали бы большего». Много было сказано и других речей и повторялось на разные лады; но все кончилось тем, что отец подтвердил договор в том виде, в каком его заключил сын, скрепив клятвою и грамотой с золотыми печатями. Грамота была вручена послам. Простившись с императором, они возвратились в лагерь и передали баронам о совершенном ими деле.

190. После того бароны сели на лошадей и отвели царевича с великою радостью в город к его отцу; и греки открыли ему ворота и приняли его с весьма большою радостью. Радость отца и сына была чрезвычайно велика, ибо они давно уже не видались и потому [еще], что после столь великой бедности и после столь великого падения были вознесены к столь великому могуществу, прежде всего с помощью бога, а потом крестоносцев. Очень велика была радость и в Константинополе, и вне [города], в лагере пилигримов по случаю славы и победы, которые им даровал бог.

191. На следующий день император и его сын просили графов и баронов именем бога расположиться по другую сторону гавани, близ Эстанора и Галаты, [говоря, что] если они останутся в городе, то придется опасаться

столкновения между ними и греками, и город может быть даже разрушен. И наши сказали [в ответ], что они уже оказали им столько разнообразных услуг, что не откажут теперь в том, о чем их просят. Затем они ушли, чтобы расположиться на другой стороне гавани. Так пребывали они в мире и спокойствии, имея полное изобилие всякого рода съестных припасов.

192. Вы можете себе представить, что многие из войска приходили повидать Константинополь и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и великие богатства (ибо никогда ни в одном городе не было столько [сокровищ]). Нечего уж и говорить о различных святынях: ибо [даже] поныне их столько в одном этом городе, сколько во [всем] остальном мире. Так греки и французы находились во всем в великом согласии — и насчет товаров, и прочего добра.

193. По общему решению французов и греков было постановлено, что новый император будет коронован в праздник св. Петра, в начале августа¹. Как решили, так и сделали. Он был коронован столь же достойно и с теми же почестями, как было в то время принято короновать греческих императоров. Потом приступили к выплате денег, которые [греки] должны были войску; и эту сумму поделили между ратниками, и каждый возвратил то, что за него было уплачено венецианцам за переезд.

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., t. I, p. 130—197.

**Из записок Робера де Клари
«Завоевание Константинополя»**

XLI. ...И тогда отдан был по всему войску приказ, чтобы все, великие и малые, вооружились, и когда они все вооружились, то исповедались и причастились, ибо сильно сомневались, смогут ли пробиться к Константинополю. Потом они построили свои отряды, свои корабли, свои юисье и галеры, и рыцари со своими конями вошли в юисье, и они пустились в путь; и они приказали трубить в позолоченные и медные трубы, число которых было почти сто пар, и столько же и даже больше барабанов и колоколов.

¹ 1 августа 1203 г.

XLII. Когда жители города увидели эту большую флотилию и это большое войско, когда они услышали звуки труб и гром барабанов, которые производили великий шум, тогда все они до единого вооружились и взобрались на крыши домов и на городские башни. И им показалось, что все море и вся земля содрогаются, и что все море покрыто судами. Однако ж император приказал всем своим вооруженным силам выступить к берегу, чтобы его защищать.

XLIII. В начале главы автор рассказывает о том, как греки при виде крестоносцев, высадившихся с кораблей на берег, обратились в бегство по направлению к городу.

...Когда рыцари выехали [на конях] из юисье, они начали преследовать этих греков и гнали их до некоего моста вблизи окраины города. На этом мосту были ворота, через которые греки вбегали в Константинополь. Когда крестоносцы возвратились [к кораблям] после преследования греков, они посоветовались, и венецианцы сказали, что их корабли будут в безопасности, только если станут в гавани; тогда они порешили привести их в гавань. А гавань Константинополя была прочно заперта большой железной цепью, которая тянулась от города и на другой стороне — к башне Галаты. Башня эта была весьма укрепленной и легко защищаемой и хорошо обеспеченной воинами для ее защиты.

XLIV. В начале главы повествуется о взятии крестоносцами Галатской башни, о прорыве цепи, преграждавшей доступ в Константинопольскую гавань, а также о том, как флотилия крестоносцев вошла в гавань, где завоеватели овладели находившимися там греческими судами. После этого был разработан план осады города, которую венецианцы должны были вести с моря, французы — с суши. Дож Венеции распорядился подготовить осадные орудия и лестницы, с помощью которых будет предпринят приступ стен. После успешной для крестоносцев стычки с греками у моста, ведущего к городу, крестоносцы подошли к стенам византийской столицы.

И когда они достигли города, знатные люди расположили свои шатры перед Влахернским дворцом, который принадлежал императору, — этот дворец находился прямо на краю города. Тогда дож Венеции распорядился подготовить весьма дивные и весьма прекрасные осадные орудия, ибо он приказал взять перекладыны от корабельных мачт, которые [обычно] держали паруса, — а длиной

они в тридцать локтей или даже более того; и [потом] он велел хорошенько скрепить их и привязать прочными веревками к мачтам и так устроить поверх них добрые перекидные мостики с веревочными поручнями; и [каждый] мостик был такой ширины, что по нему могли проехать в ряд три вооруженных рыцаря; и дож распорядился столь хорошо укрепить мостики и прикрыть их с боков столь прочными кусками ткани, что тем, кто должен был переезжать по ним для приступа (города), нечего было опасаться ни арбалетов, ни стрел. А [каждый] мостик был таким, что высота его от края корабля до земли была наверняка сорок локтей, а то и больше. На каждом юисье была камнеметательница, которая все время бросала снаряды на стены и в город. Когда венецианцы оборудовали свои корабли, как я вам только что здесь рассказал, пилигримы с другой стороны расставили наилучшим образом свои камнеметательницы, из которых они били так далеко, что достигали императорского дворца; а в то же время горожане оттуда стреляли со своей стороны, достигая палаток пилигримов. Потом они посовещались, пилигримы и венецианцы, и договорились на завтра всем вместе двинуться приступом на город — и по суше, и по морю.

Когда наступило утро следующего¹ дня и венецианцы приготовились, построили свои суда и подплыли как можно ближе к стенам, чтобы начать приступ; когда в то же самое время пилигримы расположились с другой стороны, случилось так, что император Константинопольский Алексей² вместе со своей ратью выехал из города через ворота, называемые Румскими, и там выстроил своих ратников семнадцатью отрядами. В этих семнадцати отрядах насчитывалось около ста тысяч всадников. Потом он направил сколько мог из этих семнадцати отрядов туда, где стояло войско французов в обход [крестоносцев], а остальных удержал при себе. И он приказал выйти из города всем пешим людям, способным носить оружие, и расположиться у стен, от края до края, между армией французов и стенами. Увидев себя таким образом окруженными этими отрядами, французы ужаснулись и выстроили свои отряды, образовав всего семь та-

¹ 17 июля 1203 г.

² Алексей III.

ких отрядов из семисот рыцарей, потому что больше у них не было; да и из этих семисот пятьдесят были пешими¹.

XLV. После того, как они выстроили таким образом свое войско, граф Фландрский потребовал, чтобы под его командование был поставлен первый отряд, и ему его предоставили; граф Сен-Поль и монсеньор Пьер Амьенский получили второй отряд; монсеньор Анри², брат графа Фландрского, и немцы взяли командование третьим отрядом. И было решено, что пешие оруженосцы последуют за отрядами всадников с тем, чтобы три или четыре группы оруженосцев приходились бы на каждый конный отряд. И у каждого отряда оруженосцами были воины из его земли. Потом, когда были построены три отряда, которым предстояло биться против императора, они [крестоносцы] выстроили четыре остальных, которые должны были защищать лагерь [крестоносцев]. Маркиз³, являвшийся предводителем всей рати, находился в арьергарде и защищал лагерь с тыла; граф Луи⁴ командовал вторым отрядом, который подошел позднее, шампанцы составляли третий отряд, бургундцы — четвертый, а маркиз начальствовал над [всеми] этими четырьмя отрядами. Мало того, в дело пустили всех конюших, которые стерегли лошадей, и всех поваров, которые могли носить оружие; всех их облачили в одеяла, в седельные коврики, дали им [в руки] котелки, скалки, пестики [для ступ], так что они имели такой безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшей люд императора, расположившийся перед стенами⁵, увидев их, был объят страхом и ужасом. А те четыре отряда, о которых я вам сказал выше, защищали лагерь, опасаясь, как бы отряды императора, стоявшие вокруг лагеря, не пробили брешь и не уничтожили бы лагерь и палатки. И конюших, и поваров — их повернули в сторону города, в сторону пехоты императора, выстроенной у стен. И когда пехотинцы императора увидели наш меньшей люд столь несообразно вооруженным, это навело на них такой ужас, что они не отважились ни сдвинуться с места, ни подступить к ним [с этой стороны] так, что [нашему] войску никогда не пришлось защищаться.

¹ То есть оруженосцами.

² Граф Эно.

³ Бонифаций Монферратский.

⁴ Луи Блуасский.

⁵ У Влахернского дворца.

XLVI. Затем был отдан приказ, чтобы граф Фландрский, граф Сен-Поль и монсеньор Анри, которые командовали первыми тремя отрядами, выступили против императора, а его хорошо защищали, — и потому, какая бы надобность ни была у остальных четырех отрядов, они не должны были двигаться с места до тех пор, пока не увидели бы, что все, так сказать, потеряно и чтобы не позволить себя окружить или стеснить другими отрядами [императора], занявшими плацдарм вокруг лагеря.

В то время как французы построились таким образом, венецианцы, находившиеся в море, тоже не теряли времени: напротив, они пододвинули свои корабли к стенам, так что воины отлично вскарабкивались на стены города по лестницам и мостикам, которые изготовили на судах; и они стреляли, кидали копья, бросали снаряды из своих баллист и шли на приступ более чем яростно; им удалось поджечь город, так что выгорела часть города по величине равная Аррасу¹. И они не отваживались ни просочиться, ни вступить в город, ибо их было чересчур мало и они бы там не продержались; и тогда они возвратились на свои корабли.

XLVII. Автор описывает, как происходило сближение первых трех отрядов крестоносцев с девятью отрядами Алексея III, насчитывавшими каждый по три-четыре, а то и по пять тысяч всадников.

...Женщины и девушки во Влахернском дворце прильнули к окнам, и прочие горожане, в том числе женщины и девушки, взобрались на городские стены и глядели [оттуда] на скачущих рыцарей, и, с другой стороны, на [приближавшуюся] императорскую рать. Они говорили друг другу, что наши походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так красиво вооружены и их кони покрыты такой красивой попоной.

В гл. XLVIII, продолжая повествование о надвигавшейся, казалось, схватке между обеими сторонами, автор рассказывает, как, соединившись вместе, три отряда крестоносцев сблизилась с греками настолько, что арбалетчики с той и с другой стороны могли стрелять в противника. До столкновения осталось преодолеть лишь небольшую возвышенность, и рыцари первыми оказались на ее вершине, тогда как греки сгруппировались у подножия холма. Их разделял лишь канал, по которому в Константинополь поступала вода. Тем не менее, предводители рыцарских отрядов колебались

¹ Город во Франции.

идти на полное сближение и вступать в бой с императорской ратью, понимая, что слишком удалились от своего лагеря, откуда их не было видно, так что в случае надобности они не могли бы получить оттуда необходимую помощь.

В свою очередь, греки, по рассказу мемуариста, были изумлены и ошеломлены видом двигавшихся прямо на них рыцарских отрядов. И пока французы совещались между собой о дальнейших действиях, император со своими отступил в Константинополь.

В гл. L и LI кратко рассказывается о бегстве Алексея III из Константинополя.

LII. На другое утро, когда горожане узнали, что император бежал, они не сделали чего-либо иного, а подошли к воротам, открыли их, вышли оттуда, явились к лагерю французов и вызвали Алексея, сына Исаака. Им объяснили, что он находится в шатре маркиза. Придя туда, они застали его там; и его друзья устроили пышный праздник и возликовали, и весьма поблагодарили баронов, и сказали, что они поступили весьма хорошо, совершив это достойное деяние. Они сказали также, что император бежал, а что бароны должны войти в город и во дворец словно к себе. Тогда собрались все высокие бароны войска и взяли Алексея, сына Исаака, и с большой радостью и с великим торжеством ввели его во дворец. Явившись во дворец, они приказали освободить из темницы отца молодого человека, Исаака, и его жену, которую заключил туда его брат, тот, кто был императором. И когда Исаак был освобожден из темницы, он очень обрадовался, увидев сына, обнял его и горячо поблагодарил всех баронов, которые там присутствовали. [Исаак] сказал, что он освобожден из темницы сначала с помощью божьей, а затем — с их [помощью]. После чего принесли два золотых трона и посадили Исаака на один трон, а Алексея, его сына, на другой, рядом.

Далее в главе рассказывается о том, как Исаак, став императором, освободил из темницы Алексея Мурцуфла, которого сделал «своим балы», за что впоследствии жестоко поплатился. После этого Робер де Клари сообщает, будто к крестоносцам обратился иконийский султан.

Он сказал им, когда они еще находились вблизи Константинополя: «Конечно, сеньоры, сказал он, вы, завоевав столь великий город, как Константинополь, который является главой мира, и восстановив на троне законного наследника Константинополя, которого короновали импе-

ратором, вы свершили деяние истинных баронов, акт великой доблести». И в самом деле, жители этой страны говорили, что Константинополь является главой мира.

Далее рассказчик сообщает, будто иконийский султан тоже обратился к крестоносцам с просьбой помочь и ему отвоевать его владения у брата, но бароны отклонили его просьбу.

Когда они вышли из своего совета, то ответили султану, что не могут сделать то, что он просит, ибо им еще нужно получить полагающееся по условиям договоренности от императоров, и было бы опасно оставлять столь великий город как Константинополь в том положении, в котором он находится...

Robert de Clari. Op. cit.,
p. 41—54.

Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского

Х. ...Войско [крестоносцев] было далеко не в радостном настроении, ибо, ввязавшись в чужие дела¹, подверглось большому риску. Надобно верить, что бог определил быть тому, чтобы этот город², который вследствие своей обширности и могущества уже давно отложился от римского престола, лишь доблестью наших и их неожиданной победой был возвращен к церковному единству...³.

Автор говорит далее о крайне затруднительном положении, в которое попали войны Христовы.

[С одной стороны], находясь в непосредственной близости от города, они не чувствовали себя в достаточной безопасности перед лицом бесчисленного и враждебного [им] народа греков; [с другой] — они не могли, не подвергаясь превратностям, да и то лишь с огромными уси-

¹ Хронист подразумевает вмешательство крестоносцев в политико-дипломатические интриги, связанные с внутренней борьбой в Византии.

² Константинополь, вблизи которого расположилась рать крестоносцев.

³ Речь идет о событиях, развернувшихся уже в конце 1203 — начале 1204 г., после того как крестоносцы, вторгшись в столицу Византии, водворили там Исаака II и его сына Алексея (IV).

лиями, уйти отсюда, так как у греков было множество кораблей, на которых они замыслили в случае бегства [крестоносцев] преследовать их или вовсе истребить в сражении.

Вот почему случилось, — а такое обычно бывает редко, — что наши вознамерились осадить тот самый город, из-под которого не осмеливались бежать.

Сославшись в объяснение этой ситуации на «тайные предначертания божьи», автор в начале следующей главы возвращается к недавним событиям и раскрывает обстоятельства, поставившие крестоносцев в столь трудные условия; хронист напоминает о том, что они решили оказать содействие в восстановлении царевича Алексея.

XI. ...[Крестоносцы] руководствовались различными мотивами, [исходили] как из уважения к королю Филиппу, который очень просил наших за Алексея, так и из того, что им казалось благочестивым делом восстановить на престоле, коль скоро это представляется возможным, законного, жестоко низвергнутого [с него] наследника царства, а также уступая просьбам и обещаниям молодого человека, который, будучи восстановлен на престоле, смог бы оказать большую поддержку всем пилигримам — и ныне, и потом. К этому добавилось и еще одно [обстоятельство]: они знали, что Константинополь был для святой римской церкви мятежным и ненавистным городом, и не думали, что его покорение нашими явилось бы очень уж неугодным верховному понтифику или даже [самому] богу. В особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы, чьим флотом они пользовались для плавания, — [венецианцы действовали так] отчасти в надежде получить обещанные деньги, до которых народ этот весьма жаден, отчасти — потому, что город этот, сильный множеством кораблей, притяжал на главенство и господство во всем этом море. Из-за стечения всех этих и, вероятно, иных обстоятельств получилось так, что все единодушно согласились принять сторону молодого человека¹ и обещали ему свою помощь.

Была, однако, как мы верим, и другая причина, намного более древняя [по происхождению] и важная [чем все эти], а именно — совет благодати господа, который намеревался таким образом унижить этот народ, преис-

¹ Царевича Алексея.

полнившийся гордыней из-за своего богатства, и привести [его] к миру и согласию со святой вселенской церковью. Казалось соответствующим [предначертаниям божьим], чтобы народ этот, который нельзя было исправить иным способом, был бы наказан смертью немногих и потерей мирских благ, коими он владел в изобилии, и чтобы народ пилигримов обогатился добычей, [взятой] у гордецов, а вся [их] земля перешла бы в наше владение, и чтобы западная церковь украсилась священными реликвиями, которые присвоили себе недостойные [греки], и вечно радовалась бы им. Особенно важно еще и то, что этот часто упоминаемый [нами] город, который всегда был вероломен [по отношению] к пилигримам, поменяв, наконец, соизволением божьим, своих жителей, пребудет верным и единокдушным [единоверным] и сможет оказывать нам тем более постоянную помощь в одолении варваров, в завоевании Святой земли и овладению ею, что находится в большой близости к ней...

Конец XI и большую часть гл. XII Гунтер посвящает рассуждениям о божественных истоках уклонения крестоносцев с пути, завершая эти рассуждения следующими словами:

XII. ...Надобно, следовательно, верить, что это по неодолимому божественному предначертанию случилось так, что наше войско, которое тотчас после взятия Задара поспешало двинуться в Александрию, изменив своему намерению, объявило войну этому большому городу¹ и, направив флотилию, вражески вторглось в его пределы, разбило свой лагерь неподалеку от его стен и расположилось там, изготоясь к бою.

В завершение гл. XII хронист кратко рассказывает о штурме византийской столицы и бегстве Алексея III, а в начале гл. XIII пишет о возведении на престол молодого Алексея, умалчивая при этом о восстановлении его отца Исаака II.

XIII. ...Он распорядился благослонно и щедро выплатить нашим князьям половину обещанных денег в надежде, что [и] оставшуюся [половину] сумеет отдать в кратчайшее время. Несколько дней наши оставались в этом городе и с умеренностью оказывали услуги как новому царю, так и самим горожанам, остерегаясь в особенности быть кому-нибудь обременительными гостями.

¹ Константинополю.

Однако так как город, несмотря на свои огромные размеры, не мог вместить такого множества людей и коней, и к тому же — людей, принадлежавших к двум народам, столь различным по языку и обычаям, [да к тому же] не испытывавшим взаимного доверия друг к другу, то ими [крестоносцами] сочтено было за благо оставить город, удалиться на широкую равнину близ него¹, разбить здесь лагерь и спокойно ожидать исполнения царских обещаний.

Guntheri Parisiensis. Op.
cit., p. 83—89.

**Из хроники Суассонского Анонима
«О Земле Иерусалимской и каким образом
доставлены были в эту церковь реликвии
из города Константинополя»**

...В год от воплощения Слова² одна тысяча двести второй по внушению святого духа господин епископ Нивелон Суассонский, Балдуин, граф Фландрский, Людовик Шартрский, Гарнье, епископ Труасский, и многие другие знатные [люди], с огромным множеством народа, вняв проповеди господина Фулько, превосходного священника из города, называемого Нейи, что в Парижском диоцезе³, предприняли поход на Иерусалим.

Когда они прибыли в Венецию, венецианцы потребовали от них больших денег, и многих расходов, и награды за свои корабли. И они, находясь почти три месяца на острове св. Николая, не могли ни сесть на корабли, ни уйти назад. Поэтому, израсходовав почти все свое добро, наши были принуждены переплыть с венецианцами [море] и выступить против жителей Задара, которые враждебны венецианцам. Там они повстречали некоего сына императора константинопольского по имени Алексей, который, бежав из царственного города от своего дяди, заключившего его отца-императора в темницу и лишившего его света обоих глаз, скрывался в тех краях. [Алексей], увидев

¹ Крестоносцы расположились лагерем на восточном берегу залива Золотой Рог, в Галате, предместье Константинополя.

² То есть от рождения Иисуса Христа, в образ которого, по евангельскому мифу, воплотилось «слово бога», или «святой дух».

³ Диоцез — церковный округ.

множество наших, униженно просил у них помощи, обещая и всячески подтверждая [обещания], что если они восстановят его в вечной, империи¹, он, выдав им еще раньше достаточную помощь [деньгами], собственной персоной и на собственные средства, которых достанет и его [людям], и нашим, отправится в иерусалимский поход и будет воевать три года. Заключив это соглашение, наши двинулись на Константинополь. Достигнув его спустя немного дней, они силой вступили в царственный город, то есть в Константинополь, вознесли упомянутого Алексея на отчий престол и, принятые по [общему] согласию всеми греками, заставили бежать названного дядю [Алексея]. Некоторое время он милостиво обращался с нашими и многими дарами выражал им свое почтение, затем, однако, вняв совету своего отца, лишенного света обоих глаз, и [прочих] греков, отказался от иерусалимского похода, который обещал и подтверждал [обещание] клятвой. По этой причине наши, изгнанные из царственного города, оказались между городом и морем, днем и ночью смертельно угрожаемые греками.

Между тем у греков возник раздор с императором Алексеем, в результате коего однажды ночью его удушили, узнав, что он намерен уйти к нашим. И [греки] неожиданно, посреди ночи, под звуки труб и устрашающий шум, с ужасающей силою напали на нас, когда мы были вне города. Однако господь, взирающий с небес, сжалился над [ратными] трудами наших, сохранил их в целости, а многие из его супротивников были убиты. Увидев это, наши, поелику они не могли ни двинуться в море, не подвергнув себя смертельной опасности, ни оставаться далее на суше, — из-за внезапно сказавшейся нехватки съестного и прочего, посоветовавшись, пролив слезы, очистившись исповедью и единодушно и согласно причастившись тела господня, чуть начало светать, мужественно ринулись приступом на город; но в тот день ни в чем не преуспели.

Далее рассказывается о вторжении крестоносцев в Константинополь.

¹ «Вечная империя» — Римская империя. Согласно средневековым представлениям, Византия считалась продолжением Римской империи — последнего земного государства, падение которого повлечет к «светопреставлению» и затем — к наступлению «царства божия».

И так-то вся масса вошла в царственный город: одних греков поубивали, других обратили в бегство, третьих, изъявивших готовность повиноваться, пощадили...

Anonymi Suessionensis De Terra Iherosolymitana, et quomodo ab urbe Constantinopolitana ad hanc ecclesiam allate sunt reliquie. — P. Riant, Exuviae sacrae Constantinopolitanae. T. I. Genevae, 1877, p. 5—7.

**Письмо неизвестного рыцаря,
участника событий¹**

Да будет вам ведомо, что Алексей Барисиак², как я Вам уже сказывал, прибыл к нам на Корфу³ и здесь, преклонив колена и проливая слезы, смиренно и настоятельно просил нас идти с ним в Константинополь, оказать ему помощь, чтобы [он смог] с нашей помощью прогнать с императорского престола брата отца своего, которого отец его освободил из языческого плена и который, будучи освобожден и выкуплен братом, оплатил ему тем, что гнусно ослепил своего брата и, побуждаемый стремлением к власти, по жадности узурпировал его престол и незаконно удерживает. По этому поводу в войске произошли большие раздоры и был большой шум. Все, крича, требовали идти к Аскалону, и немного было таких, которые одобряли бы поход к Константинополю; одним из них был граф Фландрский⁴, затем [граф] Людовик⁵, маркиз Монферратский⁶ и граф Матье Монморанси⁷, маршал

¹ По-видимому, письмо предназначалось тем крестоносцам, которые направились в Сирию ранее, минуя Константинополь.

² Так автор письма называет царевича Алексея, сына Исаака II.

³ Согласно рассказу Виллардуэна, Алексей появился в лагере крестоносцев еще во время их пребывания в Задаре, когда они только приняли решение отправиться в гавань Корфу, но еще не успели покинуть Задар.

⁴ Балдуин IX.

⁵ Луи Блуасский.

⁶ Бонифаций Монферратский.

⁷ Рыцарь из области Иль де Франс.

Шампанский¹, Конон Бетюнский², Милон Брабантский, Жан Фуанон³.

Мы все в открытую доказывали целому войску, что поход к Иерусалиму для всех будет бесполезен и грозит неудачей ввиду того, что они оскудели, не имеют запасов продовольствия и среди них нет никого, кто бы мог взять ратников на свое денежное содержание и обеспечить перевозку камнеметательниц и прочего воинского снаряжения. Почти все склонились тогда к нашему мнению, выдвинув условием, что под Константинополем они не задержатся более месяца. В ответ им было сказано, что нет необходимости оговаривать непродолжительность пребывания под Константинополем, потому что [в этом случае] греки нас будут менее страшиться, если заранее узнают о нашем [намерении] оставаться под Константинополем недолго. Однако они⁴ потребовали, чтобы мы все-таки ясно гарантировали им [выполнение] условия [о том], что задержка составит лишь один месяц. Так и было сделано. После того юный император⁵ посулил нам, что будет в течение целого года доставлять припасы всему войску и обеспечит на год содержание за свой счет 10000 конных ратников для [оказания] подмоги Святой земле. [Он] обещал также, пока будет жив, держать в Святой земле на своем обеспечении 50 воинов. Венецианскому дожу [он] обещал уплатить 10 марок серебра и столько же — нашему войску. После того как все это было установлено и одобрено общим согласием, мы сели на свои корабли. Засим, на восьмой день мы благополучно прибыли к гавани Дусевии⁶; от этого места до Константинополя считается 100 лиг⁷. От этой гавани до Константинополя можно пройти быстрым плаванием по узкому морю⁸. Отсюда, плывя по этому проливу, мы прошли рукав св. Геор-

¹ Жоффруа Виллардуэн.

² Рыцарь из Фландрии, упоминаемый Виллардуэном.

³ Предполагают, что именно этот рыцарь из Шампани и является составителем настоящего послания.

⁴ То есть, масса крестоносцев, которые не хотели плыть к Константинополю.

⁵ Царевич Алексей.

⁶ Так автор письма называет греческую гавань Авидос у входа в Дарданеллы.

⁷ Лига — примерно 1500 шагов, т. е. около 1 км.

⁸ Автор имеет в виду Дарданеллы и Босфор.

гия¹ и захватили некую гавань, что против Икония, вплоть до самой суши, каковая гавань отстоит от Константинополя на одну лигу². Там мы пребывали в чрезвычайном удивлении из-за того, что никто из друзей и никто из родственников юноши³, находившегося с нами, и вообще кто бы то ни было от них не явился сообщить ему о положении Константинополя. Император же, владевший престолом, без промедления отправил подарки венецианскому дожу, графу Фландрии, графу Людовику и нам. Мы же, сойдясь между собою на тайный совет, [договорились о том], что ни в коем случае не станем выслушивать императорских вестников, если он сперва не отречется от величия императорской власти, — иначе мы не будем выслушивать ни его самого, ни его вестников. Мы не хотели, чтобы греки завлекли нас своими льстивыми подарками и улестили обещаниями.

Между тем, войско императора, расположившееся на берегу против нас, готово было воспрепятствовать нашей переправе и показывало нам нарочитое воодушевление, [будто намеревается] сразиться с нами; видя это, мы исповедались в своих грехах и возложили надежду на одно только могущество милосердного господа. Затем мы [сами] изготовились к бою, все в полном вооружении, а потом установили свои корабли. Когда же, ведомые богом, мы двинулись вперед, все греки сошлись, чтобы помешать нашей переправе. Однако милостью божьей [они] удалились от нас настолько, что наши стрелы не могли долетать ни до кого из них. Потом мы добрались до некоей крепчайшей башни, называемой Галатой, у которой укреплена преогромная железная цепь. Уложенная на деревянные сваи, она пересекала море, достигая на суше городской стены. Цепь эта запирала вход в ту гавань, и за ней стояли городские корабли, галеры и барки, скрепленные бортами и препятствовавшие нашему проникновению [в гавань]. А на упомянутой суше находились стражами пизанцы, генуэзцы, дакийцы и другие, приставленные для ее [башни] охраны и защиты. Они свободно, по своему желанию, выходили из башни и входили в нее,

¹ Этим наименованием Виллардуэн обозначает и Дарданеллы, и Босфор.

² Видимо, автор имеет в виду гавань вблизи монастыря св. Стефана.

³ Царевича Алексея.

чтобы пускать в нас стрелы. Насчет этой башни мы говорили с дожем венецианским, мудрейшим мужем; мы сказали ему, что башню никоим образом не удастся взять иначе, как посредством [применения] подкопа, камнеметательных орудий и всяких других [имевшихся] на кораблях военных приспособлений. Мы тоже прилагали много ухищрений, чтобы с помощью божьей и собственной взять таким образом осажденную отовсюду башню. Пока все это намечалось, защитники упомянутой башни своими частыми стрелами причиняли нам чувствительный урон. Однако и [греки], в свою очередь, несли потери, были отбрасываемы назад и не могли нас потеснить. На третий день после того, как здесь были раскинуты наши палатки, [греки], выйдя [из башни], совершили нападение на наших рыцарей и пехотинцев. Однако Петр Браникол¹, ринувшись на них с несколькими рыцарями и оруженосцами, так сильно потеснил их, что они не могли ни сопротивляться, ни отступить к башне в поисках убежища: напротив, при наступлении наших иные из них предпочитали броситься в море, и они тонули, частью раненные, частью обессиленные. Тотчас чудесной помощью божьей башня была взята без осадных приспособлений, и цепь — разорвана. Вскоре, едва только городские корабли отошли, наши суда получили свободный проход в гавань и захватили кое-какие из их судов — и галеры, и малые суденышки, и барки.

Тогда, приведя в боевой порядок и корабли, и самих себя, мы двинулись вперед к некоему каменному мосту, отстоящему от упомянутого ранее места на одну с лишком лигу. Мост же этот был крепче Малого моста Парижского и до того был узок, что три всадника [по нему] едва могли пройти бок о бок, а подходящего брода мы не могли найти иначе, как на расстоянии трех лиг. Впрочем, если бы мы так далеко отошли от своего флота, то могли бы подвергнуться большой опасности и понести урон. Когда мы достигли самого моста, то долготерпением божьим, без всякого противодействия перешли по нему и, идя вперед, раскинули наши палатки между дворцом императора, который называется Влахернским, и дворцом Боэмунда, и настолько приблизились к Влахернскому

¹ Петр Браникол — рыцарь Пьер де Брессей (Брасье), один из вассалов графа Луи Блуасского, упоминаемый также в записках Виллардуэна и Робера де Клари.

[дворцу], что стрелы наши падали на дворец императора и чрез окна [попадали] внутрь него, а греческие стрелы летели над нашими палатками. Содеяв это, мы огородили наше войско большими кольями. Потом мы пододвинули и поставили у стен камнеметательные орудия. Дождь же венецианский соорудил на [каждом из] всех кораблей высочайший помост из рей, вышиною в сто шагов, и по каждому помосту могли спускаться четыре вооруженных рыцаря. Сверх того, на одном уссарии¹ действовал также свой магнеллум.

Пока происходило все это, греки пешие и конные, совершали вылазки против нас. Однако они всегда терпели больший урон, чем мы. Однажды множество их воинов, выйдя толпою из неких ворот, которые расположены были с правой стороны, выступили вперед и стали вызывать нас к сражению. Однако наши напали на них с такой силой и отвагой, храбро отогнав их назад, что многие из них, толкая друг друга, валились в ров; среди некоторых иных оказался убитым сын герцога Диррахия, который слыл у константинопольцев благороднейшим и прекраснейшим. На следующий день из Влахернских ворот выступила когорта воинов города,—в той стороне, которая была лучше всего укреплена нашими воинскими орудиями. Однако могучим ударом они были божьей подмогой с позором отброшены назад [в город]. Тогда же был захвачен некий сильный муж², наиболее опытный из всех горожан в военном деле и советник императора. По прошествии Меркуриева дня отдано было распоряжение, чтобы на завтра³ произвести приступ города; дождю венецианскому — напасть с моря, а маркизу⁴ и графу Фландрскому — с суши. Я же и Матье Монморанси с маршалом Шампани, а также А. де С. Суроне⁵, пока будет производиться приступ, должны будем охранять войско снаружи от укреплений и близ лагеря. Так мы и сделали.

Когда все было приготовлено, в установленное время дождь и венецианцы с некоторыми из наших, кто особенно настаивал на атаке с моря, придвинули корабли близко

¹ Уссарий — то же, что «юнсье». См. стр. 158, прим. 2.

² Виллардуэн упоминает о взятии в плен Константина Ласкаря, «лучшего из греков в городе» (гл. 165).

³ 17 июля 1203 г.

⁴ Имеется в виду Бонифаций Монферратский.

⁵ Вероятно, Ожье де Сен-Шерон, рыцарь из Шампани, упоминаемый и в записках Виллардуэна.

К стенам, приставили к ним лестницы и, двинувшись на приступ с великим искусством, ворвались в город; 25 триб ратников захватили [в городе] немало сверх всякой меры и пожгли [там]. Наши также, произведя приступ с суши и приставив подобным же образом лестницы к стенам, водрузили на стенах свои стяги и знамена. Миниторы же, сделав подкоп стены снизу, разрушили одну башню. Тогда император, стесненный пожаром города и нашими хитростями, неожиданными и [наносимыми] отовсюду ударами, собрал немалые турмы¹ воинов к единственным воротам, которые давали выход в поле, чтобы окружить наших и разбить их. Мы также изготовились к бою; граф Фландрский — со своими, и я тоже — со своими, каждый, конечно, находясь на своем месте начеку; в боевом порядке подвигаясь вперед на конях, мы, будучи вовлечены в бой, нам противный, приблизились к неприятелю настолько, что их лучники и арбалетчики могли попадать в наших, а наши в их [воинов]. Когда они увидели нас воодушевленными и неуклонно выступающими вперед в боевом строю и [когда] убедились, что не могут легко одолеть нас в сражении, то, сильно уstraшенные и растерянные, отступили, не осмелившись вступить с нами в битву. И знайте, что нас в войске было не больше двухсот рыцарей и столько же прочих конных воинов, а пехотинцев у нас было не более двух тысяч; ибо большая часть оставалась на месте для охраны орудий. Мы же, видя, как они бегут, не хотели их преследовать, дабы их хитростями не был причинен урон нашему войску, и военным машинам, и башням, которые захватили венецианцы. Возвратившись в свой дворец, император заявил, что даст нам бой завтра, но среди ночи тайно бежал. Однако в день Юпитера, как он и обещал, мы принуждены были сражаться. А на завтра с помощью божьей город был нам сдан, и таким образом истекли полных 8 дней с начала осады города. Тогда же император Корисак² и императрица, его супруга, сестра короля Венгрии, которые долго находились в страхе и держались в заточении, изъявляя нам всячески свое благоволение, сообщили, что божьей милостью и с нашей помощью они освобождены из заключения и что им возвращены знаки императорского досто-

¹ Турма — подразделение в римской коннице, насчитывавшее 30—32 всадника.

² Исаак II.

иштва и что они просят нас завтра пожаловать во дворец вместе с их давно ожидаемым сыном. И мы так и сделали и откушали во дворце с великим ликованием и необыкновенными почестями.

Особенно я хочу, чтобы вы знали, что Р. де Парке¹ и Р. де Монмирайль², и А. де Бов³, стремившиеся идти к Иерусалиму, Ю. де Бов⁴, и Симон де Монфор, и Р. Недобрый Сосед⁵, и аббат де Во⁶, учинившие большое несогласие в войске участников похода, устремились к королю венгерскому; они оставили наше войско и покинули нас при смертельно тяжких обстоятельствах. Зато всячески восхвалим венецианского дожа, мужа благоразумнейшего и умудренного в трудных советах. Было содеяно, конечно, и многое иное, лучшее и славнейшее сказанного. Но я постараюсь только удовлетворить вас объяснением того, почему главным образом мы стремились прибыть к царственному городу: разумеется, потому, что выполняли дело Спасителя, [такое], чтобы восточная церковь, столицей коей был Константинополь, с императором и всю свою империю признала бы себя дочерью своего главы — римского первосвященника и преданно повиновалась бы ему во всем с надлежащим смирением. Даже сам ее патриарх⁷ одобрял это дело; он согласился принять паллиум — знак своего достоинства — от верховного первосвященника, имея в виду добиваться затем Римского престола, в чем сам, вместе с императором, принес клятвенное заверение. К этому наш император клятвою обязался нам честно и сполна выполнить все, что было обещано: переправиться вместе с нашими к середине текущего марта, имея с собою 10 000 ратников, доставлять в течение года продовольствие всему воинству господнему и продлить на год наш договор с венецианцами. Послав

¹ Вероятно, Роже де Монмирайль — рыцарь из Фландрии, имя которого встречается и у Виллардуэна.

² Рене де Монмирайль — один из видных французских баронов.

³ По-видимому, Ангерран де Бов — рыцарь из Иль де Франс.

⁴ Юг де Бов, упоминаемый Виллардуэном.

⁵ Робер Мовуазен — рыцарь из Иль де Франс: буквальный смысл его прозвища, ставшего фамильным обозначением, — «Недобрый Сосед». Это имя также встречается в перечне рыцарей-крестоносцев, приводимом у Виллардуэна.

⁶ Аббат обители де Во — цистерцианский аббат, возглавлявший ту часть рыцарства, которая была настроена против поворота крестоносной рати в сторону Константинополя.

⁷ Греческий патриарх.

также со своей и с нашей стороны послов к вавилонскому султану¹ — обладателю Святой земли, он потребовал, чтобы тот, выказывая уважение к народу христианскому пред лицом своего неверного народа, ожидал бы благодати и милосердия божия к истреблению неверия.

Итак, мы, соблазненные такими выгодами и задержанные священной надеждою будущих благ, решили зазимовать у вышеописанного города, и об этом мы хотим уведомить наших братьев, которые ожидают в заморских странах нашего прибытия, чтобы они, услышавши радостную молву о наших удачах, участниками каковых мы и их считаем, чтобы они, подкрепленные святой надеждою, ожидали бы будущего с большей твердостью.

Patrologiae cursus completus accurante J.-P. Migne, t. 213, Paris, 1855, col. 1041—1044.

VIII. КРЕСТОНОСЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (1203)

Из «Истории» Никиты Хониата

...Благодаря необычайно счастливому плаванью (потому что на всем пути в море дули тихие и самые благоприятные для их кораблей ветры) латиняне появились у Константинополя², прежде чем в городе узнали об их приближении. Они подошли к Халкедону, а вскоре затем подступили к Перее³, лежащей на противоположном, восточном, берегу залива чуть ниже Диплокиона⁴ (военные корабли — на веслах, грузовые — на парусах) и встали там на якорь на таком расстоянии от суши, чтобы быть вне пределов досягаемости стрел. Дромоны⁵ же причалили к Скутари...⁶.

¹ То есть к египетскому султану.

² 24 июня 1203 г.

³ Район на противоположном Константинополю берегу Золотого Рога. Место переправы.

⁴ Район Константинополя (совр. Бешикташ) на европейском берегу Босфора, получивший название от двойной колонны, расположенной там.

⁵ Тип военного корабля.

⁶ Пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора.

...Спустя несколько дней¹ прибыли во дворец военачальники латиняне, и не только они, но и знатные родом среди них. Принесли лавки, и все латиняне сели подле императоров, слушая, как их называют благодетелями и спасителями, охотно принимая и любое другое приятное обращение, так как они² наказали властолюбивого Алексея III за его ребячество и помогли бедствующим императорам. Но не только это: они пользовались всяческим расположением, им были выказаны обходительность, забота и ласка; а Исаак, если что и утаилось в императорской сокровищнице и что сам он приобрел, заключив императрицу Ефросинью³ и ее родственников, все это он обеими руками вытаскивал и щедро преподносил латинянам. Но так как и это казалось получающим каплей (ибо нет другого народа более корыстолюбивого, жадного до пиров и расточительного, чем это племя) и так как они всегда жаждали потоков Тирренского моря, император нечестиво схватился за неприкосновенное, и с этих пор, я думаю, дела ромеев вконец расстроились и пришли в упадок...

...19 августа, шестого индикта, шесть тысяч семьсот одиннадцатого года⁴ какие-то французы (т. е. те, кого прежде называли фламионами), соединившись с частью пизанцев и венецианцев, переправляются через залив и набрасываются, словно на приготовленное угощение или счастливую находку, на принадлежащее сарацинам⁵ имущество. И вот эта грязная банда, добравшись до города на рыбацких лодках (ведь никого не было, кто воспрепятствовал бы им плавать туда и сюда), тайно нападают на постой сынов Агари, в просторечье называемый Митатом⁶, и, с мечом в руке, расхищают все, что там находят.

...Еще не погасло пламя пожаров, как сбор и переплавка церковных сокровищ возобновились с еще большим, чем прежде, размахом, Войско же латинян использовало поступавшее к нему таким образом золото и се-

¹ То есть после вступления Алексея на престол 1 августа 1203 г.

² Имеются в виду латиняне.

³ Жена императора Алексея III Ангела.

⁴ То есть 1203 года.

⁵ Имеются в виду мусульманские купцы, проживавшие в Константинополе.

⁶ Караван-сарай мусульманских купцов в квартале иноземных «гостей» в Константинополе.

ребро, словно простой материал, на свои плоские потребности и беззаботно расточало его на рынках. И хотя они хорошо знали, откуда поступают выделенные им деньги, они уверяли себя в своей непогрешимости, так как берут причитающиеся им деньги, а на долю ромеев, заботящихся о своем и оскверняющих господнее, оставляли гнев всевышнего...

...Уезжая в сопровождении немногих в палатки варваров, Алексей пьянствовал вместе с латинянами и целыми днями играл с ними в кости. Товарищи его забав, снимая у него с головы венец, сделанный из золота и усыпанный драгоценными камнями, водружали его на себя, а Алексею набрасывали на плечи грубый шерстяной плащ латинской пряжи...

...Взыскивающие же деньги латиняне, насмехаясь над простодушным ромеем и издеваясь над глупостью императоров, хотели, чтобы, в то время как одни выгружают у них драгоценности, другие уже стояли бы подле тяжело нагруженными, третьи были бы на походе с новым золотом, а четвертые готовились бы к отправлению, и чтобы все это происходило беспрерывно. Поэтому один за другим появлялись в богатых предместьях столицы, святых храмах Протоптиды¹, блестящих дворцах императоров латинские полководцы, вооружаемые друг другом, грабили все, что там находили, а сами дома предавали огню; ни одного прибрежного здания не пощадили эти дьяволом посланные варвары, чуждые чувства прекрасного. Чаше же, подплывая к прибрежным частям города, они вступали там в схватки, но иногда победа улыбалась и ромеям, и вообще не доставалась противнику даром.

Это придало мужества горожанам, и они обратились к императору с просьбой помочь им, верным соотечественникам, вместе с войском в противоборстве с противником, если, конечно, император не на словах только привержен ромеям, а сердцем склоняется к латинянам. Просьбы, однако, не увенчались успехом: Алексей, вообще не приспособленный для борьбы с латинянами, считал это бесполезным, да и отец его Исаак убеждал Алексея позволить простонародью болтать впустую, а тех, кто вернул его на родину, удостаивать наивысших почестей. К этому мнению склонялись и остальные члены царского рода — мальчишки, по-мальчишески ублажавшие Алексея. Неко-

¹ Мраморное море.

торые же, завязав дружбу с латинянами, относились к просьбам сограждан, как к пустому вздору, так избегая столкновений с латинянами, как стадо оленей избегает рычащего льва...

Nicetae Choniatae. Op. cit.,
p. 541—542, 551, 553, 555—557,
560—561.

**Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»**

194. Новый император часто ходил навещать баронов в лагерь и оказывал им многие почести, наилучшие, которые он мог [оказывать]: он и должен был так поступать, ибо они весьма хорошо послужили ему. Однажды он явился в лагерь, чтобы особо повидать баронов, и вошел в дом Бодуэна, графа Фландрии и Эно. Туда были позваны дож Венеции с особенно высокими баронами; и он обратился к ним с речью и сказал: «Сеньоры, я — император божьей и вашей милостью; и вы оказали мне такую большую услугу, какой никто и никогда еще не оказывал христианину. Да будет вам ведомо, что мне выказывают внешнее расположение многие, кто меня не любит; и греки весьма раздражены, в особенности тем, что я возвратил свое наследие с вашей помощью.

195. Близок срок, когда вы должны удалиться, а ваш договор с венецианцами продолжится только до праздника св. Михаила ¹. Я не могу в столь короткое время произвести уплату [того, что должен вам]. Знайте, что греки ненавидят меня из-за вас, и если вы меня оставите, я потеряю свою землю и они убьют меня. Но сделайте-ка то, что я вам скажу: вы бы остались здесь до марта, а я бы сохранил вам ваш флот в течение года от Михайлова дня, и оплатил бы расходы венецианцам, и доставлял бы вам все необходимое до пасхи. За это время я успел бы так упрочить свое положение в стране, что мне нечего было бы опасаться потерять ее; да и ваши условия были бы таким образом исполнены; ибо при помощи доходов со всех

¹ 29 сентября 1203 г. В соответствии с договором 1201 г. о перевозе, венецианский флот должен был оставаться в распоряжении крестоносцев в течение одного года со дня отплытия из Венеции, следовательно, с 1 октября 1202 г. до 30 сентября 1203 г.

своих земель я заплатил бы вам должное; и я бы снарядил корабли, чтобы плыть с вами или послать [других], как я это вам обещал¹. У вас же осталось бы свободным целое лето для похода».

196. Бароны отвечали, что они поговорят об этом друг с другом, без него. Они признавали вполне, что то, что он говорил, верно и что это наилучший выход как для самого императора, так и для них. Однако они ответили, что не могут сделать так, не испросив общего мнения всего войска; и что они потолкуют об этом с войском и дадут ему ответ, какой получат. После того император Алексей расстался с ними и возвратился в Константинополь. А они остались в лагере и на следующий день устроили сходку. И были приглашены все бароны и предводители войска и большая часть рыцарей; всем была передана просьба императора, как он ее им изложил.

В гл. 197—200 рассказывается, как после жарких споров, в которых те, кто жаждал «распадения войска», требовали немедленно отправиться в Сирию, крестоносцы согласились принять предложение Алексея IV и провести зиму под стенами Константинополя. В это время заболел и скончался Матье Монморанси. В гл. 201—202 повествуется о военном походе, предпринятом императором Алексеем IV, при участии отрядов крестоносцев, для умиротворения империи.

203. Пока император Алексей находился в этом походе², в Константинополе случилась весьма большая беда; ибо вспыхнула ссора между греками и латинянами, которые жили в Константинополе; а их там было много³. И я не знаю, что за люди, по злобе, подожгли город; и пожар был столь огромен и столь ужасен, что никто не в состоянии был ни погасить его, ни утихомирить. Увидев это, бароны войска, расположившиеся по другую сторону гавани, были сильно опечалены и прониклись великой жалостью, видя эти высокие церкви и эти богатые дворцы объятые пламенем и погибающими, и эти широкие торговые улицы горящими в огне; но они ничего не могли сделать.

204. Огонь дошел до гавани и за нее, в самую густонаселенную часть города и, с другой стороны, до самого

¹ Согласно договору, заключенному в Задаре.

² Между 15 и 22 (или 19) августа 1203 г.

³ Речь идет о латинянах, обосновавшихся в византийской столице еще до крестового похода.

моря¹ [добравшись] совсем близко к храму св. Софии. Пожар продолжался два дня и две ночи, и множество людей никак не могли его потушить; и ширина пламени достигала около полулье. Никто не смог бы перечислить вам ни ущерб, [причиненный пожаром], ни имущество, ни богатство, которое там погибло и было погублено, ни сказать о тех многих мужчинах, женщинах и детях, которые [там] сгорели.

205. Все латиняне, которые жили в Константинополе, из каких бы стран они ни происходили, не рискнули более там оставаться; они взяли своих жен, своих детей и свое добро, которое еще могли вытащить из огня и избавить [от него]; и они сели на лодки и корабли и отъехали от гавани к пилигримам. А их было немало, едва ли не 15 тысяч, от мала до велика; и пилигримам это оказалось весьма полезно, что они приехали к ним². Так разделились французы и греки, ибо они уже не были так едины, как до того; и они не знали, кого в этом винить; и это было тяжело для тех и других.

В гл. 206—210 автор, упомянув о кончине цистерцианского аббата де Лосс, поддерживавшего политику предводителей крестового похода, рассказывает о возвращении Алексея IV из похода (11 ноября 1203 г.) и о радостной встрече, устроенной ему. Однако, как выяснилось, он вернулся, возгордившись своими успехами, и даже не удостоил крестоносцев визитом, как обычно. Алексей IV медлил с уплатой денег или отделялся мелкими выплатами и просил одну отсрочку за другой; убедившись в том, что он не желает выполнять условий соглашения, бароны и дож Дандоло направили к нему посольство.

211. Для этого посольства были избраны Конон Бетюнский, Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский из Провэнса; а дож Венеции отправил трех высокопоставленных мужей из своего совета. Послы сели на своих коней, опоясались мечами и вместе подъехали к Влахернскому дворцу. И знайте, что они шли на большую опасность и на большое приключение, если иметь в виду вероломство греков.

212. Спешившись у ворот, они вошли во дворец и увидели императора Алексея и императора Исаака, его отца, сидящими на двух престолах рядом друг с другом; близ

¹ То есть до Пропонтиды (Мраморное море).

² Мемуарист имеет в виду уже события, связанные со вторым штурмом Константинополя в апреле 1204 г.

них восседала императрица, которая была женой отца и мачехой сына и сестрой короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множеством высоких людей, и все это походило на двор богатейшего князя.

213. По совещании с прочими послами, взял слово Конон Бетюнский, муж весьма мудрый и красноречивый: «Государь, мы пришли к тебе от лица баронов войска и дожа Венеции. Знай, что тебе вменяют в упрек, что они оказали тебе великую услугу, как то известно всякому и очевидно само по себе. Вы клялись им, вы и ваш отец, выполнить заключенное вами соглашение; у них ваши грамоты об этом. Вы не выполнили договор, как то должны были бы.

214. Они увещевали вас многократно, и мы теперь увещеваем в присутствии всех ваших баронов, соблюсти договор, [заключенный] между вами и ими. Если вы это сделаете, все пойдет хорошо; если же не сделаете, то знайте, что с этого часа и на будущее время они не считают вас ни сеньором, ни другом, и они уж постараются добиться своих прав всеми способами, какими смогут. А вас они предуведомляют, что не причинят зла ни вам, ни кому другому, пока не получат ответа; ибо они никогда не обращались к измене, да и на их родине нет обыкновения поступать таким образом. Вы хорошо слышали, что мы вам сказали: посоветуйтесь [и поступите], как вам будет угодно».

215. Греки были чрезвычайно изумлены этим вызовом и сочли его за великое оскорбление; и они говорили, что еще никто и никогда не осмеливался бросать вызов константинопольскому императору в его собственных покоях. Император Алексей выразил послам свое неудовольствие, и другие греки, бывшие с ними до тех пор в лучших отношениях, — также.

216. Великий шум поднялся во дворце; и послы вернулись к воротам и сели на коней. Когда они выехали за ворота, не было ни одного из них, который не считал бы себя весьма счастливым; это было и не удивительно, ибо они спаслись от великой опасности: было недалеко до того, чтобы все они были схвачены и умерщвлены. И они возвратились в лагерь и рассказали баронам, как они действовали. Так началась война, и всякий причинял другому зло, как мог, и на суше, и на море. Греки и франки схватывались во многих местах; но, благодарение богу, они не бились без того, чтобы греки несли большие по-

тери, нежели франки. Так продолжалась война долгое время, до глубокой зимы...

221. И тогда греки, порвавшие таким образом с франками, увидели, что надежды на примирение нет; и они составили против своего сеньора тайный заговор с целью измены. [При дворе] был некий грек, которого император любил более всех прочих и который именно рассорил его с франками. Звали этого грека Мурцуфл¹.

222. По совету с другими и с их согласия в полночь, когда император Алексей спал у себя, те, кто должны были его охранять (прежде всего Мурцуфл и его сообщники), схватили его с постели и бросили в темницу. И Мурцуфл, с помощью и по совету прочих греков, обулся в пурпуровые сапожки². Так он стал императором, потом он короновался в храме св. Софии. Так вот, услышьте, была ли когда-нибудь и кем-нибудь совершаема столь ужасная измена!

223. Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен и Мурцуфл коронован, им овладел великий страх, и он заболел, и болезнь длилась недолго, и он умер. А сей император Мурцуфл два или три раза приказывал отравить [его] сына, но богу было не угодно, чтобы он умер. Тогда он задушил его насмерть³. И когда он был задушен, Мурцуфл повсюду распустил слух, будто он умер своей естественной смертью; и он распорядился похоронить его с почестями, как императора, и закопать в землю, и притворился весьма опечаленным случившимся.

224. Однако убийство нельзя скрыть. Вскоре стало ясно грекам и французам, что было совершено убийство, как вы о том слышали [мой рассказ]. Тогда бароны армии и дож Венеции держали совет; и там присутствовали епископы и все духовенство. И все церковнослужители были согласны в том [а те, кто имел полномочия от [папы], доказывали баронам и пилигримам], что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права властвовать над страной,

¹ Мурцуфл — прозвище («с насупленными бровями») Алексея Дуки. Среди крестоносцев считалось, что он был одним из зачинщиков низвержения в 1195 г. Исаака II Ангела. Подвергнутый затем заключению, он был освобожден Алексеем IV.

² Дворцовый переворот в Константинополе произошел в январе или в начале февраля 1204 г.

³ Алексей IV царствовал до 28 или 29 января 1204 г. и погиб 8 февраля 1204 г., пробыв на престоле, как сообщает Никита Хониат, 6 месяцев и 8 дней.

и те, кто согласятся, то [они] соучастники убийства и, сверх того, они должны быть заподозрены в том, что отказываются от повиновения Риму.

225. «Вот почему мы вам заявляем, — говорило духовенство, — что война хороша и справедлива; и если вы имеете доброе намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то получите такое отпущение грехов, какое дал вам папа, [какое он дал] всем, которые умрут, исповедавшись». Знайте, что эти слова послужили большой поддержкой баронам и пилигримам.

226. Война между франками и греками сделалась ужасною и нисколько не утихла: напротив, она все более усиливалась, и не проходило дня без схватки на суше или на море.

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., t. I, p. 197—211; t. II, p. 6—25.

**Из записок Робера де Клари
«Завоевание Константинополя»**

LV. После того, как бароны короновали Алексея, так, как я вам рассказал, было решено, что во дворце вместе с императором останется мессир Пьер де Брешэ со своими людьми. Потом бароны обсудили, как им разместиться. И они не рискнули остаться в городе из-за греков, которые были предателями. Напротив, они отправились для расквартирования на другую сторону гавани, туда, где находится Галатская башня, и все они разместились там в домах, и они привели свои корабли и установили их тут на якорь перед собой, а в город ходили, когда хотели. Если они желали плыть по воде, то садились на лодки, а если [хотели] ехать на коне, то переезжали через мост. И когда они устроились, французы и венецианцы, то сообща решили разрушить на пятьдесят локтей городские стены, ибо опасались, как бы горожане не поднялись мятежом против них.

LVI. Однажды все бароны собрались в императорском дворце и потребовали от императора¹ выполнить свои обязательства по отношению к ним; он ответил, что непременно выполнит их, но хотел бы сперва быть короно-

¹ Автор имеет здесь в виду молодого Алексея IV.

ванными. И они приготовили все и назначили день для коронации. В этот день он был высочайше коронован императором в соответствии с волей своего отца, который добровольно уступил ему трон. Когда же он был коронован, потребовали уплаты своего. Он сказал, что весьма охотно уплатит, что сумеет, и он в самом деле уплатил сто тысяч марок. И из этих ста тысяч марок половину получили венецианцы, поскольку они должны были получить половину завоеванного; а из оставшихся пятидесяти тысяч марок им было уплачено тридцать шесть тысяч марок, которые французы еще оставались им должны за наем флота. А двадцатью тысячами марок, оставшихся у пилигримов, расплатились со всеми теми, кто ссудил из своих денег, чтобы оплатить перевоз¹.

Robert de Clari. Op. cit.,
p. 55—56.

**IX. ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ ВОЙНЫ
ПРОТИВ ВИЗАНТИИ.
«ДОГОВОР О РАЗДЕЛЕ ИМПЕРИИ»**

**Из «Истории завоевания Константинополя»
Гунтера Пэрисского**

XIV. ...Был там [среди крестоносцев] некий мудрейший муж — дож венецианцев, хотя он был слеп, но, пронзительный разумом, великолепно возмещал телесную слепоту силой духа и мудростью. К нему всегда обращались [другие] за советом, когда находились в сомнительном положении, и со всяческим вниманием [выслушивали его], и вели государственные дела сообразно его указаниям. Когда, по обыкновению, его спросили, что думает он об этом деле², он присоветовал им не поддаваться из любви к деньгам на уловки греков и сказал, что сам [он] опа-

¹ Об этих ссудах Роберт де Кларид упоминает раньше, в гл. XII, рассказывая о пребывании крестоносцев в 1202 г. на острове Лидо и переговорах с Венецией, см. стр. 168.

² Речь идет о новом дворцовом перевороте в Византии, в результате которого на престол вступил Алексей V Мурцуфл (5 февраля 1204 г.). Стремясь разделаться с крестоносцами, он попытался заманить в Константинополь их предводителей и с этой целью от имени уже умерщвленного им Алексея IV пригласил князей прибыть в город, якобы для полного расчета с ними.

сается случившегося, то есть [полагает], что молодой Алексей, возможно, либо погублен своими, либо — он ведь грек! — его уговорили вместе с ними замыслить нашу гибель.

В это время из Константинополя пришло известие о дворцовом перевороте и убийстве Алексея IV.

Эта весть повергла все войско в сильный страх. Ибо они увидели себя находящимися на вражеской земле, отрезанными, среди худого народа, а того, кого они сами сильною рукой и с великим страхом для себя поставили им царем, — лишенным жизни. Если бы он еще жил, то мог бы и унять их [греков] злобу, и предложить нашим богатое утешение, и дать им возможность с уверенностью и в полном достатке выйти из его царства для завершения паломнического похода. Отныне же они поняли, что во всем этом целиком обмануты [и] настолько, что от нового царя и его подданных наверняка не могут ожидать ничего иного, кроме пагубы.

Что было делать и на что было рассчитывать паломникам, застигнутым [врасплох] в столь трудное мгновение, когда у них не было даже надежного прибежища, где бы они могли хоть на час передохнуть от вражеских вылазок? Надлежало ли объявить войну [грекам] и тем навлечь на себя открытое гонение со стороны людей, которые, как они знали, и до того являлись их скрытыми врагами? Ведь численность их была безграничной, и она каждодневно возрастала бы, и они [греки] находились на собственной земле, где могли иметь все в изобилии, тогда как наших было мало и они испытывали нужду, находясь среди врагов, от которых не могли ожидать чего-либо иного, кроме того, что смогут добыть себе, так сказать, собственным мечом. А вместе с тем их [крестоносцев] сильно удручало то обстоятельство, что они были обмануты относительно большей части обещанных денег, в ожидании коих они отложили свой поход, путевые же деньги, предназначенные для паломничества, израсходовали на чужие дела.

И они порешили поступить так, как сочли самым лучшим в этом положении: откинув свой страх, без которого, конечно, не могло обойтись, грозно выступить против осажденных врагов, и в отместку за задушенного царя, которого они сами водворили на престол, потребовать себе весь город со всеми его жителями и с тем проклятым

убийцей, пригрозив городу уничтожением, а жителям — истреблением. Своим столь угрожающим поведением они навели такой ужас на горожан, что те едва отважились появляться из-за своих стен, в особенности страшась каменеметательниц наших: ведь чем реже они у них применяются, тем считаются более устрашающими и опасными. И все же наши, укрепив душу, были готовы и к тому, чтобы отступить, если представится случай сделать это с почетом и выгодой, и к тому, чтобы обрушиться на врагов и подвергнуться от них и вместе с ними опасности смерти, если они отважатся произвести на них нападение с флангов. Ведь им не могла улыбнуться надежда на то, что удастся одержать победу над столь великим множеством [греков], или завоевать город, который был укреплен прочнейшим образом, и несметное число [врагов] ежедневно увеличивалось. Насколько наше войско жаждало вступить в битву и умереть купно с врагами, настолько те избегали добыть победу ценой смерти от наших, видя, что крестоносцы уже испытывают нехватку на вражеской земле, сами же они [греки] в изобилии имеют в своем городе все, что нужно.

Guntheri Parisiensis. Op.
cit., p. 91—93.

**Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна
«Завоевание Константинополя»**

234. Тогда те, кто находился в лагере, собрались на сходку и советовались [там] о дальнейших действиях. Много толковали так и эдак, но результат совета был таков, что если богу будет угодно, что они силой вступят в город, то вся добыча, которая будет взята, будет снесена в одно место и поделена сообща, как и следует; и если они станут владыками города, то будут выбраны шесть человек из франков и шесть — из венецианцев и они поклянутся на Евангелии, что выберут императором того, кого сочтут лучшим для этой земли. И тот, кто станет императором по их выбору, получит четверть всего завоеванного — и в городе, и вне города и, кроме того, получит дворец Вуколеон и Влахернский дворец; а остальные три четверти будут поделены пополам: половина — венецианцам и половина — тем, кто в лагере. И будут избраны двенадцать мудрейших из лагеря пилигримов и двенадцать из числа венецианцев, и они поделят

фьефы и почести между рыцарями и установят службу, которой они будут обязаны императору.

235. Этот договор был скреплен клятвой с одной и с другой стороны, французами и венецианцами, таким образом, что в течение года с конца марта тот, кто захочет, может уехать; а те, кто останутся в [этой] стране, будут нести службу императору, как то будет установлено. Так был составлен и скреплен договор, и все те, кто его бы не исполнил, подлежали бы отлучению духовенством.

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., t. II, p. 34—36.

**Х. ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ КРЕСТОНОСЦАМИ
В АПРЕЛЕ 1204 г.**

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»

240. ...Совет постановил, что они будут готовиться снова¹ в течение следующего дня, который приходился на субботу, и все воскресенье, а в понедельник² двинутся на приступ, связав по двое корабли, на которых имелись лестницы. Таким образом два корабля атакуют одну башню... Как сказано, так и сделано...

241. Император Мурцуфл расположился со всем своим войском перед линией приступа и раскинул там свои пурпурные палатки. Так все оставалось до самого утра понедельника. Тогда все те, кто был на кораблях, юсье и галерах, вооружились. А жители города боялись их меньше, чем вначале; они были настолько самонадеянны, что стены и башни были усеяны людьми³. Тогда начался изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; шум битвы был так громок, что, казалось, земля рушится.

242. Приступ продолжался долго, — до тех пор, пока наш господь не поднял сильного ветра, называемого бореєм⁴: этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу. Два корабля, связанные вместе, из которых один на-

¹ Первый приступ был предпринят крестоносцами 9 апреля 1204 г. и закончился неудачей.

² 12 апреля 1204 г. — дата, которую приводят все источники.

³ Некоторые исследователи предполагают, что численность греческого войска достигала 140—150 тыс. человек.

⁴ Северный ветер.

звался «Пилигрим», а другой «Рай»¹, подошли к одной башне, один — с одной, другой — с другой стороны (так направляли их бог и ветер) настолько близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В мгновение ока некий венецианец и один французский рыцарь, по имени Андрэ д'Юрбуаз², взошли на башню; вслед за ними на нее вступили и другие; а защитники башни были разбиты и бежали.

243. Когда рыцари, находившиеся на юисье, видят это, они бросаются на берег, и точно так же приставляют лестницы к стене и поднимаются наверх силою. Так овладели они чуть ли не четырьмя башнями. Тогда кидаются на приступ те, кто был на кораблях, юисье и галерах, как ни попало; и они взламывают трое ворот и вступают в город. И тогда начинают выводить коней из юисье; и рыцари вскакивают верхами и припускаются прямо в лагерь императора Мурцуфла. Тут он выстроил свои боевые отряды впереди палаток. И когда греки увидели пред собою всадников, они впали в смятение; а император бросился бежать по улицам во дворец Львиной пасти³.

244. И вы увидели бы тогда, как греки терпят поражение, и наши овладевают их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что нет им ни числа, ни меры. Большая часть знатных греков отступила к Влахернским воротам. Уже настал вечер, и было поздно; наши устали сражаться и убивать. И они начали собираться на большой площади, находившейся в Константинополе. И порешили расположиться вблизи стен и башен, которыми овладели; ибо никак не думали, что им удастся завоевать город — с его крепкими церквями и крепкими дворцами и с таким количеством народа — ранее, чем через месяц. Как порешили, так и сделали.

245. Таким образом, они расположились перед стенами и башнями, вблизи своих кораблей, как вы слышали, и Константинополь был взят в понедельник, что перед вербным воскресеньем⁴.

¹ На этих кораблях находились епископы Суассонский и Труасский, о чем сообщает в одном из своих писем Бодуэн Фландрский.

² По данным некоторых хроник, рыцарь Андрэ д'Юрбуаз принадлежал к семье епископа Невелона Суассонского.

³ Речь идет об императорском дворце Вуколеон.

⁴ 12 апреля 1204 г.

246. Так отдыхали ночью ратники [наши], — они сильно поуспали. Но император Мурцуфл не спал, он собрал всех своих и объявил, что намерен атаковать французов. Однако он не сделал то, что говорил, а ускакал по другим улицам, как можно дальше [от расположения крестоносцев], и прискакал к воротам, которые называются Золотыми воротами¹; через них он бежал и покинул город; вслед за ним бежали те, кто мог бежать, а [наши] ратники ничего об этом не ведали.

247. В эту ночь, близ ставки маркиза Бонифация Монферратского, не знаю, какие люди, опасавшиеся, как бы греки не ринулись на них, подожгли город между ними и греками. И вот город начинает гореть, и пламя бурно распространяется; и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день — до самого вечера. Это был третий пожар, случившийся в Константинополе с той поры, как франки явились в страну [греков]; и сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции.

248. Ночь прошла, и настало утро вторника²; все в войске вооружились — и рыцари, и оруженосцы; и каждый занял место в своем боевом отряде. Они выступили из лагеря, думая, что придется вступить в битву, более ожесточенную, чем та, которую провели за день до того, — ведь они вовсе не ведали, что император ночью бежал. Но они не встретили никого, кто оказал бы им сопротивление.

249. Маркиз Бонифаций Монферратский проехал вдоль всего берега — прямо к дворцу Львиной пасти; а когда он туда прибыл, дворец сдался ему на условии, что всем, кто в нем был, сохранят жизнь. Там находилась большая часть благородных дам, укрывшихся во дворце; среди них была сестра французского короля, бывшая императрицей³; и сестра венгерского короля, тоже императ-

¹ В южной стене византийской столицы.

² 13 апреля 1204 г.

³ Имеется в виду Агнеса, сестра Филиппа II Августа и тетка Луи Блуасского, просватанная в 1178 г. за сына императора Мануила Комнина — Алексея (II). Брак этот не состоялся, поскольку будущий император Андроник принудил Алексея жениться на своей дочери Ирине, а в 1183 г. этот 63-летний император (Андроник II) сам женился на французской принцессе, которой едва исполнилось 11 лет.

рица¹, и много других знатных дам. О сокровищах этого дворца и говорить нечего; их там имелось столько, что не было им ни числа, ни меры.

250. Точно так, как этот дворец был сдан Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец сдался Анри, брату графа Бодуэна Фландрского... Там тоже были найдены несметные сокровища, их было не меньше, чем во дворце Львиной пасти. Каждый ввел во дворец, сданный ему, своих людей и поставил стражу охранять сокровища. Остальные воины, рассеявшиеся по городу, тоже захватили изрядную толику. Добыча была столь велика, что никто не мог бы вам сказать, сколько там было золота и серебра, сосудов и драгоценных камней, атласных и шелковых материй, меховых одежд и всяческих богатств, какие когда-либо имелись на земле. Но Жоффруа, маршал Шампанский, правдиво свидетельствует — по истине и по совести — что со времени сотворения мира никогда не было столько завоевано в каком-либо городе.

251. Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно [для всех]. Таким образом, войско пилигримов и венецианцев разместилось по квартирам, и все радовались чести и победе, которой удостоил их бог; ибо те, кто находился [ранее] в бедности, [теперь] пребывали в богатстве и в роскоши. Так отпраздновали они в этом торжестве и в этой радости, ниспосланной богом, вербное воскресенье² и великую пасху³. Им следовало, конечно, всемерно восхвалять нашего господа бога: ведь их всего-навсего было не более двадцати тысяч вооруженных людей, а с божьей помощью они одолели четыреста тысяч человек или даже более, и притом в самом могущественном городе, отлично защищенном, городе великом и укрепленном со всех сторон.

252. После того брошен был клич по всему войску от лица Бонифация Монферратского, который был его предводителем, а также от имени баронов и дожа Венеции, [а именно], чтобы вся добыча была снесена и собрана так, как об этом было условлено и скреплено клятвою под страхом отлучения⁴. Местом сбора определены были три

¹ Мария, сестра венгерского короля Имрэ, вдова императора Исаака II Ангела.

² 18 апреля 1204 г.

³ 25 апреля 1204 г.

⁴ Согласно условиям мартовского договора 1204 г. «О разделе Империи».

церкви, отданные под охрану французам и венецианцам, самым честным, каких только могли найти. И тогда каждый начал приносить свою добычу и складывать вместе.

253. Некоторые приносили добросовестно, другие же нет, ибо не бездействовала жадность, корень всех зол: корыстолюбцы начали попридерживать и то, и другое, и наш господь стал их любить менее других. О, всеблагий боже! Как честно они вели себя до тех пор! И господь покровительствовал им и их делу, и вознес их над прочими. Однако сколь часто добрые терпят от злых.

254. Между тем, имущество и добыча были собраны [вместе]. Но знайте, что принесено было не все, ибо нашлись такие, которые, не посчитавшись с угрозой папского отлучения, удержали [кое-что] из добычи. А то, что снесли в церкви, было собрано и разделено пополам между франками и венецианцами так, как в том клялись. И знайте, что когда они поделили [добычу], пилигрымы уплатили из своей доли пятьдесят тысяч марок серебром венецианцам, а поделили между собой чуть ли не сто тысяч марок. И знаете, каким образом? Двое пеших оруженосцев получили столько же, сколько один конный, а двое конных оруженосцев — [столько], сколько рыцарь. И знайте, что никто, какого бы он ни был ранга и какие бы ни имел заслуги, не получил больше, чем ему полагалось, не считая украденного.

255. А над ворами, теми, кто был изобличен, знайте, учинили строгий суд и многих повесили. Граф Сен-Поль повесил своего рыцаря, который кое-что утаил, с экою на шее; таких, которые утаили, и среди малых, и среди знатных имелось много, но это не было известно. Посудите сами, сколь велико было добро: ибо, не считая утаенного и доли венецианцев, там было принесено наверняка на четыреста тысяч марок серебром и едва ли не десять тысяч всяческих сбруй и уздечек. Константинопольская добыча была поделена так, как вы это слышали.

Geoffroi de Villehardouin. Op. cit., t. II, p. 42—60.

**Из записок Робера де Клари
«Завоевание Константинополя»**

LXXIV. Потом, когда епископы кончили проповеди, объявив пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедались и причастились. Когда на-

стало утро понедельника¹, все пилигримы хорошенько снарядились и вооружились; при этом венецианцы и пилигримы починили мостики своих кораблей, своих юнсье и своих галер; потом они выстроили их рядом друг с другом и двинулись в путь, чтобы начать приступ; флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились, насколько это было возможно, к стенам, то бросили якорь. А встав на якорь, стремительно ринулись на приступ; они начали стрелять [из луков], метать копья, бросать греческий огонь на башни; но огонь не мог их одолеть, потому что они были покрыты [сырыми] кожами. А те, кто находился в башнях, защищались отчаянно и стреляли по меньшей мере из шестидесяти камнеметательниц, и каждый снаряд попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо прикрыты кучами хвороста и охапками виноградной лозы, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не в силах был поднять такой камень. А император Мурцуфл стоял на холме; и он приказал трубить в свои серебряные трубы и бить в свои барабаны, и устроил сильный шум, и ободрял своих воинов, говоря: «Сюда! Сюда!» — и он направлял их туда, где, как он видел, в этом была особенно большая надобность. Во всем флоте имелось не более четырех или пяти кораблей достаточно высоких, чтобы достичь уровня башни, — такими они были высокими; и на всех ярусах деревянных башен, которые были надстроены над каменными, — а их там было пять или шесть, или семь, — помещались воины, защищавшие башни. Пилигримы тем не менее столь хорошо атаковали, что корабль епископа Суассонского ударился об одну из этих башен, его отнесло [туда] чудом божьим, ибо море никогда не было спокойно, а на мостике этого корабля находились венецианец и два вооруженных рыцаря; когда корабль стукнулся о башню, венецианец ухватился руками и ногами, как только мог, и оказался в башне. Когда он был уже там, воины, стоявшие на этом ярусе — англичане, датчане и греки, — заметили [его] и подскочили к нему с секирами и мечами, и разрубили его на куски. Когда море снова бросило корабль вперед, он опять ударился об эту башню; тогда один из двух рыцарей, по имени Андрэ д'Юрбуаз, не сделал ни того, ни другого, а ухватился руками и ногами

¹ 12 апреля 1204 г.

и на карачках пробрался в башню. Когда он оказался в ней, ее защитники кинулись к нему с секирами и мечами и жестоко обрушились на него; но поелику, с помощью божьей, он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал бог, который не хотел, чтобы они долго избивали его и чтобы он там погиб. Напротив, бог хотел чтобы город — в наказание за свое предательство и убийство, совершенное Мурцуфлом, и за их [греков] неверность — был взят и чтобы все они [греки] были обесчещены; и рыцарь вскочил на ноги и, поднявшись, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены страхом, что убежали ярусом ниже. Те, кто был там, увидев, что воины, находившиеся над ними, побежали, также освободили этот ярус и не отважились оставаться там, а потом на башню взшел второй рыцарь, и вслед за ним другие. Очутившись в башне, они берут крепкие веревки и прочно привязывают корабль к башне; когда море отбрасывало корабль, башня шаталась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот ее опрокинет или оторвет ее от корабля (а может быть это чудилось от страха?). И когда на других нижних ярусах увидели, что башня уже заполнена французами, ее защитников обуял столь великий страх, что никто не осмелился там оставаться; напротив, они оставили башню. А Мурцуфлу все это было хорошо видно, и он подбадривал своих воинов и направлял их туда, где, как он видел, приступ велся с наибольшей силой. Между тем, как только башня эта была взята столь чудесным образом, корабль монсеньора Пьера де Брасье, в свою очередь, подплывает к другой башне; и когда он ударился об нее, те, кто находился на корабельном мостике, начали стремительно осаждать эту башню приступом, да так успешно, что, чудом божьим, и эта башня была взята.

XXV. Когда эти две башни были захвачены и заполнены нашими ратниками, которые заняли башни, они не отваживались двигаться с места по той причине, что увидели множество воинов на стене вокруг себя, и в других башнях, и у их подножия — и это было настоящее чудо, сколько их там было. Когда монсеньор Пьер Амьенский¹ видит, что те, кто в башнях, не трогаются с места, и когда

¹ Пьер Амьенский — сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.

Видит положение греков, он не делает ни того, ни другого, а спускается на сушу вместе со своими ратниками, на клочок земли между морем и стеной.

Сойдя туда, он обнаруживает прямо перед собой потайной ход, створки у дверцы которого были оторваны, но сам ход снова замурован. Он входит туда, имея при себе по меньшей мере десять рыцарей и шестьдесят оруженосцев. С ним был также клирик по имени Айом де Клари¹, отличавшийся великой доблестью; когда это требовалось, он был первым во всех приступах, в которых участвовал; а при взятии Галатской башни он явил более всего отваги, жертвуя своей жизнью, и подобно всем, бился один на один бок о бок с монсеньором Пьером де Брасье. Последний же превосходил всех остальных, будь то простые воины или знатные сеньоры: там не было никого, кто совершил бы столько ратных подвигов, жертвуя собственной жизнью, как Пьер де Брасье. Когда они подошли к этому потайному ходу, то стали наносить сильные удары копьями, а со стен камни сыпались на них столь густо, что казалось, будто они погребены под камнями, так много их бросали [оттуда]; те же, кто находился внизу, имели щиты, которыми прикрывались от метавших копьа. [Кроме того], с высоты стен в них швыряли сосуды с кипящей смолой, снаряды с греческим огнем и громадные камни, — только чудом божьим они не были все раздавлены; монсеньор Пьер и его воины сильно [там] намаялись от этих трудов и усилий, но они с такой силой обрушились на этот потайной ход добрыми ударами, пустив в дело секиры, мечи, колья, куски железа и ко́пья, что пробили в нем широкую дыру. Когда эта дыра была пробита, они поглядели через нее и увидели перед собой столько людей всякого положения, что можно сказать, там было полмира, — и они не отважились туда войти.

LXXVI. Когда клирик Айом увидел, что никто не осмеливается войти в тайный ход, он вышел из рядов и объявил, что войдет [туда]. Был там некий рыцарь, его брат, по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать и сказал ему, что он не войдет туда; но клирик объявил, что он это сделает, и полез руками и ногами; когда его брат видит это, он хватает его за ногу и начинает тянуть к себе, но вопреки воле своего брата, хотел он того или нет, клирик влез в дыру. Когда он оказался

¹ Это был брат рассказчика.

на площади, к нему устремилось множество греков, а те, кто стоял на стенах, стали бросать в него огромные камни. Увидев это, клирик выхватывает нож, кидается им навстречу и вынуждает их обратиться в бегство как скотину. И он крикнул тем, кто находился с другой стороны потайного хода, монсеньору Пьеру де Брасье и его ратникам: «Сеньор, ступайте смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве — они бегут». Услыхав это, монсеньор Пьер и его ратники, находившиеся по другую сторону, вошли в дыру, а их было не более десяти рыцарей вместе с ним самим; правда, с ним было еще около шестидесяти оруженосцев, и все были пешими. И когда они появились в городе, те, кто находились на стенах и в этом месте, увидев [наших], были охвачены таким страхом, что не осмелились оставаться там и очистили большую часть стены, а потом бежали, кто как мог. Император же Мурцуфл, предатель, был близко отсюда, не более чем на расстоянии брошенного камня, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроить сильный шум.

LXXVIII. ...Предатель Мурцуфл, увидев [рыцарей], бросил свои палатки, оставил в них свои сокровища и пустился прямо по городу, который был весьма велик в длину и в ширину — местные жители говорили, что для того, чтобы обойти стены, нужно пройти девять лье, столь велика протяженность стен, которые окружают город; а внутри город имеет две французские мили в длину и две — в ширину. Так монсеньор Пьер де Брасье завладел палатками Мурцуфла, его сундуками и драгоценностями, которые он в них оставил. [Началось повсеместное отступление защитников стен и башен]. Так был взят город.

Когда город был так прекрасно взят и французы вошли в него, они держали себя там совершенно спокойно. Бароны собрались на совет и обсудили, что делать дальше. По войску раздался клич, чтобы никто не смел двигаться в город, ибо идти туда значило бы подвергаться опасности, поскольку на них могли бы бросать камни с крыш дворцов, которые были очень велики и высоки, и их могли бы убивать на улицах, которые были столь узки, что они не сумели бы в них защищаться, и их можно было бы отрезать огнем, в котором они бы сгорели. Опасаясь подобных бед и опасностей, они [крестоносцы] не отважились проникнуть в город и разойтись по нему; напротив, они оставались на своем месте, вполне спокойными; после

чего бароны договорились о следующем: если бы греки, у которых было в сто раз больше вооруженных людей, чем у французов, вздумали дать бой завтра, тогда пусть крестоносцы завтра утром вооружатся и выстроят свои боевые отряды, и ожидают на площадях, у стен в городе; а если бы [греки] не захотели ни сражаться, ни сдать город, то надо будет выяснить, с какой стороны дует ветер и поджечь с наветренной стороны [место, где находятся греки], — так они [крестоносцы] сумели бы одолеть их [греков] силою. Все бароны согласились с этим планом. Когда настал вечер, пилигримы скинули оружие и дали себе отдых; они подкрепились и легли спать там, где были, неподалеку от своих кораблей, с внутренней стороны стен.

LXXIX. ...Когда греки увидели, что их император бежал, они разыскали знатного мужа по имени Ласкарь, занимавшего высокое положение в городе, и прямо этой же ночью провозгласили его императором...¹.

LXXX. Когда настало следующее утро, [греческие] священники и [прочие] духовные лица в торжественных облачениях (там были англичане, датчане и люди других племен) являются процессией в лагерь французов, просят у них милости, рассказывают им все, что содеяли греки, а потом сообщают, что все [знатные] греки бежали и в городе остался только бедный люд. Услыхав это, французы весьма обрадовались. По лагерю вскричали, чтобы никто не завладевал домом прежде, чем не установят, в каком порядке это будет сделано. Потом сошлись бароны и богатые люди и держали совет между собой, так что меньшей народ и не знал об этом ни слова, и даже бедные рыцари: и так порешили [бароны], что они возьмут себе лучшие дома в городе; именно с тех пор они [знатные] стали предавать меньшей люд и выказывать свое вероломство и быть худыми соратниками, за что и заплатили очень дорого, как мы вам о том расскажем далее². Итак, они послали захватить все лучшие и самые богатые дома в городе и овладели ими прежде, чем бедные рыцари и меньшей народ войска заметили это. А когда узнали об этом, то побежали как попало и взяли то, что могли

¹ Феодор Ласкарь, впоследствии император Никейской империи (1208—1222).

² Робер де Клари имеет в виду последовавший в апреле 1205 г. разгром крестоносцев болгарами и плен латинского императора Балдуина I, о чем рассказывается в CXII главе записок.

взять. И они нашли довольно [домов], и овладели достаточным [их] количеством, и немало еще осталось, ибо город был велик и густо населен. Маркиз взял себе дворец Львиная пасть¹ и монастырь св. Софии, и покой патриарха; другие знатные мужи, а равно и графы взяли себе самые богатые аббатства и самые богатые дворцы, какие только там можно было сыскать; и с того времени, как город был взят, никто не причинил зла ни бедным, ни богатым. Напротив, те, кто хотел уйти [из города], ушли, а кто хотел остаться, остались; а ушли самые богатые жители города.

LXXXI. А потом отдали распоряжение, чтобы все захваченное добро было снесено в один монастырь, находившийся в городе. Туда снесли все добро, и выбрали десять рыцарей из числа знатных людей среди пилигримов и десять венецианцев, которые слыли честными, и приставили их охранять это добро. Когда добро было туда принесено, то добро это оказалось столь велико (там было столько дорогих сосудов, золотых и серебряных, и вышитых золотом материй, и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом, все это добро), что никогда с тех пор, как сотворен мир, [никем] не было видано и захвачено столько добра — и притом такого редкостного по благородству и такого богатого — ни во времена Карла Великого, ни во время Александра, ни до, ни после, и я, со своей стороны, полагаю, что в сорока самых богатых городах мира едва ли найдется столько богатств, сколько найдено было в Константинополе. Недаром греки считали, что в Константинополе было [собрано] две трети земных богатств, а третья разбросана по остальному свету. Те самые люди, которым поручено было охранять всю добычу, растаскивали золотые драгоценности, какие хотели, и разворовывали добро; и каждый из богатых людей брал либо золото, либо златотканые материи, либо что ему больше нравилось и потом все это уносил. Таким-то образом начали они красть, так что настоящий, справедливый раздел ко благу всего войска никогда не был произведен, а бедным рыцарям и оруженосцам, которые так помогли завоевать это добро, достались лишь серебряные

¹ Так называет Робер де Клари дворец Вуколеон, переименовав греческое название, буквально означавшее дворец «быкольва» (на барельефе, украшавшем этот дворец, был представлен лев, терзающий быка), на французский лад, в соответствии с народной этимологией, — в «Пасть льва» (Bouke de Lion).

Слитки вроде тех, что попрятали дамы в своих ваннах. Остальное же добро, которое было оставлено для раздела, было подло расхищено, как я вам уже об этом рассказывал. Тем не менее, венецианцы получили свою часть; что касается драгоценных камней и великих сокровищ, подлежавших разделу, все это было подло расхищено, как мы вам об этом еще скажем потом.

LXXXVIII. ...В этом Влахернском дворце нашли огромные сокровища и большие богатства, там нашли богатые короны, принадлежавшие прежним императорам, и золотые драгоценности, и богатые, вышитые золотом, материи, и роскошные императорские облачения, и богатые драгоценные камни, и столько всяческих богатств, что невозможно было бы перечислить все эти великие сокровища золота и серебра, которые обнаружили во дворце и во многих других местах города.

Robert de Clari. Op. cit.,
p. 72—81.

**Из «Истории завоевания Константинополя»
Гунтера Пэрисского**

XVII. ...Затем корабли с укрепленными на них башнями приблизились, насколько можно было, к стене; и в то время как несколько храбрецов полезли по лестницам наверх, герольды громко возвестили: тот, кто первым взберется на вражеские стены, получит в награду сто марок. И тогда ты увидел бы, как все с неистовостью стали добиваться того, что предназначалось лишь одному, — не столько из стремления к обещанным деньгам, сколько из любви к богу и ради общей пользы и для завершения начатых трудов...

Взломав ворота, крестоносцы ворвались в город.

XVIII. С радостными криками ринулись в открытые ворота те, кто был на кораблях, сделав вид, будто грозят врагам смертью копьями, мечами, камнеметательницами, стрелами и всякого рода метательным оружием, а [на самом деле] не имея вообще никакого желания [устраивать] кровопролития; как растерявшихся овец, погнали они врагов по всем площадям города, и те бежали в таком множестве, что даже простор широких улиц был им тесен для бегства; [наши] накинулись на них с такой стреми-

тельностью, что не давали им ни передохнуть, ни оглянуться назад. И хотя они и могли убивать сколько угодно, на что и сами не могли когда-либо рассчитывать, умерщвлены были лишь очень немногие [из греков]. Крестоносцы по своей воле давали им пощаду, ибо еще находившиеся с ними в лагере монахи [в том числе], конечно, Мартин и другие, часто увещевали их не марать по возможности своих рук кровью. Тем не менее, в тот день ¹ убито было около двух тысяч горожан, но [они погибли] не от [рук] наших, а от [рук] тех франков, итальянцев, венецианцев, немцев и прочих, которые уже раньше жили в городе, но во время осады были заподозрены в измене, и так как соединились с нашими, то подверглись изгнанию греками [из Константинополя]. Помня эту несправедливость, они жесточайшим образом мстили [теперь] грекам за свою обиду. Из наших же никто вообще не был убит, за исключением одного благородного и знаменитого рыцаря, который во время натиска на врагов по неосторожности неожиданно свалился вместе с конем, на котором сидел, в какой-то ров, причинив этим всем сотоварищам, пребывавшим в радости, сильное горе.

Только тогда, когда все враги были побеждены и обращены в бегство и самым жалким образом изгнаны из города, и только после того как ворота были тщательнейше заперты, победителям дозволено было заняться добычей, но не ранее того: под угрозой казни (букв.: потери головы) было запрещено до полной победы помышлять о добыче. Итак, они нашли повсюду и в изобилии такое количество денег в золоте и серебре, такое великолепие благородных камней и одежд, такое сверхизобилие драгоценных товаров, такую массу съестных припасов, такие замечательные наполненные всевозможным добром дома, что все они вдруг превратились из пришлецов и нищих в богатых горожан.

Тем временем упомянутый выше пожар опустошил почти третью часть города ²: ибо в то время, пока все, горожане и паломники, были поглощены столь тяжкой опасностью ³, [там] не нашлось никого, кто мог бы погасить беспрепятственно распространявшийся огонь...

¹ По Гунтеру, крестоносцы ворвались в Константинополь 18 апреля 1204 г.

² В действительности, Константинополь в 1203—1204 гг. поджигался крестоносцами трижды.

³ То есть военными действиями.

В следующей главе рассказывается о разграблении реликвий аббатом Мартином Пэрисским.

Guntheri Parisiensis. Op. cit., p. 100—103, 104—107.

Из «Истории» Никиты Хониата

...Бесстыдно бросились они грабить, начав с лошадей, не только имущество горожан, но и то, что посвящено богу.

Тому же, что нечестиво творили они в Великой Церкви¹, трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, сплавленных огнем и слившихся друг с другом в вершину многоцветной красоты, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделен на части грабителями, равным образом и все церковные сокровища, несметные количеством и бесконечно прекрасные. Когда же им понадобилось, словно добычу, вывезти пресвятые сосуды и церковную утварь, непревзойденного искусства и изящества, созданные из редких материалов, а также чистейшее серебро, покрытое позолотой, которым была выложена решетка алтаря, амвон и врата и которое было вплавлено во многие другие украшения, в святая святых храма они ввели мулов и оседланный вьючный скот, но так как некоторые животные скользили и не могли стоять на ногах на до блеска отполированных камнях, латиняне закалывали их мечами, так что божественный пол был осквернен не только пометом, но и кровью зверей.

...Во всех отношениях трудно и почти невозможно было смягчить мольбами или как-то расположить к себе этих варваров, настолько они были раздражительны, прямо-таки изрыгая желчную ненависть при всяком негодном им слове. Все могло разжечь их гнев, заслужить невежественную насмешку. Того же, кто хоть в чем-то возражал им или отказывал им в их желаниях, били за дерзость, а частенько обнажали против него и меч...

...В тот день, когда город был захвачен, грабители останавливались в любом доме, расхищали все, что находили внутри, допрашивали хозяев о припрятанном; не-

¹ Церковь св. Софии в Константинополе.

которых они били, многих уговаривали добром, но угрожали всем. И даже тогда, когда одно они уже имели, другое выслеживали, одно лежало у них перед глазами и было принесено владельцами, а другое они отыскивали сами, даже тогда не было от них никакой пощады.

...Противник проводил время в бесчинствах, забавах, причем самых нечестивых, и в высмеивании обычаев ромеев. Одни из них, облачившись не к месту, для смеха в плащи с пурпурной каймой, болтались по улицам или разъезжали туда и сюда по городу, надев на головы лошадей головные уборы, крытые тонким полотном, и повязав их челюсти лентами из белого льна, которые [у сенаторов] висели за спиной. Другие носили писчие тростинки и чернильницы, а в руках держали книги, насмехаясь над нами, как грамотеями. Большинство же возили на лошадях изнасилованных ими женщин, некоторых из них в длинных одеждах, с непокрытой головой, с волосами, сплетенными сзади в один пучок, а женские шапочки и височные подвески волнистых, белых волос водружали на лошадей. Целыми днями латиняне пировали и пьянствовали. Одни налегали на изысканные блюда, другие приказывали подавать себе пищу отцов, которая состояла из разваренных в котлах спин бычьего мяса, кусков свиной солонины, сваренной с мучнистыми бобами, а также из чесночных приправ и соусов из различных соков, острых на вкус.

Когда же они делили добычу, то не было для них разницы между мирской утварью и священными сосудами: равным образом все использовали они для своих плотских нужд, не заботясь ни о боге, ни о правосудии. Даже из божественных изображений Христа и святых они делали сиденья и скамейки для ног...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Основные источники по истории крестовых походов на Восток	
I. Латинские хронисты Первого и Четвертого крестовых походов	6
II. Известия восточных современников о крестовых походах	32
III. История крестовых походов в памятниках древнерусской литературы	40
Повествования и документы	
Первый крестовый поход (1096—1099)	
I. Клермонский собор и провозглашение крестового похода Урбаном II	47
Из хроники Фульхерия Шартрского «Иерусалимская история» («Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим»)	47
Из хроники Роберта Реймского «Иерусалимская история»	50
II. Причины крестового похода. Проповедь Петра Пустычника. Поход бедноты	54
Из хроники аббата Гвиберта Ножанского «История, называемая деяния бога через франков»	54
Из «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского	57
Из «Алексиады» Анны Комниной	58
Из «Полного свода всеобщей истории» Ибн ал-Асира	62
III. Крестоносное рыцарство в столице Византии	63
Из «Алексиады» Анны Комниной	63
Из «Хронографии» Матфея Эдесского	73
IV. Крестоносцы в Малой Азии. Взятие Никеи	74
Письмо графа Стефана Блуасского и Шартрского к супруге Адели из-под Никеи	74
Из «Алексиады» Анны Комниной	78
Из «Хронографии» Матфея Эдесского	83
V. Утверждение крестоносцев в Эдессе	84
Из «Хронографии» Матфея Эдесского	84
Из «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского	86
VI. Захват Антиохии крестоносцами (3—28 июня 1098 г.)	90
Из хроники Раймунда Ажилльского «История франков, которые взяли Иерусалим»	90
Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»	93
Письмо предводителей крестоносного рыцарства папе Урбану II от 11 сентября 1098 г.	97
Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси	103
Из «Полного свода всеобщей истории» Ибн ал-Асира	105
Из «Хронографии» Матфея Эдесского	108
Из «Алексиады» Анны Комниной	110
Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»	113
Из «Алексиады» Анны Комниной	116
Из «Хронографии» Матфея Эдесского	118

	Из «Полного свода всеобщей истории» Ибн ал-Асира	119
VII.	Осада и взятие Аль-Маарры. Бесчинства крестоносцев	121
	Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»	121
	Из хроники Раймунда Ажильского «История франков, которые взяли Иерусалим»	124
	Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси	126
	Из «Полного свода всеобщей истории» Ибн ал-Асира	127
VIII.	Завоевание крестоносцами Иерусалима (15 июля 1099 г.)	128
	Из анонимной итало-норманской хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев»	128
	Из хроники Раймунда Ажильского «История франков, которые взяли Иерусалим»	133
	Из рифмованной хроники Рауля Канского «Деяния Танкреда»	138
	Из хроники Фульхерия Шартрского «Иерусалимская история»	139
	Из «Истории Дамаска» Ибн ал-Каланиси	139

Латино-Иерусалимское королевство

I.	Социальные порядки в государствах крестоносцев. Отношение мусульманского населения Сирии и Палестины к завоевателям	141
	Из «Книги назидания» Усамы ибн-Мункыза	141

Четвертый крестовый поход и завоевание Константинополя (1199—1204)

I.	Проповедь и начало Четвертого крестового похода во Франции. Крестоносцы и Венеция	154
	Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	154
	Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	162
	Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую землю (апрель 1201 г.)	169
II.	Проповедь и начало Четвертого крестового похода в германских землях	175
	Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	175
III.	Крестоносцы в Венеции. Завоевание Задара. Позиция папства	178
	Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	178
	Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	189
	Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	193
	Из хроники Анонима Гальберштадского «Книжица о паломничестве в Грецию и реликвиях, доставленных из Греции»	196
IV.	Крестоносцы и германско-византийская дипломатия	199
	Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	199
	Из «Истории» Никиты Хониата	201

V. Планы похода на Константинополь и политика Иннокентия III	203
Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	203
Из хроникки Анонима Гальберштадтского «Книжица о паломничестве в Грецию и о реликвиях, доставленных из Греции»	205
VI. Поворот крестового похода на Константинополь. Путь к византийской столице. Раздоры в войске крестоносцев	206
Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	206
Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	210
VII. Захват Константинополя крестоносцами в 1203 г.	214
Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	214
Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	225
Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	231
Из хроники Суассонского Анонима «О Земле Иерусалимской и каким образом доставлены были в эту церковь реликвии из города Константинополя»	234
Письмо неизвестного рыцаря, участника событий	236
VIII. Крестоносцы в Константинополе (1203)	243
Из «Истории» Никиты Хониата	243
Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	246
Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	251
IX. Причины второй войны против Византии. «Договор о разделе империи»	252
Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	252
Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	254
X. Захват и разграбление византийской столицы крестоносцами в апреле 1204 г.	255
Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»	255
Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»	259
Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского	266
Из «Истории» Никиты Хониата	268

64 коп.

